

ISSN 2073-6304

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Экономика.
Управление. Право»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Economics.
Management. Law”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2022

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series

Academic Journal

There are 4 issues of the printed version of the journal a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

08.00.00 Economics:

08.00.01 Economic theory

08.00.05 Economics and management of national economy

08.00.10 Finance, money circulation and credit

08.00.14 World economics

12.00.00 Jurisprudence:

12.00.03 Civil law, Business law, Family law

12.00.04 Financial law, Tax law, Budget law International private law

12.00.10 International law, European law

Objectives and scope

The purpose of the journal is the dissemination and popularization of modern economic and legal knowledge, the publication of the results of relevant scientific research in the field of management, economics and law.

The main task of the journal is to become an effective means of communication between university and academic science, education and the professional community on a wide range of the most important socio-economic and legal problems of the development of regions, the country and the world.

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61880 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – reg. No. FS77-73407 of 03.08.2018

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

tel: +7 (499) 973-40-96

e-mail: ynic2010@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

08.00.00 Экономика:

08.00.01 Экономическая теория

08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством

08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит

08.00.14 Мировая экономика

12.00.00 Юриспруденция:

12.00.03 Гражданское право, Предпринимательское право, Семейное право

12.00.04 Финансовое право, Налоговое право, Бюджетное право,
Международное частное право

12.00.10 Международное право, Европейское право

Цели и область

Цель журнала – распространение и популяризация современных экономических и юридических знаний, публикация результатов актуальных научных исследований в области управления, экономики и права.

Главная задача журнала – стать эффективным средством коммуникации между университетской и академической наукой, образованием и профессиональным сообществом по широкому кругу важнейших социально-экономических и правовых проблем развития регионов, страны и мира.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61880 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73407 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Тел: +7 (499) 973-40-96

электронный адрес: unis2010@mail.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

N.I. Arkhipova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

E.V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*the first deputy editor-in-chief*)

S.N. Bolshakov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

V.N. Nezamaikin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

S.V. Timofeev, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

L.B. Sadovnikova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, WSG University, Poznan, Poland

Veliko I. Zhekov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Institute of Stimulation of Economics, Varna, Bulgaria

P.I. Tolmachev, Dr. of Sci. (Economics), professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

V.M. Tumin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

O.A. Rouzakova, Dr. of Sci. (Law), professor, Committee apparatus of State Duma of the Russian Federation for state building and legislature, Moscow, Russian Federation

I.I. Rodionov, Dr. of Sci. (Economics), professor, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

K.V. Ekimova, Dr. of Sci. (Economics), professor, State University of Management, Moscow, Russian Federation

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary of the series*)

Executive editors

E.V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH
(*executive secretary of the series*)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Н.И. Архипова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Е.В. Зенкина, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*первый заместитель главного редактора*)

С.Н. Большаков, доктор экономических наук, профессор, АГОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Незамайкин, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.В. Тимофеев, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Л.Б. Садовникова, доктор психологических наук, профессор, Высшая школа экономики, Познань, Польша

Жеков Велико Иванов, доктор экономических наук, профессор, Институт стимулирования экономики, Варна, Болгария

П.И. Толмачев, доктор экономических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Российская Федерация

В.М. Тумин, доктор экономических наук, профессор, Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

О.А. Рузакова, доктор юридических наук, профессор, Комитет Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству, Москва, Российская Федерация

И.И. Родионов, доктор экономических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

К.В. Екимова, доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*ответственный секретарь серии*)

Ответственные за выпуск

Е.В. Зенкина, доктор экономических наук, доцент, РГГУ

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, РГГУ
(*ответственный секретарь серии*)

Contents

Management	
<hr/>	
<i>Nataliya A. Voronina, Vladimir A. Volokh</i>	
Social risks of the pandemic	8
<i>Natal'ya V. Ovchinnikova, Oleg Yu. Artemov, Stanislav A. Ovchinnikov</i>	
Features of the regulation of the work order and norms of behavior of civil servants at the time of Peter the Great	17
<i>Parkev S. Avetisyan, Naira M. Gevorkyan, Meri R. Tadevosyan</i>	
Problems of development of digital competencies in higher education taking into account world transformations (on the example of Armenia and the Russian Federation)	29
Economy	
<hr/>	
<i>Valentin Ya. Afanas'ev, Vitalii V. Kuz'min</i>	
About methodological aspects of development competition in the electricity market	49
<i>Boris B. Leont'ev</i>	
The genetic basis of the world economy and law	68
<i>Mikalai P. Drahun, Iryna V. Ivanouskaya</i>	
Economic regionalization of Belarus. Determination of quantitative parameters of administrative units	88
<i>Elena S. Tsepilova, Natal'ya D. Rodionova</i>	
Development of ecological tourism in Russia. Conceptual characteristics and potential of development	110
Law	
<hr/>	
<i>Tat'yana V. Belova, Irina O. Okuneva</i>	
The role of offshore companies in concealing assets by beneficiaries controlling the debtor in legal cases of insolvency (bankruptcy)	129
<i>Zainura I. Ismoilova</i>	
Differentiation of works and services as objects of civil rights according to the criterion of the result materialization	141

Содержание

Управление	
<hr/>	
<i>Наталья А. Воронина, Владимир А. Волох</i>	
Социальные риски пандемии	8
<i>Наталья В. Овчинникова, Олег Ю. Артемов, Станислав А. Овчинников</i>	
Особенности регламентации порядка работы и норм поведения государственных служащих в эпоху Петра I	17
<i>Паркев С. Аветисян, Наира М. Геворкян, Мери Р. Тадевосян</i>	
Проблема развития цифровых компетенций в области высшего образования с учетом мировых трансформаций (на примере Армении и РФ)	29
<hr/>	
Экономика	
<hr/>	
<i>Валентин Я. Афанасьев, Виталий В. Кузьмин</i>	
О методологических аспектах развития конкуренции на электроэнергетическом рынке	49
<i>Борис Б. Леонтьев</i>	
Генетическая основа мировой экономики и права	68
<i>Николай П. Драгун, Ирина В. Ивановская</i>	
Экономическое районирование Беларуси: определение количественных параметров административных единиц	88
<i>Елена С. Цепилова, Наталья Д. Родионова</i>	
Развитие экологического туризма в России: концептуальные характеристики и потенциал развития	110
<hr/>	
Право	
<hr/>	
<i>Татьяна В. Белова, Ирина О. Окунева</i>	
Роль офшоров в сокрытии активов контролирующими должниками лицами в правоотношениях несостоятельности (банкротства)	129
<i>Зайнура И. Исмоилова</i>	
Разграничение работ и услуг как объектов гражданских прав по критерию о вещественности результата	141

Социальные риски пандемии

Наталья А. Воронина

Москва, Россия, v.volokh@yandex.ru

Владимир А. Волох

*Государственный университет управления
Москва, Россия, v.volokh@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу широкого спектра рисков, внесенных пандемией, которые уже проявились, которые миру еще предстоит осознать и оценить и с которыми предстоит бороться. Пандемия заставила государства в целях противодействия новой мировой инфекции оперативно принимать специальные меры: от объявления чрезвычайных ситуаций до введения различных ограничений, включая затрагивающие права человека. В условиях социальных ограничений наблюдается быстрая трансформация повседневного образа жизни и моделей поведения населения, отрицательно сказывающаяся на здоровье людей. Все это привело к тому, что правительства стран вынуждены обращать особое внимание на проблемы в области здравоохранения.

Ключевые слова: риски, пандемия COVID-19, права человека, удаленная занятость, продолжительность жизни, чрезвычайная ситуация, локдаун

Для цитирования: Воронина Н.А., Волох В.А. Социальные риски пандемии // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 2. С. 8–16. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-8-16

Social risks of the pandemic

Nataliya A. Voronina

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, v.volokh@yandex.ru*

Vladimir A. Volokh

State University of Management, Moscow, Russia, v.volokh@yandex.ru

Abstract. The article deals with the analysis of a wide range of risks introduced by the pandemic, which have already manifested themselves, and which the world has yet to realize and evaluate, and which have to be fought. The

pandemic forced states to quickly take special measures in order to counter the new global infection: from declaring emergency situations to imposing various restrictions, including those affecting human rights. In the context of social restrictions, there is a rapid transformation of the daily lifestyle and behavior patterns of the population, which adversely affects people's health. All this has led to the fact that governments are forced to pay special attention to health issues.

Keywords: risks, COVID-19 pandemic, human rights, remote employment, life expectancy, emergency, lockdown

For citation: Voronina, N.A. and Volokh, V.A. (2022), "Social risks of the pandemic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 2, pp. 8-16, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-8-16

Обрушившаяся на мир пандемия с ее непредсказанностью, внезапностью, высокой заболеваемостью, неблагоприятными прогнозами свидетельствует о том, что современность чревата появлением новых видов социальных рисков – внезапно возникающих так называемых черных лебедей.

В своей книге «Государство и право в период кризиса современной цивилизации» член-корреспондент РАН А.Н. Савенков привел слова академика РАН В.Н. Кудрявцева, отметившего неизменные базовые ценности: человеческую жизнь, свободу, общение с другими людьми, семью, работу, благополучие человека¹. По всем этим ценностям пандемия нанесла мощнейший удар.

Гуманитарные последствия, вызываемые различными факторами природных и иных кризисов, усугубляемые политическими и социальными конфликтами, приводят к массовым нарушениям в странах прав человека, требуют совместных действий международного сообщества.

Главное из каталога прав человека – это право на жизнь и здоровье. С точки зрения медицины здоровье человека лишь на 15% определяется генетическими факторами. Государство должно создавать необходимые условия, чтобы граждане могли вести здоровый образ жизни, а также с помощью современной медицины способствовать сохранению и обеспечению здоровья людей.

В соответствии с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах каждый имеет право на «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья». Правительства обязаны принимать эффективные меры для «профилактики, лечения и контроля эпидемических, эндемических, профессиональных и других заболеваний».

¹ Цит. по: *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М.: Проспект, 2020. С. 312.

Во время пандемии 2020 г. Российская Федерация вступила в демографическую катастрофу, отмечает академик РАН А. Аганбегян [Аганбегян 2021]. Впервые за последние 15 лет в России резко выросла в кризис смертность: в 2020 г. смертность увеличилась до более 300 тыс. человек по сравнению с 2019 г. Из-за этого депопуляция населения превысит 600 тыс. человек.

Увеличение смертности привело к сокращению ожидаемой продолжительности жизни в России. Если еще в 2019 г. продолжительность жизни россиян составляла 73,6 года, то в 2020 г. этот показатель опустился до 72 лет.

Мы являемся одной из немногих стран, где продолжительность жизни ниже возраста выхода на пенсию. Уровень смертности в трудоспособном возрасте в Российской Федерации в три раза выше, чем в развитых странах².

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила, что вспышка вирусного заболевания COVID-19 достигла уровня глобальной пандемии. В прозвучавших заявлениях руководителей международных организаций (верховного комиссара ООН по правам человека, генсека Совета Европы, председателя ЕСПЧ и других) отмечалась главная идея о том, что хотя пандемия неизбежно накладывает определенные ограничения, она не должна повлечь отступления от основ демократии, гражданских и политических свобод.

В докладе Совета Европы (СЕ) «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в период кризиса» (2020) указывается, что ограничения допустимы лишь в том случае, если они «строго необходимы» для борьбы с пандемией и не приводят к произволу на местах. В документе также отмечается, что дополнительные законодательные нормы, принятые в режиме ЧС, должны соответствовать конституциям и международным стандартам, «а также включать в себя четкие временные ограничения на продолжительность этих исключительных мер»³.

Полномочия правительств издавать чрезвычайные декреты не должны приводить к тому, что законодатель дает карт-бланш исполнительной власти. При этом в документе указано, что некото-

² Цит. по: *Соловьева О.* Чиновники довольны тем, как они исполняют президентские Послания // Экономика. 2021. 8 апреля.

³ Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в период кризиса: Доклад СЕ (2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/sg-inf-2020-11-toolkit-for-member-states-during-the-covid-19-sanitary-/16809e3992> (дата обращения 23 января 2020).

рые права граждан все же не могут ограничиваться даже в чрезвычайных ситуациях. Например, право на жизнь и здоровье, на справедливое судебное разбирательство.

Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам (осуществляющий контроль за выполнением положений МПЭСКП) заявил, что право на здоровье предусматривает, что медицинские учреждения, товары и услуги должны быть: в наличии, в достаточном количестве; хорошего качества; доступными для всех без дискриминации; отвечающими медицинской этике; приемлемыми с научной и медицинской точек зрения.

Существующие в правовой доктрине и на практике подходы к правам человека требуют соблюдения высокой степени равенства в ситуациях противопоставления интересов человека и общества, человека и государства, применения к общественным отношениям критериев пропорциональности, соразмерности и других базовых правовых концепций.

Пандемия прямо или опосредованно создает для государства, общества и каждого человека множество и других – помимо здоровья и демографии – рисков, опасностей и угроз с точки зрения социальных, экономических, политических и культурных сфер жизни/областей. Пандемия привела к множеству социальных конфликтов, ждущих своего разрешения. При этом не менее значимыми являются и множество иных проблем: возрастающие угрозы глобального потепления, экономических кризисов, киберпреступности и др., сложность разрешения которых связана с непредсказуемостью их дальнейшего развития, а также отсутствием эффективных средств их пресечения.

Поэтому существует настоятельная необходимость дать анализ тех вызовов и угроз, с которыми столкнулся современный мир/общество, а также определить тенденции развития ситуации. При этом если вызовы мы понимаем как проблемы, то угрозами они становятся, если относительно длительное время не решаются [Ашавский 2020].

Так, из-за нехватки иностранной рабочей силы вследствие сократившегося притока мигрантов в Россию оказалась под угрозой продовольственная безопасность страны – страдает российское сельское хозяйство. Дефицит рабочих рук особенно остро наблюдается в Ростовской и Воронежской областях, а также и в Сибири: например, в Томской области не хватает агрономов, механизаторов, сборщиков овощей и сортировщиков. Во многих хозяйствах для привлечения работников готовы удвоить заработную плату по сравнению с 2020 г., но это не помогает исправить ситуацию. Во многих случаях придется сокращать производство, вследствие чего

на рынок поступит меньше продукции, что, в свою очередь, приведет к росту цен.

Через какое-то время после массового повсеместного внедрения удаленной занятости стали очевидными ее отрицательные моменты. Как показали недавние исследования, дистанционная работа вызывает у сотрудников стресс, эмоциональное истощение и выгорание сотрудников и приводит к желанию сменить работодателя. Треть дистанционных сотрудников мечтают вернуться в офис.

В России, по данным Минтруда, официально в режиме удаленной работы на конец марта 2021 г. было занято около 3 млн человек. Но фактически масштабы «удаленки» скорее всего значительно шире.

До пандемии в Российской Федерации официально числилось удаленными работниками лишь около 30 тыс. человек. А на пике карантинных мер на дистанционном режиме государство сосчитало 3,7 млн работников.

В Великобритании, где в феврале 2021 г. 96% офисных работников работало из дома, государство обязало проверять условия работы таких сотрудников. К неподходящим условиям работы принято относить, в первую очередь, ненадлежащее оформление рабочего места.

Данные глобального сервиса о времени подключения и отключения от интернета показали, что переход на дистанционную работу из дома значительно удлинил рабочий день. В США – на 3 часа, во Франции, Испании и Великобритании – на два часа. Исследование Гарвардской бизнес-школы показал, что в среднем рабочий день в новой реальности достиг почти 11 часов в сутки. При этом производительность снижалась.

Как выявили зарубежные исследователи, пандемия коронавируса способствовала усилению различных проявлений ксенофобии, в частности, антисемитских предрассудков⁴. Как отмечал президент Европейского еврейского конгресса В. Кантор, в протестных движениях против мер сдерживания пандемии коронавируса зачастую участвовало большое число ультраправых элементов, и из-за этого они представляют все более серьезную угрозу безопасности. Как отмечается в Докладе о ситуации с антисемитизмом в мире Центра Кантора при Университете Тель-Авива, «обвинение евреев и израильтян в разработке и распространении коронавируса стало главным мотивом проявлений антисемитизма в этом году».

⁴ Мельников А. Антисемизм распространяется коронавирусом // Независимая газета. 2021. 8 апреля.

Рост числа проявлений антисемитизма был зарегистрирован в Украине. При этом, как отмечает известный российский правозащитник Александр Брод,

...несмотря на тяготы вирусного года, падение доходов, серьезного всплеска в России нетерпимости не было, что подтверждается данными мониторинга и социологических опросов. Проявления радикализма за рубежом на российскую почву не срезонировали⁵.

С самого начала пандемии государства стали принимать меры по ограничению распространения инфекции. Так, в Германии с марта 2020 г. были закрыты учебные заведения, предприятия общественного питания, универмаги, введен индивидуальный карантин (дифференцированный для разных земель). В земле Гессен введен запрет на посещение церквей и других религиозных заведений, что вызвало обвинение властей в ограничении свободы вероисповедания.

Федеральный министр юстиции, член СДПГ Кристина Ламбрехт признала, что введенные ограничения затрагивали гарантированные Конституцией основные права граждан Германии: на свободу передвижения, неприкосновенность жилища и пр. Введенные властями ограничения опирались на вступивший в силу в начале 2001 г. специальный Закон о предохранении от инфекций, позволяющий в ряде случаев ограничивать основные права граждан, гарантированные Конституцией. Пандемия отнесена к случаям, когда данный закон разрешено применять.

По мнению немецкого социолога Вильгельма Хайт Мейера, «главной проблемой в случае ограничения конституционных прав является срок их применения»⁶.

Практически во всех странах одной из мер противодействия распространению коронавируса было введение (полное или частичное) так называемого локдауна. Следует отметить, что европейские страны действовали достаточно разрозненно – сказывалась несогласованность действий международных регуляторов. Во Франции режим чрезвычайного положения (ЧП) продлили сразу до июня 2021 г. Режим ЧП до весны был введен в Португалии, Черногории и Чехии. Германия неоднократно продлевала карантин; Нидерланды продлевали комендантский час.

В апреле 2021 г. Казахстан накрыла вторая волна пандемии, в разы увеличилась смертность и заболеваемость во всех регионах

⁵ Брод А.С. Ненависть на самоизоляции // Независимая газета. 2021. 14 апреля.

⁶ Независимая газета. 2020. 16 апреля.

страны. По всей стране принимались ограничительные меры, однако локдаун, как это было в первую волну пандемии, власти не спешили вводить: кроме социального напряжения и экономических потерь для страны, он больше ничего не принес.

Значительное число зараженных коронавирусом фиксировалось в Германии, где, как и в ряде других стран Европы, на первом этапе не хватало медицинских препаратов для проведения вакцинации подавляющего большинства населения. А имеющиеся вакцины оказались недостаточно качественными. Ошибка Меркель не в недооценке причин и последствий пандемии, а в ошибочном политическом выборе: налаживание не общемирового сотрудничества, а ограничение европейским подходом, что привело к созданию бюрократических препятствий. Было практически исключено сотрудничество в этой области с Россией.

В настоящее время ковид не отступает. В январе 2022 г. в Китае было зафиксировано наибольшее число заболевших ковидом по сравнению с июнем 2020 г. Во Франции на 27 января 2022 г. за сутки зарегистрировано более 400 тысяч новых случаев заражения⁷.

Вызывает удивление непоследовательная и противоречивая политика европейских государств по борьбе с ковидом. На фоне повсеместного распространения нового, высоко контагиозного штамма – омикрона, Великобритания, например, снимает все ограничения, Италия значительно снижает их для путешественников.

В ответ на социально-экономические сбои, которые принесла с собой пандемия, правительства стран всего мира приняли меры по социальной защите населения в условиях пандемии COVID-19. Они включали создание различных социальных программ, предоставление внеплановых оплачиваемых отпусков, оказание финансовой помощи семьям и др.

В 2020 г. наиболее масштабные меры реагирования были предприняты правительствами экономически развитых стран. Так, бюджет плана восстановления Европейского союза был утвержден в размере 750 млрд евро (6% от его ВВП), на восстановление экономики Японии страна выделила 1,1 трлн долл. (22% от ВВП страны). В развивающихся странах с низким уровнем доходов принятые финансовые меры в среднем составили 1,2% ВВП. Минимизация последствий пандемии ковида обошлась России в 4,5% ВВП.

Принимаемые государствами меры являются временными, краткосрочными решениями – на время карантина или до восстановления экономики. Они не способны повлиять на причины, из-за

⁷ Le Figaro. 2022. 27 janvier.

которых миллионы людей находятся в уязвимом положении. Даже до пандемии 69% мирового населения либо не имело доступа к социальной защите, либо такой доступ был ограничен. Только 22% безработных получают денежные пособия по безработице.

Необходима поддержка и солидарность всех стран в создании надежного минимального уровня социальной защиты. Согласно нормам международного права в области защиты прав человека, экономически развитые страны обязаны помогать осуществлению социальных прав в странах с ограниченным объемом ресурсов. В 2012 г. МОТ – правительства, трудящиеся и работодатели из 185 стран – поддержали идею всесторонней социальной защиты, приняв обязательства «обеспечить и поддержать... минимальный уровень социальной защиты как основополагающий компонент национальных систем социального обеспечения⁸». Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г. содержит обещание «никого не оставить за бортом».

Действующие механизмы международно-правового регулирования предупреждения и ликвидации чрезвычайных и кризисных ситуаций опираются на большой массив международных правовых актов (конвенций, резолюций, программных документов международных организаций). Однако нельзя не отметить различный удельный вес договорных актов в разных сферах международного сотрудничества по предупреждению и преодолению чрезвычайных рисков и кризисных ситуаций, а также разновекторность целей международно-правового регулирования, его фрагментарность и зачастую рассогласованность между его отдельными элементами⁹. Борьба с пандемией, не выходящая за рамки усилий отдельных крупных развитых государств на фоне определенного бессилия компетентных международных структур, явилась наглядным примером дефицита верховенства права.

⁸ Стратегия Международной организации труда. Социальное обеспечение для всех. Создание минимальных уровней социальной защиты и всеобщих систем социального обеспечения [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_344691.pdf (дата обращения 23 января 2022).

⁹ Чрезвычайные ситуации: проблемы правового регулирования в современном обществе: XI Междунар. конгресс сравнительного правоведения / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Чрезвычайные и кризисные ситуации в фокусе международного права: современные вызовы и ответы: Круглый стол 1. 1 декабря 2021 г. / Европейская комиссия за демократию через права (венецианская комиссия).

Таким образом, современное международное сотрудничество государств по предупреждению и преодолению рисков и последствий пандемии ставит ряд важнейших задач и перед правовой наукой, среди которых: систематизация правовых знаний в этой области; разработка и уточнение категориального аппарата; совершенствование международно-правового инструментария.

Литература

- Аганбегян 2021 – *Аганбегян А.Г.* О катастрофическом увеличении смертности и мерах по сбережению народа в России // *Экономические стратегии*. 2021. Т. 23. № 4 (178). С. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-4.178.2021.6-13>
- Ашавский 2020 – *Ашавский Б.М.* Современное международное право: вызовы, угрозы и тенденции развития // *Государство и право XXI века: современные тенденции и новые вызовы: Сб. материалов Междунар. научно-практич. конф.* / Отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2020. С. 20–27.

References

- Aganbegyan A.G. (2021), “On catastrophic increase in mortality and measures to save the people in Russia”, *Economic strategies*, vol. 23, no. 4 (178), pp. 6–13.
- Ashavskii, B.M. (2020), “Modern international law: challenges, threats and development trends”, Soshnikova, T.A. (ed.), *Gosudarstvo i pravo XXI veka: sovremennye tendentsii i novye vyzovy: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [State and law of the 21st century. Modern and new challenges, Proceedings of the 10th International Scientific conference], Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, Moscow, Russia, pp. 20–27.

Информация об авторах

Наталья А. Воронина, кандидат юридических наук, Институт государства и права РАН, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Знаменка, д. 10; v.volokh@yandex.ru

Владимир А. Волох, доктор политических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Россия; 109542, Россия, Москва, Рязанский пр-т, д. 99; v.volokh@yandex.ru

Information about the authors

Nataliya A. Voronina, Cand. of Sci. (Law), Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 10, Znamenka Street, Moscow, Russia, 119019; v.volokh@yandex.ru

Vladimir A. Volokh, Dr. of Sci. (Political Science), professor, State University of Management, Moscow, Russia; bld. 99, Ryazansky Avenue, Moscow, Russia, 109542; v.volokh@yandex.ru

Особенности регламентации порядка работы и норм поведения государственных служащих в эпоху Петра I

Наталья В. Овчинникова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, upr-kafedra@rggu.ru*

Олег Ю. Артемов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, upr-kafedra@rggu.ru*

Станислав А. Овчинников

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, upr-kafedra@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются формы и результаты реформирования системы управления государством при Петре I, исследуются причины формирования первых моделей служилых людей, характеризуются особенности регламентации порядка их работы и норм поведения на законодательном уровне («Морской устав», «Табель о рангах», «Генеральный регламент» и др.). Разработка и принятие всех этих документов являлось новаторством в сфере государственного управления в России начала XVIII в. и позволило применять структурированные и эффективные практики организованного администрирования. Созданная в тот период методологическая основа управления сохраняется и по сей день, так как коллегии превратились в министерства, которые просуществовали вплоть до революции 1917 г. После прихода большевиков к власти новое руководство так или иначе в виде наркоматов сохранило практически все прежние министерства и опыт их деятельности, а уже после распада СССР последние достались Российской Федерации по наследству. Кроме того, инициированные Петром I акты не только установили требования к военной, морской и государственной гражданской службе, но и придали всем им совершенно иной смысл и содержание. На первое место была выдвинута приоритетная цель служения своему Отечеству. То есть людей спланивало не слепое, как это было прежде, повиновение царским указам, а понимание того, что их деятельность, в первую очередь, связана с общественным благом и принесением пользы государству в целом. Такое переосмысление труда рождало новые организационные ценности и повышало заинтере-

ресованность служащих в достижении социально-значимых результатов. Актуальность данной статьи заключается в том, чтобы на опыте прошлых лет найти действенные рычаги, мотивирующие людей быть полезными друг другу и своей стране.

Ключевые слова: Генеральный регламент, государственный служащий, иерархическое государство, Морской устав, общее благо, Петр I, поведенческая модель, регулярное государство, реформы, светское государство, служилое общество, социальная иерархия, Табель о рангах

Для цитирования: Овчинникова Н.В., Артемов О.Ю., Овчинников С.А. Особенности регламентации порядка работы и норм поведения государственных служащих в эпоху Петра I // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 2. С. 17–28. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-17-28

Features of the regulation of the work order and norms of behavior of civil servants at the time of Peter the Great

Natal'ya V. Ovchinnikova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, upr-kafedra@rggu.ru

Oleg Yu. Artemov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, upr-kafedra@rggu.ru

Stanislav A. Ovchinnikov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, upr-kafedra@rggu.ru

Abstract. The article considers the forms and results of the reform of the state administration system under Peter I, examines the reasons for the formation of the first models of servicemen, characterizes the specifics in regulating the order of their work and norms of behavior at the legislative level (“Maritime Charter”, “Table of Ranks”, “General Regulations”, etc.). The development and adoption of all those documents was an innovation in the field of public administration in Russia at the beginning of the 18th century that allowed the use of structured and effective practices of organized administration. The methodological basis for governance established at that time is still in place today, as the collegiums turned into ministries that existed until the revolution of 1917. After the Bolsheviks came to power, the new leadership, in one way or another, in the form of People’s commissariats, retained almost all the previous ministries and the experience of their activities, and after the collapse of the USSR, the latter were inherited by the Russian Federation. In addition, the acts initiated by Peter I not only established requirements for the military, naval and state civil service, but also gave them all a completely different meaning and content. The priority goal of serving one’s Fatherland was put forward in the first place. That is, people were united not by blind obedience to the royal decrees, as it was before, but by the understanding that their activities were primarily related to the public good and bringing benefits to the state

as a whole. Such a rethinking of work gave birth to new organizational values and increased the interest of employees in achieving socially significant results. The relevance of the article is to use the experience of the past years to find effective levers that motivate people to be useful to each other and their country.

Keywords: General regulations, civil servant, hierarchical state, Maritime charter, common good, Peter I, behavioral model, regular state, reforms, secular state, service society, social hierarchy, Table of Ranks

For citation: Ovchinnikova, N.V., Artemov, O.Yu. and Ovchinnikov, S.A. (2022), "Features of the regulation of the work order and norms of behavior of civil servants at the time of Peter the Great", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 2, pp. 17-28, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-17-28

В современной исторической науке встречаются весьма противоречивые оценки деятельности Петра I. Проводимые им преобразования рассматриваются, с одной стороны, как необходимое, инициируемое временем реформирование России, а с другой – как события, способствующие разрушению ее средневековой ментальности и прежнего религиозного уклада. В данном контексте остаются актуальными вопросы, связанные с трансформацией системы центрального управления и созданием регулярного государства.

Целью настоящей статьи является характеристика способов регламентации порядка работы и норм поведения государственных служащих в петровскую эпоху. Для ее достижения авторы предпримут попытку охарактеризовать идеи Петра I о модернизации России и создании светского государства на основе иерархической системы.

Как известно, проведение тех или иных реформ вызвано новыми политическими, экономическими, социальными, технологическими и иными соображениями. Всегда настает время, когда приходится серьезно задумываться о будущем и пересматривать свое прежнее положение, чтобы понять, насколько сильна или слаба занимаемая тобою позиция. Каждая эпоха рождает сильных лидеров, которые могут взглянуть на окружающий их мир другими глазами, увидеть альтернативные пути его дальнейшего развития, оценить каждый из них в соответствии с изменившимися приоритетами и попытаться, опираясь на собственные знания и опыт, найти решения, адекватные сложившейся ситуации. Петр I оказался именно той «знаковой» фигурой – «правителем со стратегическим мышлением» (как бы сегодня его назвали наши современники), который так действительно был нужен России, на порядок отстававшей от стран Западной Европы.

Начало XVIII в. для России в современной историографии нередко интерпретируется как время, которое характеризуется ломкой и трансформацией привычного средневекового уклада. Историк И.Л. Андреев в статье «Отец и сын: два портрета в интервью истории» дает подробную сравнительную характеристику двух правителей – Алексея Михайловича и Петра I. При изучении детства будущих государей как этапа формирования их будущих представлений о развитии России, военной и государственной деятельности делается вывод о том, что заслуги Алексея Михайловича в истории очень часто занижаются на фоне заслуг его сына. По мнению автора, это не совсем справедливо, так как во многом Петр I был не инициатором, а продолжателем политики своего отца. И.Л. Андреев рассматривает двух правителей как представителей разных эпох – Алексея Михайловича как правителя средневекового общества, а Петра I как правителя Нового времени [Андреев 2017, с. 29–30].

Этот аспект весьма важен в данном исследовании, так как подобные выводы позволяют понять причины актуализации в государственной практике Петра I характеристик светского государства, предопределившие и необходимость перехода к новой управленческой модели.

Петр I видит главную роль монарха в служении своему Отечеству, в достижении общего блага, то есть в интересах целого государства, а не личности одного правителя. Именно идея «служения» находит большой отклик у будущего императора. В ее контексте происходит формирование «регулярного государства» и регламентации государственной службы. Историк И.Н. Курочкина в своей статье «Формирование поведенческой культуры русского общества во второй половине XVIII в.» приходит к выводу, что со времен Петра I укреплялась четкая и строжайшая организация дворян в интересах государства. Началом этого процесса послужило учреждение «Табеля о рангах» в 1722 г., в котором были определены принципы деления социальных слоев, поддерживающих власть. Дворянство различалось по родовитости как потомственное и личное, по месту жительства как столичное и провинциальное, а также по богатству, служебному рангу, национальности, близости ко двору и императору [Курочкина 1999, с. 104].

Другой ученый, М.М. Богословский, под термином «регулярное государство» понимает «политическую структуру, которая регулирует всю общественную жизнь в целях достижения всеобщего блага» [Богословский 1902, с. 228]. Эта идея была весьма актуальна для конца XVII – начала XVIII в. Она была выдвинута философами и теоретиками права С. Пуфендорфом, Г. Лейбницем и Х. Воль-

фом. Как представляется, Петр I занимался активным изучением их трудов, переводами и даже состоял с некоторыми авторами в личной переписке.

Основываясь на высказываниях русского историка Б.И. Сыромятникова, современный исследователь С.А. Нефедов делает умозаключение о том, что «Петр всецело поверил в спасительную силу «регулярного государства», которое немецкий экономист и социолог XIX в. Лоренц фон Штейн назвал «машиной для производства счастья народов» [Нефедов 2013, с. 56].

Принято считать, что для будущего русского императора формирование «регулярного государства» заключалось, в первую очередь, в формировании служилого государства, одним из аспектов которого стало создание регулярной армии.

Многие исследователи отмечают личные примеры императора для привлечения людей к службе. Об этом, например, пишет историк Е.В. Анисимов: «Несомненно, личный пример служения государству, который Петр самозабвенно демонстрировал на глазах тысяч людей на стапелях верфи, лесах стройки, мостике корабля или на поле боя, был необычайно эффективен, заразителен для одних и обязателен для других. Петр был искренне убежден, что царствование – это его такая служба России, что, царствуя, он исполняет свой долг перед государством. Своим примером он призывал и всех своих подданных исполнять свои обязанности также самоотверженно» [Анисимов 2009, с. 135].

Как уже упоминалось, важной идеей для Петра была идея «общего блага», которая была сформулирована им еще в 1702 г. и на протяжении всего его правления видоизменялась. Если обращаться к более поздним записям императора, то идею «общего блага» он выражает так: «надлежит трудитца о пользе и прибытке общем, который бог нам пред очи кладет как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ» [Павленко 1994, с. 310–311]. Эта идея формируется в строго стратифицированном обществе, а значит, и пониматься для каждого сословия должна по-разному. Если главная задача «общего блага» это служение государству, то для крестьянина оно будет заключаться в обработке пашни, в уплате подати, «оставлении» на службу рекрутов и несении повинностей в пользу помещика, а для дворянина данное «служение» будет представлять собой образование и регулярную службу (военную или гражданскую). В связи с этим известный советский историк Н.И. Павленко делает вывод о том, что в представлении Петра I «гармония и «благоденствие» наступят тогда, когда каждый из подданных будет безоговорочно выполнять возложенные на него обязанности. Только тогда возможны успехи торговли, промышленности, соблюде-

ние правосудия, облегчение народа от всяких тягот и повинностей. «Общее благо – это, в конечном счете, способность подданных служить государству» [Павленко 1994, с. 311].

Ученый отмечает, что Петр I придавал исключительно важное значение законодательству, которое, по его мнению, определяло деятельность государственного аппарата. Об этом свидетельствует тот факт, что император принимал непосредственное участие в законотворчестве. Большинство указов, инструкций составлялись либо самим царем, либо активно им редактировались (Петр является автором Устава воинского, его перу принадлежит Морской устав, он тщательно редактировал Генеральный регламент и остался удовлетворен только шестой его редакцией). Еще одним показателем важности законодательства, по мнению Н.И. Павленко, можно считать значительно возросшее во времена Петра I количество издаваемых в России указов, наставлений, инструкций и т. д.

Петр I, задумывая создать светское государство, хорошо понимал, что главным его двигателем должно стать общество, которое, в свою очередь, также требует самых серьезных изменений. Именно поэтому Государь особое внимание отводит формированию новой поведенческой модели служилого человека. В 1716 г. им был утвержден «Воинский устав», направленный не только на закрепление тех или иных обязательных армейских положений, которые должны были выполняться беспрекословно, но и на нравственную составляющую:

...покорным и послушным быть по своей должности, и все пункты сего артикула право исполнять, и всякому особо высокого и низкого чина без всякого изъятия нам, яко государю своему, присягу чинить: в том, дабы им верно, честно, с доброю охотою себя содержать, и как честным воинским людям благопристойно служить¹.

В начале XVIII в. Россия становится крупной морской державой и это, конечно, не могло не отразиться на формировании поведенческой модели человека, служащего на флоте. В 1720 г. приступают к разработке «Морского устава», первое издание которого носило название «Устав морской о всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море». В нем прослеживалась новая линия отношений, строящихся на основе понимания и справедливости.

¹ Артикул воинский // Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. А.Г. Манькова. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 9. С. 327.

Еще один законодательный акт – это Генеральный регламент, состоящий из 56 глав и принятый в целях упорядочения государственного делопроизводства и формирования правильной организационно-поведенческой модели гражданского служащего (чиновника). Профессора кафедры управления Российской государственного гуманитарного университета И.Н. Макашов и Н.В. Овчинникова в монографии «Управленческая мысль России (IX – начало XXI в.)» высказывают мнение, что основные законодательные акты, принятые при Петре I, позволили не только обеспечить правовую основу единовластия императора и централизованного управления, но и определить качественное состояние, собственно, власти и управления как таковых. Создание данного документа, по их мнению, было направлено в первую очередь на регулирование деятельности центральных органов власти, поскольку разветвленная система коллегий, созданная Петром незадолго до этого, нуждалась в установлении определенных нормативных правил и четких указаниях [Макашов, Овчинникова 2016, с. 282].

Другой представитель РГГУ и директор Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела М.В. Ларин в статье «Генеральный регламент Петра I – три века в действии» также пишет о том, что Генеральный регламент явился первой крупной реформой по изменению и модернизации системы управления. Кроме того, поскольку последний определял формы организации и ведения делопроизводства, то рассматривался как документ, объединяющий и регулирующий всю бюрократическую систему новой российской империи.

Интересен и другой его вывод, согласно которому делопроизводство становится на законодательную основу, а следовательно, приобретает единообразные формы и технологии работы. С развитием функций и областей деятельности оно охватывает все большие сегменты управленческой деятельности и превращается в самостоятельную профессиональную сферу деятельности государственного аппарата [Ларин 2019, С. 1].

Конечно, можно спорить об итогах реформы государственного управления, проведенной Петром I, однако нет сомнения в том, что Генеральный регламент выступил действительно эффективным законодательным актом не только для своей эпохи, но и оставил более продолжительный след в истории России. Об этом говорит тот факт, что на протяжении последующих нескольких столетий реформы государственного управления в нашей стране носили лишь частичный и, как правило, корректирующий характер.

В Генеральном регламенте прописывались и новые формы принятия решений. Петр придавал большое значение совещательной

форме, о чем писал следующее: «все лучшее устройство через советы бывает»². Указ не только определял порядок обсуждения дел в коллегиях, но взаимоотношения последних с Сенатом и местными органами власти.

Исследователь О.А. Беспалова в работе «Генеральный регламент 28 февраля 1720 г. и его роль в становлении коллегиального делопроизводства России в XVIII в.» отмечает, что в нем нашли отражение и основные нормы поведения государственного служащего [Беспалова 2015, с. 24]. В качестве подтверждающего примера автор приводит отрывок из 26-й главы, где указывалось на то, что к лицам более высокого статуса (президенту, вице-президенту в коллегиях) стоит относиться уважительно, а им, в свою очередь, не нужно использовать грубость в адрес подчиненных³. Таким образом, прописывались определенные требования к культурной этике взаимоотношений в коллективе.

Регламентировалось и соблюдение трудового порядка. Вводилась шестидневная рабочая неделя и рабочий день в 6 или 8 часов. Однако в исключительных случаях он мог быть и продлен на основании соответствующего отдельного приказа. Кроме того, была разработана система взысканий и наказаний за должностные преступления, такие как: нарушение дисциплины или графика работы, пренебрежение своими должностными обязанностями по личным мотивам, получение взятки. Подобная политика прослеживалась и в других законодательных источниках эпохи. Например, в «Табели о рангах», введенной в 1722 г., указывалось:

...кто выше своего ранга будет себе почестей требовать, или сам место возмет выше данного ему ранга, тому за каждый случай платить штрафу 2 месяца жалования⁴.

Это означало, что незаконное продвижение по службе каралось на законодательном уровне.

Государственные служащие при добросовестном выполнении своих трудовых обязанностей подлежали премированию, а за исключительные успехи – повышению в должности. Созданная Петром I иерархическая система, как мы видим, носила и элементы демократического характера: нередко люди с недворянским происхождением добивались высших чинов именно за свою профессиональную деятельность, что было невозможно в прежние времена.

² Генеральный регламент // Реформы Петра I: Сб. документов / Сост. В.И. Лебедев. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 123.

³ Там же. С. 122.

⁴ Табель о рангах // Реформы Петра I: Сб. документов / Сост. В.И. Лебедев. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 79.

Генеральный регламент устанавливал определенные месяцы для отпусков государственных служащих (как правило, летом или зимой). Вместе с тем даже в свой отпуск чиновники не могли надолго покидать город. Это было связано в первую очередь с тем, что каждый чиновник в созданной большой бюрократической машине был наделен определенными функциями, в связи с чем его долгое отсутствие могло влиять на работу других направлений, а значит, и на работу всех органов центрального управления в целом.

В то же время формирование новой культуры управления, профессиональных взаимоотношений между гражданскими служащими, норм и правил поведения в России еще не имело под собой твердой законодательной почвы. Главный акт предшествующей эпохи – «Соборное уложение» – не оправдывал надежд Петра I в построении нового государства. Именно поэтому, как отмечают многие исследователи, император при составлении главных законодательных текстов часто обращался к европейской практике.

Так, к примеру, американский историк Р. Уортман считал, что целью Петра I при создании «Табели о рангах» было становление этого законопроекта как подобие «европейских ранговых систем, которые вносили порядок и иерархию в презентацию аристократов, церковных иерархов и чиновников и свидетельствовали о монаршей славе» [Уортман 2004, с. 97]. По его мнению, «Табель» хотя и не справилась с установлением иерархического порядка, но обеспечила, прежде всего, каждому чину соответствующее официальное и публичное поведение. Этому можно найти подтверждение в самой «Табели», которое гласит: «ко учрежденной вышеобъявленной табели рангов прилагаются сии пункты, каким образом со оными рангами каждому поступать надлежит»⁵. Следовательно, целью императора Петра I было при использовании законодательных источников создание иерархического государства с определенными правилами поведения и должностными функциями служащего.

Европейское влияние прослеживалось и в Генеральном регламенте, так как последний включал отдельное приложение «Толкование иностранных речей, которые в сем регламенте в главах». О.А. Беспалова считает, что

...наличие словаря – влияние шведского законодательства, стремления придать Регламенту современную западноевропейскую форму при сохранении приемлемой для России специфики, не теряя ясности изложения [Беспалова 2015, с. 20].

⁵ Табель о рангах. С. 75.

Подводя итог, следует отметить, что в начале XVIII в. имело место дистанцирование власти и подданных на основе социальной иерархии. Можно с полной уверенностью утверждать, что Петр I в контексте формирования своего сценария власти продолжил политику своего отца – Алексея Михайловича в сторону формирования служилого государства. С этой целью будущим императором была предложена идея «общественного блага», воспринимаемая во взаимосвязи с «государственной пользой» и, таким образом, переходящая в понятие «государственный интерес».

Во времена Петра I укрепилась четкая и строжайшая организация дворян в интересах государства. Начался процесс регламентации государственной службы, вызванный появлением таких законодательных актов, как «Воинский устав», «Морской устав», «Табель о рангах», «Генеральный регламент» и др. В законотворчестве Петр I прибегал к европейскому образцу, при этом адаптируя и подстраивая его под реалии российского общества того времени.

Разработка и принятие всех этих документов, в первую очередь Генерального регламента, являлось новаторством в сфере государственного управления в России начала XVIII в. Именно последний привнес структурированные и эффективные методики организованного управления в российское политическое пространство, доказав практичность их использования. Более того, созданная Петром методологическая основа управления сохраняется и по сей день, так как коллегии превратились в министерства, которые просуществовали вплоть до революции 1917 г. После прихода большевиков к власти новое руководство так или иначе в виде наркоматов сохранило практически все прежние министерства и основные практики их деятельности, а уже после распада СССР последние достались Российской Федерации по наследству. Разумеется, за столь долгое время многое в структуре исполнительной власти изменилось, однако та основа, тот фундамент, что были заложены Петром I и Генеральным регламентом, сохранилась и сегодня.

Как мы видим, современная Россия во многом обязана реформам Петра I, которые не только установили требования к военной, морской и государственной гражданской службе, но и придали всем им иной смысл и содержание. На первое место была выдвинута приоритетная для того времени цель служения своему Отечеству. То есть людей сплачивало не слепое, как это было прежде, повиновение царским указам, а понимание того, что их деятельность в первую очередь связана с общественным благом и привнесением пользы государству в целом. Такое переосмысление труда рождало новые организационные ценности и повышало заинтересованность служащих в достижении социально-значимых результатов.

Вот почему сегодня нам также требуется пересмотреть ряд законодательных и нормативно-правовых актов, чтобы найти действенные рычаги, мотивирующие людей быть полезными друг другу и своей стране.

Как представляется, данный процесс уже начался, и первым серьезным шагом в этом направлении стало обновление нашей Конституции, текст которой в 2020 г. был дополнен положением о создании в РФ всех необходимых условий для обеспечения гарантий защиты достоинства граждан и уважения человека труда, установления социального партнерства, политической и экономической солидарности. Кроме того, в Основном Законе особо подчеркивается, что наша страна, объединенная 1000-летней историей, будет и дальше помнить и сохранять память предков, национальные идеи и преемственность в развитии Российского государства.

Литература

- Андреев 2017 – *Андреев И.Л.* Отец и сын: два портрета в интерьере истории // История преподавания в школе. 2017. № 5. С. 26–35.
- Анисимов 2009 – *Анисимов Е.В.* Петр Великий: личность и реформы. СПб.: Питер, 2009. 396 с.
- Беспалова 2015 – *Беспалова О.А.* Генеральный регламент 28 февраля 1720 г. и его роль в становлении коллегиального делопроизводства России в XVIII в. // Инновационная наука. 2015. № 10. С. 20–25.
- Богословский 1902 – *Богославский М.М.* Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–1727 гг. М., 1902. 582 с.
- Курочкина 1999 – *Курочкина И.Н.* Формирование поведенческой культуры русского общества во второй половине XVIII в. // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 103–111.
- Ларин 2019 – *Ларин М.В.* Генеральный регламент Петра I – три века в действии // Научный вестник Крыма. 2019. № 3 (21). С. 1.
- Макашов, Овчинникова 2016 – *Макашов И.Н., Овчинникова Н.В.* Управленческая мысль России (IX – начало XXI вв.). М., 2016. 520 с.
- Нефедов 2013 – *Нефедов С.А.* Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 53–63.
- Павленко 1994 – *Павленко Н.И.* Петр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Уортман 2004 – *Уортман Р.* Сценарий власти. Мифы и церемониалы русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 605 с.

References

- Andreev, I.L. (2017), “Father and son. Two portraits in the interior of history”, *Istoriya prepodovaniya v shkole*, no. 5, pp. 26–35.
- Anisimov, E.V. (2009), *Petr Veliki: lichnost' i reformy* [Peter the Great. Personality and reforms], Piter, Saint Petersburg, Russia.

- Bespalova, O.A. (2015), "The General Regulations of February 28, 1720 and its role in the formation of the collegial office work in Russia in the 18th century", *Innovatsionnaya nauka*, no. 10, pp. 20–25.
- Bogoslavskii, M.M. (1902), *Oblastnaya reforma Petra Velikogo. Provintsiya 1719–1727 gg.* [The provincial reform of Peter the Great. Province 1719–1727], Moscow, Russia.
- Kurochkina, I.N. (1999), "Formation of the behavioral culture of Russian society in the second half of the 18th century", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 103–111.
- Larin, M.V. (2019), "General Regulations of Peter I – three centuries in action", *Nauchnyi vestnik Kryma*, no. 3 (21), pp. 1.
- Makashov, I.N. and Ovchinnikova, N.V. (2016), *Upravlencheskaya mysl' Rossii (IX – nachalo XXI v.)* [Administrative thought of Russia (9 – early 21st century)], Moscow, Russia.
- Nefedov, S.A. (2013), "The origin of the "regular state" of Peter the Great", *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 53–63.
- Pavlenko, N.I. (1994), *Petr Velikii* [Peter the Great], Mysl', Moscow, Russia.
- Wartman, R. (2004), *Szenarii vlasti. Mify i tseremonialy russkoi monarkhii* [Scenarios of power: Myths and ceremonials of Russian monarchy], vol. 1, From Peter the Great to the death of Nicholas I, OGI, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Наталья В. Овчинникова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; upr-kafedra@yandex.ru

Олег Ю. Артемов, кандидат исторических наук, доцент, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; upr-kafedra@yandex.ru

Станислав А. Овчинников, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; upr-kafedra@yandex.ru

Information about the authors

Natal'ya V. Ovchinnikova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; upr-kafedra@yandex.ru

Oleg Yu. Artemov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; upr-kafedra@yandex.ru

Stanislav A. Ovchinnikov, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; upr-kafedra@yandex.ru

Проблемы развития цифровых компетенций в области высшего образования с учетом мировых трансформаций (на примере Армении и РФ)

Паркев С. Аветисян

*Российско-Армянский университет
Ереван, Армения, parkev.avetisyan@rau.am*

Наира М. Геворкян

*Российско-Армянский университет
Ереван, Армения, naira.gevorgyan@rau.am*

Мери Р. Тадевосян

*Российско-Армянский университет
Ереван, Армения, mery.tadevosyan@rau.am*

Аннотация. Статья посвящена актуальной сегодня для постсоветских стран теме, имеющей отношение как к развитию интеллектуального человеческого капитала, так и следованию необходимости трансформации высшего образования в период пандемии COVID-19. В статье на основе исследований современных тенденций рассматриваются необходимые сегодня компетенции в сфере высшего образования (ВО), которые могут преобразовывать кризисы в возможности. Цифровые компетенции становятся необходимостью и развиваются не только под диктовку широкого распространения новых цифровых технологий в современной мировой образовательной среде, но и социальных, физических и политических реалий, игнорирование которых приведет к отставанию и потере конкурентоспособности вуза. Одной из важнейших компетенций в текущих реалиях цифровой трансформации общества признана медийно-информационная грамотность, пренебрежение которой может приводить к хаосу в представлениях о мире. Учитывая стоящие вызовы, авторами обозначены важные задачи, стоящие перед сферой высшего образования постсоветских стран, на примере Республики Армения. На основании анализа мировых тенденций, научной литературы и экспертных заключений выявлены проблемы, стоящие перед нашими странами в сфере инновационного преобразования образовательной сферы в свободное единое пространство, способствующее развитию интеллектуального человеческого капитала в условиях цифровизации. Помимо прочего, процессы цифровизации и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий делают

актуальным вопрос об освоении компетенций медийно-информационной грамотности. В заключение приводятся некоторые возможные шаги для решения стоящих перед системой образования задач. Результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе, специалистами образовательной сферы и участниками цифровизации с целью совершенствования образовательной политики РА.

Ключевые слова: цифровые компетенции, информационные компетенции, высшее образование, информационная среда, цифровизация, современные трансформационные тенденции, пандемии COVID-19, медийная и информационная грамотность

Для цитирования: Аветисян П.С., Геворкян Н.М., Тадевосян М.Р. Проблемы развития цифровых компетенций в области высшего образования с учетом мировых трансформаций (на примере Армении и РФ) // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 2. С. 29–48. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-29-48

Problems of development of digital competencies in higher education taking into account world transformations (on the example of Armenia and the Russian Federation)

Parkev S. Avetisyan

Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia, parkev.avetisyan@rau.am

Naira M. Gevorgyan

Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia, naira.gevorgyan@rau.am

Meri R. Tadevosyan

Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia, mery.tadevosyan@rau.am

Abstract. The article deals with what is relevant today for post-Soviet countries, and what is relating to both the development of intellectual human capital and to following the need to transform higher education during the COVID-19 pandemic. Based on research in current trends, the article considers the competencies required today in the field of higher education (HE), which can transform crises into opportunities. Digital competencies are becoming a necessity and are developing not only due to the dictation of the widespread dissemination of new digital technologies in the modern world educational environment, but also of the social, physical and political realities, ignoring which will lead to lagging behind and the loss of competitiveness of the university. Media and information literacy is recognized as one of the most important competencies in the current realities of the society digital transformation the neglect of which can lead to chaos in the perception of the world. Taking into account the current challenges, the authors outlined important tasks facing the sphere of higher education in post-Soviet countries, using the example of the Republic of Armenia. Following the analysis of world trends, scien-

tific literature and expert opinions, they also revealed the issues that our countries face in the field of innovative transformation of the educational sphere into a free common space, contributing to the development of intellectual human capital in the context of digitalization. Among other things, the digitalisation processes and rapid development of the information and communication technologies make an issue of mastering the media and the information literacy competences relevant. The article is concluded with some possible steps addressing the challenges facing the education system. The research results can be used in the educational process by educational specialists and the digitalization participants in order to improve the educational policy of the RA.

Keywords: digital competencies, information competencies, higher education, information environment, digitalization, modern transformational trends, COVID-19 pandemics, media and information literacy

For citation: Avetisyan, P.S., Gevorkyan, N.M. and Tadevosyan, M.R. (2022), “Problems of development of digital competencies in higher education taking into account world transformations (on the example of Armenia and the Russian Federation)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 29-48, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-29-48

Введение

В последнее время вопросы развития, трансформации высшего образования остро ставятся во всех социальных сферах, именно высшее образование стоит в эпицентре всех преобразований и призвано поддерживать баланс и гармоничное взаимодействие между ними [Аветисян, Геворкян 2020, с. 500–501].

Массовое и ускоренное вхождение цифровых технологий в сферу образования размывает национальные границы и уже создает единое цифровое, образовательное пространство. Новые условия и поправки были внесены в последнее время пандемией, что ограничило мобильность студентов, преподавателей и исследователей, переведя всех в цифровую среду. Таким образом складываются новые конкурентные условия для всех игроков образовательного рынка¹. Требования динамично развивающейся среды – это новые компетенции, навыки, методы управления, также и постоянно развивающиеся и модернизирующиеся инструменты, методологии и программы. Умение видеть тенденции, вносить коррективы времени, одновременно сохраняя ценностные плоды национальной

¹ Тенденции развития высшего образования в мире и России: Аналитический доклад-дайджест / РЭУ им. Г.В. Плеханова. М., 2021.

традиции, дает высшим образовательным учреждениям способности к созданию и сохранению за собой конкурентного преимущества современного университета.

С точки зрения тройственности социального организма, в новых условиях важной ролью университета должна оставаться связующая центральная роль, которая создает новые смыслы. Очень коррелирует с данной точкой зрения идея теории «тройной спирали» Генри Ицковица – динамичное развитие отношений между университетами, правительством и предприятиями, которое становится базой создания новых и эффективного развития уже существующих технологий. Согласно ей, одна из

...ключевых ролей отводится вузам, которые не только выполняют функции обучающего института, но и фокусируются на капитализации знаний. Именно предпринимательские университеты являются центрами, создающими новые технологии, и параллельно работают над научными исследованиями [Ицковиц 2010].

И именно вузы постоянно несут поток студентов, которые генерируют новые идеи.

Поскольку сегодня цифровизация становится «датацентричной», основными инструментами создания добавленной стоимости и ключом к управлению всеми технологическими процессами становятся данные и программные продукты, местом хранения и обращения которых становятся облачные хранилища и Интернет [Kim 2009]. Перед всеми участниками цепочки цифровых взаимодействий в образовании, а также бизнесе и праве стоит задача создания среды, облегчающей взаимообмен с открытой, свободной информационной инфраструктурой и ее безопасностью. Таким образом создается единое информационное пространство, которое позволяет объединить и обеспечить доступом ко всей необходимой информации в режиме онлайн людей, устройства и системы по всей цепочке заинтересованных лиц [Аветисян, Геворкян 2020, 500–501]. В связи с этим на первый план выходит необходимость развития компетенций и навыков, соответствующих новым реалиям. Исходя из *актуальности* данной темы, авторы поставили *целью* проанализировать и выявить некоторые изменения, наметившиеся еще ранее, и проблемы, которые проявились в связи с пандемией COVID-19 относительно стремительно вошедших в практику высшего образования требований по цифровизации, необходимости развития цифровых компетенций, и одной из ключевых компетенций для современного вуза – информационной грамотности, диктующие сегодня необходимость трансформации моделей образования в вузах.

*Современные требования к компетенциям
в условиях трансформации высшего образования
в сторону цифровизации*

Чтобы понять, каковы основные требования, диктуемые временем к компетенциям, требуемым сегодняшним выпускникам вузов, являющихся потенциалом для развития интеллектуального капитала, бизнеса и производственной инновационной среды, мы должны учесть процессы интернационализации вузов с одной стороны, а с другой – процессы цифровизации, принявшие наиболее высокие темпы после локдауна 2020 г. Интернационализация образования, основанная на цифровизации (поскольку оба процесса в настоящий момент стали взаимосвязанными), приводит как к росту доступа к источникам передовых знаний, углублению партнерских и межкультурных коммуникаций, так и к развитию навыков и компетенций, уже ставших необходимыми за последние годы, а также выработке новых навыков, исходя из происходящих в мире явлений и требований. Если принять за основу основное требование к образованию всех времен, заключающееся в том, что качество образования должно оставаться на высоком уровне, и следовать веяниям времени, согласимся с Дж. Найтом и М. Ван дер Венде, что «интернационализация – это прежде всего инновация в сфере образования, способ повышения качества образовательной услуги» [Knight, de Wit 2020, с. 4], тут необходимо также учесть, что цифровизация, со своей стороны, также должна способствовать повышению качества образования, а не наоборот. Цифровые технологии сами по себе, применяемые в процессе обучения, должны оставаться вспомогательным учебным инструментом, с одной стороны, а в качестве новых методологических основ образования, с другой стороны, должны создавать почву для эффективного использования финансовых средств.

В результате сдвига всей парадигмы образования в сторону цифровизации возникла необходимость более пристального внимания к компетенциям как основным критериям результата обучения и одновременно современного процесса передачи знаний. На первое место выходят не только способности и возможности обучающихся действовать и ориентироваться в цифровой среде, но и самих преподавателей, что приводит к концентрации их на инструментах и технологиях, а не на качествах и индивидуальном подходе. Решение может быть в наличии интуитивно понятных сервисов, позволяющих незаметно переходить от классических классов к дистанционному обучению при необходимости. При этом комфортность и возможности этого перехода обязательно должны иметь

как преподаватели, так и студенты. Основной задачей в условиях кризиса или совмещения двух форм моделей образовательных технологий становится нахождение пути совмещения традиционного и современного цифрового подхода, приведение их в такое взаимодействие или равновесие, чтобы не было утеряно то ценное, что как живое практическое взаимодействие переходит от преподавателя к учащемуся. Одновременное использование двух форм – гибридная форма – на начальном этапе применения и технической, технологической неготовности преподавателей (переключение между очным, аудиторным обучением и дистанционным) может создавать стрессовую ситуацию для всех участников учебного процесса, вместе с тем она создает прекрасную возможность для объединения участников, находящихся по различным причинам в удаленном режиме. Таким образом, становится актуальной выработка новых цифровых компетенций для того, чтобы овладевать новыми формами и моделями образования в современном мире.

На круглом столе, посвященном обсуждению подходов к формированию и реализации базовой модели компетенций (БМК) цифровой экономики, проведенном в феврале 2019 г. аналитическим центром при Правительстве РФ, эксперты выражали свои видения относительно компетенций и навыков людей, диктуемых временем.

Было выявлено, что сама базовая модель компетенций цифрового общества, существующая на сегодняшний день, имеет общие формулировки, однако их интерпретация варьируется от эксперта к эксперту. К примеру, Александр Кондаков, генеральный директор компании «Мобильное электронное образование», определил базовую модель компетенций как

...систему выявления, фиксации, систематизации, хранения информации о ключевых компетенциях цифровой экономики, включающую общепринятый язык их описания и механизмы согласования (протоколы обмена данными) между различными моделями².

Эксперты предполагают, что базовая модель компетенций должна лежать в основе поиска и ротации кадров, в формировании образовательных стандартов и языка описания уже конкретных компетенций и квалификаций. В рамках базовой модели должно быть выделено цифровое ядро, отвечающее за компетенции, кри-

² Цифровое образование: матрица возможностей [Электронный ресурс]. URL: <https://itforum.admhmao.ru/upload/iblock/2d1/ALEKSANDR-KONDAKOV.pdf> (дата обращения 19 сентября 2021).

тически важные для цифровой экономики (работа с данными, элементы алгоритмического мышления и др.)³.

Развивающийся в современных вузах компетентностный подход проявляет необходимость для студентов сознательно взять ответственность за собственное обучение на себя, а отказ от практики простой ретрансляции знаний диктует потребность создания механизма освоения обучающимися процессов поиска, обработки и использования информации. Согласно компетентностному подходу базовое образование, охватывающее совокупность знаний, дополняется набором ключевых компетенций и надпрофессиональных навыков [Kim 2009; О'Коннор, Макдермотт 2014]. Так, студент должен приобретать не только способность самостоятельно искать и обрабатывать информацию, ориентироваться в цифровой среде, развивать внимательность и сконцентрированность, но также использовать программные обеспечения, инструменты онлайн-работы совместно с группой. Таким образом, большое значение приобретает способность к самообучению, умение работать с новейшим программным обеспечением, работать в команде и владеть искусством тайм-менеджмента. Учащиеся дистанционных и гибридных классов/курсов в этом смысле, кроме знаний в предметных областях, приобретают навыки, не поддающиеся количественному анализу.

Компетентностно-ориентированные образовательные стандарты, которые охватывают профессиональные и общекультурные навыки, в России реализуются с 2011 г. в виде ФГОСов, а Worldskulls. Russia содержат также и надпрофессиональные навыки [Батова 2019]. Именно надпрофессиональные навыки и включают в себя цифровые (базовые и профессиональные) и технические навыки, это и умение использовать программные обеспечения, и SMAC-системы (social–mobile–analytics–cloud), информационную грамотность, а также грамотность в сфере ИКТ. В предложенной модели оценки цифровой грамотности населения во время саммита G20 в 2017 г. фигурируют следующие индикаторы: информационная и компьютерная грамотность, медиаграмотность, коммуникативная грамотность, отношение к технологическим инновациям [Константинова, Кудяева 2020].

Согласно одной из ключевых глав доклада международного консорциума ученых под руководством Института образования НИУ ВШЭ при участии Московского городского педагогического университета «Универсальные компетентности и новая грамот-

³ «Навыки 21 века» привели в систему [Электронный ресурс]. URL: <https://ioe.hse.ru/news/309208238.html> (дата обращения 19 сентября 2021).

ность: от лозунгов к реальности», выделяются три универсальные компетентности: интеллектуальная способность решать задачу – компетентность мышления; способность работать в команде – взаимодействие с другими людьми; навыки самоконтроля, самоорганизации – компетентность взаимодействия с собой [Универсальные 2020].

Учитывая мировые тенденции и настроения среди студентов РА, стремительное распространение цифровых технологий во всех сферах социального организма и реалий всеобщей пандемии и кризиса, возникает необходимость адаптации на национальной почве необходимых инструментов развития образовательной среды в направлении большей гибкости и приспособленности к новым реалиям дистанционных и гибридных форм и моделей образования, возможности быстрой реакции на изменчивость внешней среды без утраты самого ценного, а наоборот, расширение и принятие новых возможностей. Так все пять индикаторов приобретают важное значение и лежат в основе цифровой грамотности в современном вузе, для обеспечения связи с производством и новыми технологиями. Решающее значение в этом имеют процессы, происходящие непосредственно в университетах, включающих в себя такие, как внедрение и развитие новых технологий и цифровизация, позволяющие адаптировать его для нового поколения международных и онлайн-студентов – digital natives. Уроки пандемии показали, что не только международные студенты заинтересованы в онлайн-формах образования, но и касающиеся человека чрезвычайные ситуации внутри самой страны требуют принять такие меры, чтобы студенты и профессионалы имели постоянный доступ к совместной с другими деятельности через онлайн-платформы. Кроме того, гибкие технологии цифровых платформ дают возможность использовать их в сфере образования с целью интеграции данных и их обработки. Таким образом,

...зарождается новая бизнес модель, облегчающая взаимодействие между участниками образовательного процесса и открытой, свободной инфраструктуры или среды для взаимодействия между студентами и преподавателями, единое информационное пространство, которое позволяет подключить к общему информационному пространству людей, устройства и системы по всей цепочке образовательного процесса, обеспечить всех заинтересованных лиц доступом ко всей необходимой информации в режиме онлайн [Аветисян, Геворкян 2020, с. 503].

В этом контексте первостепенное значение опять-таки остается за качеством и содержанием образования, а также развитием новых компетенций в рассматриваемых сферах. В этой связи во всех раз-

витых странах сегодня вкладываются значительные средства в образование в сфере информационно-коммуникативных и цифровых технологий (ИКЦТ), дающее возможность интенсивного обновления, поиска новых путей повышения эффективности образования, насыщения его новейшими разработками в области ИКЦТ.

В Армении, согласно данным ArcaTelecom, доля сферы информационных технологий в ВВП регулярно растет стабильными темпами в 0,4–0,5%, к примеру, в 2019 г. число компаний сферы ИТ выросло примерно на 25 % и составило 1500 и более 16 тыс. специалистов, занятых в них. Более того, отмечался спрос на 3 тыс. новых специалистов, который также постоянно растет и по оценкам экспертов, если не предпринять мер, то дефицит кадров в сфере ИТ через какое-то время может привести к кризису. Более того, подготовка специалистов должна быть тесно связана с компаниями сферы, чтобы соответствовать современным вызовам.

Кроме необходимости кардинальных реформ в системе высшего образования, включающей также работу по привлечению специалистов из-за рубежа, практика последних двух лет показала, что в Армении в области ВО в целом имеется ряд проблем, который прослеживается также и в других странах бывшего СНГ – это сфера управления, технической обеспеченности и подготовки к цифровым реалиям, в частности, использование современных дистанционных и цифровых технологий. Согласно исследованиям проф. М.И. Заславской⁴, к этим проблемам можно отнести следующие:

- недостаточная разработанность новых стандартов обучения, обеспечивающих эффективный баланс между онлайн и очной формами обучения;
- недостаточная разработанность принципов мониторинга качества смешанной формы обучения;
- необходимость создания технических платформ для обеспечения более тесного личностного общения, обмена мнениями в ходе онлайн обучения;
- недостаточное внимание к психологическим механизмам адаптации студентов и преподавателей по отношению к постоянной изменчивости форм обучения в рамках гибридной модели (эффект усталости от постоянной смены образовательных установок).

⁴ Развитие интеграции в рамках Евразийского экономического союза для граждан государств-членов: Материалы Междунар. круглого стола. 17 ноября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rau.am/news/razvitiie-integracii-v-ramkax-EAEU> (дата обращения 12 декабря 2021).

В докладе Международного союза электросвязи (МСЭ, англ. ITU), посвященном тенденциям развития цифровых технологий в регионе стран СНГ, отмечается ряд проблем, касающихся всех этих стран, в частности, сохраняются серьезные проблемы в области цифровых навыков, которые необходимо решить⁵. К перспективным способам совершенствования цифровых навыков были отнесены:

- закрепление термина «цифровые навыки» в законодательстве,
- внедрение ключевых показателей деятельности (KPI),
- дальнейшая гармонизация стандартов в сфере образования и занятости.

К рекомендациям создания и развития и цифровых навыков для профессиональной деятельности и в образовании независимо от форс-мажорных обстоятельств, подобных пандемии, можно включить следующие:

- создание благоприятных условий для удаленной работы и обучения, требующих цифровых навыков;
- создание подразделения для развития профессиональных цифровых навыков на базе отраслевых органов государственной власти или государственной службы;
- более активное вовлечение неправительственных организаций в решение вопросов, касающихся занятости и изучения передового опыта;
- создание совместных с предприятиями частного сектора и неправительственными организациями учебных курсов по цифровым технологиям;
- создание специальных курсов на базе учебных заведений с особой направленностью для людей с ограниченными возможностями и пожилым.

Следствием расширения процессов цифровизации и активного внедрения новых ИКЦТ является также необходимость освоения компетенций медийной и информационной сфер. Становление новых цифровых медиа и образовательных сред предопределяют возрастающее значение медийной грамотности, являющейся и признающей почти повсеместно сегодня в качестве одной из основных компетенций в системе образования.

⁵ Digital trends in the CIS region in 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/md/D18-RPMCIS-C-0002> (дата обращения 16 ноября 2021).

*Современные тенденции развития
информационной среды и новые вызовы,
диктуемые высшему образованию*

Следствием технологического усовершенствования в области телекоммуникаций стало стремление пользователей беспрепятственно расценивать надежность и релевантность получаемых сведений, реализовывая при этом свое право на свободу самовыражения и право на получение информации. Именно в таком ключе необходимо изучать потребность в медийной и информационной грамотности (МИГ), которая, в свою очередь, увеличивает охват движения за гражданское образование, включая в него преподавателей/педагогов как ключевых субъектов трансформаций.

С сожалением вынуждены отметить, что в рамках нашей страны, Республики Армения, исследований по тематике медийной грамотности проведено не столь много. В то время как изучение медийной и цифровой грамотности с точки зрения учебных коммуникаций и нового гуманизма, способного противостоять деперсонализирующему влиянию массовых технологий, могло бы способствовать более полному представлению столь актуальных для Армении вопросов, как понимание современных тенденций в развитии медиаобразования и медиакультуры, и конкретизировать рамки медийной и информационной грамотности. Конечно, в контексте нашей страны мы сталкиваемся с частными инициативами и опытом энтузиастов – как отдельных экспертов, так и ряда организаций, – но никак не с массовым явлением, тем более не с реализацией общенациональной программы обучения навыкам жизни в мире информации.

Субгрантовая программа, предоставленная консультативной НПО «Союз информированных граждан», неправительственная организация «Передовая группа общественных исследований» (далее – APR Group), в июне 2019 г. провела весьма интересный и занимательный социологический опрос, направленный на выявление ключевых характеристик медиапространства нашей страны (исследование проводилось во всех областях РА и в городе Ереване)⁶. В рамках исследования был выявлен и индекс медиаграмотности опрошенных, который составил 16,6%. К составляющим индекса относятся: познания о медиаинформационной безопасности

⁶ Результаты соцопроса о медиапотреблении и медиаграмотности [Электронный ресурс] // Союз информированных граждан. URL: https://uic.am/wp-content/uploads/2019/11/Report_Media_Final_10.10.19_Q.pdf (дата обращения 19 сентября 2020).

(38,8%), способность искать информацию (35,6%), дезинформация (19,18%), способность проверять достоверность информации (-6,87%) и способность грамотного использования и распространения информации (-3,79%). Данные результаты говорят об очень низком уровне сопротивляемости общества информационным диверсиям и дезинформационным кампаниям.

В Ереване был зарегистрирован наиболее высокий уровень медиаграмотности населения, а самая низкая – в Арагацотнской области. При этом мужчины более медиаграмотны (20,3%), чем женщины (14,5%). Уровень медиаграмотности выше среди населения в возрасте от 26 до 35 лет, наименее медиаграмотны пожилые люди. Социологический опрос еще раз подтвердил прямую связь между медиаграмотностью и образованностью. Индекс медиаграмотности у лиц с начальным образованием – 12,7%, со средним образованием – 10,4%, а, например, с ученой степенью – 29,3%. Высокий уровень медиаграмотности наблюдается у сторонников партий АРФД, ПСА и альянса «Мой шаг», в то время как ниже среднего медиаграмотны сторонники ППА и РПА (см. рис. 1).

Как отметили Перес Торнеро и Варис в книге «Медийная грамотность и новый гуманизм», для осуществления образовательных

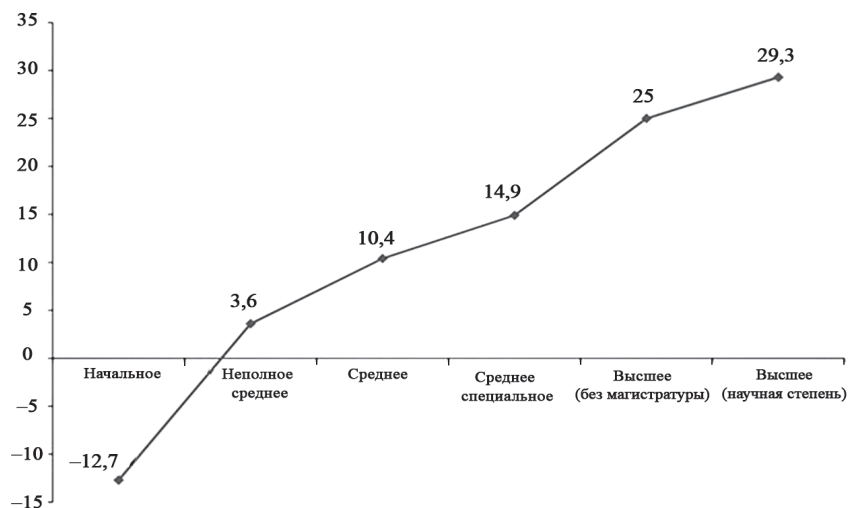

Рис. 1. Индекс медиаграмотности по уровню образования

Источник: Сайт информационных граждан [Электронный ресурс].

URL: https://uic.am/wp-content/uploads/2019/11/Report_Media_Final_10.10.19_Q.pdf (дата обращения 19 сентября 2020)

коммуникаций педагогам необходимы знания и активные компетенции в ИКТ [Perez Tornero, Varis 2010]. Обучение может происходить в рамках сетевых сообществ. Наблюдение, исследование, анализ, документирование и обмен – для обеспечения всех этих видов деятельности уже используются ИКТ, и будут использоваться все шире, для их использования образовательному сообществу потребуется более широкий набор более глубоких навыков образовательных коммуникаций и укрепление взаимодействия между школами. Однако эти институциональные и системные усилия стали предприниматься сравнительно недавно и еще не стали составной частью образования. Образовательный процесс по-прежнему остается спонтанным, рутинным и не регулируется ни документами, ни учреждениями⁷.

Когда речь идет о медиаобразовании, процесс преподавания и обучения, по большому счету, является стихийным, бессистемным, спонтанным и незапланированным. Можно отметить, что в целом обучение пользователей медиа реализуется без формального образовательного посредничества. Это говорит о том, что они получают знания в условиях неразработанного внятного учебного плана, самостоятельно, индуктивным способом на собственном опыте, обращаясь за советами к своим друзьям/коллегам, подражая их поведению. В редких случаях в качестве источника знаний могут послужить учебные пособия, монографии. Все работает стихийно и произвольным путем. При этом не стоит забывать о том, что в действительности сегодняшней общественной, технологической и медийный контекст по факту сам определяет неформализованный и бессистемный учебный план. Именно в таком виде, как принято, и осваиваются сегодня навыки МИГ.

Процесс, направленный на формирование цифровой и медийной грамотности, преследует две ключевые цели: 1) разработка ясного и понятного, целостно выстроенного учебного плана; 2) выявление и разбор имплицитного учебного плана. В ряде стран вводятся в систему образования специальные курсы по развитию навыков цифровой и медийной грамотности. Так, в Финляндии цифровым навыкам обучают в рамках междисциплинарного подхода. Предполагается, что начиная с начальной и средней школы они должны быть включены в любой изучаемый предмет. В старших классах ученики обучаются специальной дисциплине «Медиа диплом», включающей ряд часов по медийной грамотности и являющейся обязательной программой.

⁷ Педагогические аспекты формирования медийной и информационной грамотности. М.: Ин-т ЮНЕСКО по информац. технологиям в образовании, 2012. 141 с.

Однако в других государствах стратегия проникновения тематики по медиаграмотности предполагает ее внедрение во все части и компоненты учебной программы. Считается, что умение рефлексировать над полученными из медиа сведениями, критически воспринимать информацию и усовершенствовать навыки содействует сбору, обработке и обмену информацией благодаря ИКТ в рамках каждой дисциплины, школьников/студентов и педагогов побуждают развивать эти навыки.

В некоторых странах принято решение о практической, неформальной интеграции медиаобразования в качестве дополнения и замены конкретных предметов или на стыке между ними. Таким образом, во внеурочное время осуществляется выпуск школьных газет и журналов, радиопередач и аудиовизуальной продукции, в ходе которого участники процесса получают возможность непосредственно ознакомиться с различными способами использования медиа. Очевидно, что существуют разнообразные варианты комбинации трех моделей. В целом, все разделяют идею том, что медийная грамотность является базовым навыком, который становится основой для многих других, поэтому ему не следует обучать как особой области знания, просто как навыку или виду коллективной практики. Напротив, его следует рассматривать как систематическую интеграцию всех этих элементов одновременно, в этом случае возможно приобретение представлений о ценностной значимости, критическом восприятии и творческом подходе, которые позволяют независимой информированной личности играть активную роль в непрерывно обновляющейся общественной сфере⁸.

Понятия медийная и информационная грамотность включают в себя представление следующих базовых концептов: 1) функции СМИ, массмедиа, библиотек, архивов и иных информационных структур в демократических обществах; 2) создание соответствующих и среды, и условий, при которых СМИ и информационные структуры могут продуктивно исполнять свои обязанности; 3) способы характеристики и оценки качества выполненных данных функций через предлагаемые ими контент и услуги. Представление и понимание данных концептов может помочь аудитории осмысленно вступать во взаимодействие с различными каналами коммуникации и информации.

При этом очень важно понимание различий понятий медийная и информационная грамотность.

⁸ Результаты социопроса о медиапотреблении и медиаграмотности.

Информационная грамотность

Определить и сформулировать информационные потребности	Найти и получить доступ к информации	Оценить информацию	Систематизировать информацию	Использовать информацию с соблюдением этических норм	Передавать информацию	Применить навыки работы с ИКТ для обработки информации
--	--------------------------------------	--------------------	------------------------------	--	-----------------------	--

Медийная грамотность²

Понимать роль и функции медиа в демократическом обществе	Понимать условия, при которых медиа могут выполнять свои функции	Критически оценивать контент медиа в свете присущих им функций	Взаимодействовать с медиа для самовыражения и участия в демократических процессах	Актуализировать навыки (включая навыки работы с ИКТ), необходимые для создания пользовательского контента
--	--	--	---	---

Рис. 2. Основные результаты/элементы медийной и информационной грамотности
 Источник: [Уилсон и др. 2012, с. 20]

Информационная грамотность предполагает умение получать доступ к нужной информации, сведениям, правильную их характеристику, оценку и этичное применение, понятие же медийной грамотности отражает умение понимать функции СМИ и уровень выполнения данных функций, а также целесообразность взаимодействия с ними в соответствии с интересами самореализации. Программа обучения преподавателей медийной и информационной грамотности включает в себя обе позиции. Независимо от различий и подходов концептуальной выработки теории обучения медийной и информационной грамотности, они связаны с системой навыков и компетенций, подчеркивающих необходимость и важность развития поисковых умений и способности осмысленно вступать во взаимодействие с различными медийными и информационными каналами.

Существует две научные школы, различно трактующие взаимоотношение этих двух смежных областей – медийной грамотности и информационной грамотности. Представители одной школы рассматривают информационную грамотность как более обширную область исследований, составной частью которой является медийная грамотность. С точки зрения другой школы, информационная грамотность – лишь компонент медийной грамотности, которая считается более широкой областью. Однако международная группа экспертов, созданных ЮНЕСКО, отметила не только отличия, но и точки соприкосновения между медиа и другими информационными службами. Ниже приведены некоторые термины, используемые сегодня специалистами в рассматриваемой нами области в

Рис. 3. Экосистема МИГ: основные понятия

Источник: [Уилсон и др. 2012, с. 21]

различных уголках планеты: медийная грамотность, информационная грамотность, свобода самовыражения и информационная грамотность, компьютерная грамотность, интернет-грамотность, цифровая грамотность и др. [Уилсон и др. 2012].

Естественно, между данными терминами существуют очевидные связи (см. рис. 2). Большая часть вышеперечисленных понятий остается предметом дискуссий и споров, применяются они по-разному, в зависимости от профессионального или культурного контекста той или иной группы пользователей. Однако на мировом уровне многие организации обращаются к термину «медиа образование» (МО), который, по мнению ряда специалистов, включает как медийную, так и информационную грамотность (ЮНЕСКО использует термин МИГ) [Уилсон и др. 2012].

Повышение медийной и информационной грамотности создает необходимые сегодня навыки в период цифровой трансформации вузов и может быть ответом на те модификации и трансформации, которые претерпевает воспитательно-просветительская деятельность по мере того, как на смену ориентации на преподавателей в учебном процессе приходит ориентация на обучаемых.

Заключение на основе проведенного анализа

В связи с пандемией COVID-19 выявились основные проблемы относительно неизбежно входящих в практику высшего образования требований по цифровизации, необходимости развития цифровых компетенций, и одной из ключевых компетенций для современного вуза – информационной грамотности, диктующие сегодня необходимость трансформации моделей образования в вузах. Основной задачей является совмещение двух форм моделей образовательных технологий, нахождение путей совмещения традиционного и современного цифрового подхода, приведение их в такое равновесие, чтобы не было утеряно то ценное, что как живое практическое взаимодействие переходит от преподавателя к учащемуся. Одновременное использование двух форм – гибридная форма образовательного процесса, когда часть участников пространственно удалены, или полностью онлайн-форма, к которой пришлось переходить всем образовательным учреждениям в связи с чрезвычайной ситуацией, показало на практике, что несмотря на быструю реакцию и переход на цифровые технологии и дистантные методы ведения образовательного процесса, перед всеми участниками ВО остро стоит задача развития соответствующих навыков и компетенций, чтобы не терялось самое главное – качество и индивидуальный подход. Существующая сегодня базовая модель компетенций цифрового общества имеет в целом общие формулировки, и их интерпретация варьируется от эксперта к эксперту. Компетентностный подход диктует студентам необходимость сознательно взять ответственность за собственное обучение на себя, в связи с чем стоят задачи создания механизма освоения обучающимися процессов поиска, обработки и использования информации. Так, базовое образование, охватывающее совокупность знаний, дополняется набором ключевых компетенций и надпрофессиональных навыков, в которые включены как ядро цифровые (базовые и профессиональные) и технические навыки, это и умение использовать программные обеспечения, и SMAC-системы (social-mobile–analytics–cloud), информационная грамотность, а также грамотность в сфере ИКТ. Некоторые рекомендации и способы совершенствования цифровых навыков выявлены из анализа последних исследований в данной сфере на примере Армении и РФ, а также мировых практик, собранных в докладе МСЭ, однако требуются дальнейшие исследования в данной сфере в связи с ее актуальностью. Стоит необходимость также развития информационных и медийных компетенций, которые в пользователях, в свою очередь, приведут к развитию способности критического мышле-

ния и позволят последним запрашивать от СМИ и других информационных служб предоставления им услуг высокого качества. Совместными усилиями они могут способствовать созданию благоприятных условий, при которых массмедиа будут делать ставки на глубину и качество контента и услуг, а не на количество и всеядность.

Благодарность

Статья выполнена в рамках совместного проекта Госкомитета по науке Республики Армения с Белорусским фондом фундаментальных исследований по теме «Конкурентоспособность систем высшего образования Армении и Беларуси в контексте ускорения процессов цифровизации, связанных с пандемией Covid-19», «Разработка стратегических направлений повышения конкурентоспособности системы высшего образования РА в контексте интеграции и интернационализации».

Acknowledgements

The article has been supported by subsidies of the State Committee for Science of the Republic of Armenia with the Belarusian Foundation for Basic Research on the topic “Competitiveness of higher education systems in Armenia and Belarus in the context of accelerating digitalization processes associated with the COVID-19 pandemic”.

Литература

- Аветисян, Геворкян 2020 – *Аветисян П.С., Геворкян Н.М.* Свободная образовательная среда – основа интеллектуального человеческого капитала в условиях цифровой экономики // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 494–506.
- Батова 2019 – *Батова М.М.* Формирование цифровых компетенций в системе «образование – наука – производство» // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 4. С. 1573–1584.
- Ицковиц 2010 – *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
- Константинова, Кудяева 2020 – *Константинова Д.С., Кудяева М.М.* Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 11. С. 1055–1072.
- О’Коннор, Макдермотт 2014 – *О’Коннор Д., Макдермотт И.* Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем: Пер. с англ. 4-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2014. 254 с.

- Уилсон и др. 2012 – Уилсон К., Гриззл А., Туазон Р., Акъемпонг К., Чун Чи-К. Медийная и информационная грамотность: программа обучения педагогов. М.: Ин-т ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2012. 200 с.
- Универсальные 2020 – Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / Отв. ред. М.С. Добряковой, И.Д. Фрумина; при участии К.А. Баранникова, Н. Зиила, Дж. Мосс, И.М. Реморенко, Я. Хаутамяки; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 472 с.
- Kim 2009 – Kim W. Cloud Computing: Today and Tomorrow // Journal of Object Technology. 2009. Vol. 8. No. 1. P. 65–72.
- Knight, de Wit 2018 – Knight, J., & de Wit, H. Internationalization of Higher Education: Past and Future // International Higher Education. 2018. № 95. P. 2–4.
- Perez-Tornero, Varis 2010 – Perez Tornero J.M., Varis T. Media Literacy and New Humanism. Moscow: UNESCO, 2010. 136 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://iite.unesco.org/pics/publications/en/files/3214678.pdf> (дата обращения 16 ноября 2021).

References

- Avetisyan, P.S. and Gevorkyan, N.M. (2020), “Free educational environment as the basis of human capital and relationships between social sectors”, *Economy of the regions*, vol. 16, no. 2, pp. 494–506.
- Batova, M.M. (2019), “Formation of digital competencies in the system ‘education – science – production’”, *Issues of innovative economics*, vol. 9, no. 4, pp. 1573–1584, DOI: 10.18334 / vinec.9.4.41467
- Dobryakova, M.S. and Frumin, I.D. (eds.) (2020), *Universal’nye kompetentnosti i novaya gramotnost’: ot lozungov k real’nosti* [Universal competences and new literacy: from slogans to reality], with the participation of Barannikov, K.A., Ziila, N., Moss, J., Remorenko, I.M. and Khautamyaki, J., Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Etzkowitz, H. (2010), *The triple helix. Universities – enterprises – state. Innovation in action*, Uvarov, A.F. (ed.), Izd-vo Tomsk. gos. un-ta sistem upr. i radioelektroniki, Tomsk, Russia.
- Kim, W. (2009), “Cloud Computing: Today and Tomorrow”, *Journal of Object Technology*, vol. 8, no. 1, pp. 65–72.
- Knight, J. and de Wit, H. (2018), “Internationalization of Higher Education: Past and Future”, *International Higher Education*, no. 95, pp. 2–4.
- Konstantinova, D.S. and Kudaeva, M.M. (2020), “Digital competencies as the basis for the professional education transformation”, *Labor Economics*, vol. 7, no. 11, pp. 1055–1072.
- O’Connor, D. and McDermott, I. (2014), *The Art of Systems Thinking: Essential Skills for Creativity and Problem Solving*, 4th ed. Alpina Publisher, Moscow, Russia.
- Perez Tornero, J.M. and Varis, T. (2010), *Media Literacy and New Humanism*, UNESCO Moscow, Russia, available at: <http://iite.unesco.org/pics/publications/en/files/3214678.pdf> (Accessed 16 November 2021).
- Wilson, K., Grizzle, A., Tuazon, R., Akyempong, K. and Chun Chi-K. (2012), *Mediinaya i informatsionnaya gramotnost’: programma obucheniya pedagogov* [Media and information literacy: teacher training program], Institut YuNESKO po informatsionnym tekhnologiyam v obrazovanii, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Паркев С. Аветисян, доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения; 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123; parkev.avetisyan@rau.am

Наира М. Геворкян, кандидат экономических наук, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения; 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123; naira.gevorgyan@rau.am

Мери Р. Тадевосян, кандидат филологических наук, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения; 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123 mary.tadevosyan@rau.am

Information about the authors

Parkev S. Avetisyan, Dr. of Sci. (Philosophy), Cand. of Sci. (Physics and Mathematics), professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia; bld. 123, Hovsep Emin Street, Yerevan, Armenia, 0051; parkev.avetisyan@rau.am

Naira M. Gevorgyan, Cand. of Sci. (Economics), Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia; bld. 123, Hovsep Emin Street, Yerevan, Armenia, 0051; naira.gevorgyan@rau.am

Meri R. Tadevosyan, Cand. of Sci. (Philology), Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia; bld. 123, Hovsep Emin Street, Yerevan, Armenia, 0051; mary.tadevosyan@rau.am

О методологических аспектах развития конкуренции на электроэнергетическом рынке

Валентин Я. Афанасьев

*Государственный университет управления
Москва, Россия, vu_afanasyev@guu.ru*

Виталий В. Кузьмин

*Государственный университет управления
Москва, Россия, vv_kuzmin@guu.ru*

Аннотация. В статье исследуется актуальная проблема методологического обеспечения процесса развития конкуренции на электроэнергетическом рынке (далее – ЭЭР) в условиях глобальных перемен и цифровизации. Целью исследования является развитие теоретической базы развития приемлемых условий конкуренции на современном ЭЭР. Показано, что в большинстве стран Европы, США и ряде других регионов мира на процессы реформирования ЭЭР существенно влияют такие факторы, как развитие генерирующих мощностей распределенной генерации и цифровизация. В целях повышения эффективности предпринимательства в сфере оборота электрической энергии предложена методология реализации системных теоретически проработанных мер, направленных на дальнейшее развитие конкуренции на современном ЭЭР. Материалы исследования представляют практическую ценность для организаций электроэнергетики, потребителей электрической энергии, заинтересованных в реализации дополнительных предпринимательских возможностей на ЭЭР в условиях цифровизации, а также государственных органов, заинтересованных в развитии и повышении эффективности электроэнергетической отрасли. Предложенная методология может использоваться на практике при разработке и реализации концепции и нового комплекса мер по развитию конкуренции на рассматриваемом рынке с учетом новых цифровых технологий и управленческих возможностей, основанных на применении больших данных и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: электроэнергетический рынок, конкуренция, государственное регулирование, развитие и реформы электроэнергетики, «де-регулирование» электроэнергетики, цифровизация

Для цитирования: Афанасьев В.Я., Кузьмин В.В. О методологических аспектах развития конкуренции на электроэнергетическом рынке // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 2. С. 49–67. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-49-67

About methodological aspects of development competition in the electricity market

Valentin Ya. Afanas'ev

State University of Management, Moscow, Russia, vy_afanasyev@guu.ru

Vitalii V. Kuz'min

State University of Management, Moscow, Russia, vv_kuzmin@guu.ru

Abstract. The article studies a current issue of methodological support for the development of competition in the electric power market (hereinafter referred to as EPM) in the context of global changes and digitalization. The purpose of the study is to develop a theoretical basis for the development of acceptable conditions for competition in the modern EPM. It is shown that in most countries of Europe, the USA and in the widespread regions of the world, the processes of transforming the EPM differ significantly in such factors as the development of distributed generation capacities and digitalization. In order to increase the business efficiency in the field of the electric energy turnover, a methodology for the implementation of systemic theoretically developed measures aimed at further developing competition in the modern energy market is proposed. The research materials are of practical value for electric power industry organizations, consumers of electric energy interested in implementing additional entrepreneurial opportunities in the EPM in the context of digitalization, as well as government bodies interested in developing and improving the efficiency of the electric power industry. The proposed methodology can be used in practice when developing and implementing a concept and a new set of measures to promote competition in the market under consideration, taking into account new digital technologies and management capabilities based on the use of big data and artificial intelligence.

Keywords: electric power market, competition, state regulation, development and reforms of the electric power industry, “deregulation” of the electric power industry, digitalization

For citation: Afanas'ev, V.Ya. and Kuz'min, V.V. (2022), “About methodological aspects of development competition in the electricity market”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 49-67, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-49-67

Введение

Востребованность данного исследования обусловлена тем, что несмотря на реализацию (начиная с 90-х гг. XX в.) значительного комплекса мер по реформированию электроэнергетики, на ЭЭР в различных странах наблюдаются серьезные проблемы, значительно сужающие возможности свободного конкурентного поведения его субъектов. Прежде всего это касается возможностей конкурентного выбора потребителей электрической энергии, системы ценообразования, сохранившей во многом монопольный характер, системы инфраструктурных услуг и других факторов, формирующих условия конкуренции в рассматриваемой сфере. В целом сохраняющиеся серьезные проблемы указанного рынка оказывают негативное влияние на эффективность предпринимательства его субъектов. Во многом в результате этого не удается в полной мере решить задачу повышения общей эффективности предпринимательства в этой сфере деятельности.

Одновременно с этим процессы активного роста электрической мощности распределенной генерации электроэнергии и цифровизации большинства общественных и рыночных процессов, формируя важные условия для кардинальных изменений традиционных, в том числе инфраструктурных отраслей экономики, открывают качественно новые возможности для развития конкуренции на ЭЭР.

В целях решения проблем современного ЭЭР с учетом новых качественных возможностей, возникающих вследствие цифровизации, важно обеспечить дальнейшее его развитие, реализовать дополнительный комплекс взаимосвязанных системных мер, в результате которых на принципиально новой информационно-технологической платформе решить задачу обеспечения на указанном рынке приемлемых условий конкуренции, сформировав системную основу повышения эффективности процесса электроснабжения. Данная статья направлена на разработку методологии, лежащей в основе решения указанной задачи.

Методологические подходы к развитию конкуренции на современном электроэнергетическом рынке

В научной литературе вопросам развития конкуренции на электроэнергетическом рынке уделяется большое внимание. Круг рассматриваемых проблем достаточно широк. Ряд авторов исследуют механизмы рыночного взаимодействия субъектов в сфере

оборота электрической энергии (В. Смит, С. Рассенти, Б. Уилсон, L. Tesfatsion, В.Я. Афанасьев, А.И. Барановский, Л.Д. Гительман, В.В. Дорофеев), вопросы активизации участия потребителей электрической энергии в конкурентных процедурах (S. Karnouskos, Y. Parag, C. Simeone, И.О. Волкова). Другие рассматривают влияние процессов развития распределенной генерации и цифровизации на возможности развития конкуренции на электроэнергетическом рынке (С. Clastres, F. Hvelplund, В.Н. Княгинин, Д.В. Холкин), применения в условиях цифровизации новых элементов систем торговли электроэнергией, включая новые бизнес-модели, сервисы на указанном рынке (D. Geelen, M. Corn, M. Crosby, T.A. Linnenberg). При этом несмотря на то, что во многих странах практически реализуются масштабные (общенациональные) программы и меры по развитию условий конкуренции, до сих пор не решена удовлетворительно проблема разработки научно обоснованной методологии развития условий конкуренции в сфере оборота электрической энергии, позволяющей в конечном итоге повысить эффективность функционирования его субъектов на указанном рынке. В силу разных причин (в том числе – методологического характера) в большинстве стран характеристики ЭЭР пока существенно отличаются от характеристик иных рынков с развитой конкуренцией. Даже в странах с реформированной энергетикой в процессе формирования приемлемых условий конкуренции зачастую обнаруживаются серьезные проблемы и препятствия (подробнее об этом см. [Кузьмин 2021b]).

Во многом в силу недостаточной теоретической проработки вопросов развития рынка в сфере оборота электроэнергии наблюдается ряд негативных факторов, тормозящих процесс развития конкуренции на ЭЭР. Прежде всего к ним можно отнести довольно широкое распространение в научной и профессиональной среде методологических подходов и взглядов об обоснованности и целесообразности (более высокой эффективности) решения проблем электроэнергетики через усиление влияния государственных структур. Приверженцы таких подходов считают, что «модернизированные» механизмы государственного регулирования в сочетании с «обновленной» системой стимулирования энергетических монополий обеспечивают необходимые темпы повышения эффективности электроэнергетики. В результате этого зачастую довольно настойчиво реализуются инициативы, направленные на возврат к избыточному («сильному») государственному регулированию в электроэнергетике. В частности, в России, несмотря на то, что начиная с 2005–2008 гг. «осуществлен переход к конкурентному рынку электрической энергии», в текущих условиях развитие отноше-

ний на этом рынке по значительному кругу вопросов разворачивается в сторону усиления государственного вмешательства в его работу (по решению государственных органов субсидируются отдельные регионы и группы потребителей за счет иных субъектов ЭЭР; принимаются решения о способах финансирования развития (модернизации) генерирующих объектов на базе ДПМ и др., подробнее об этом см. [Кузьмин 2021b]), значительно ухудшая условия конкуренции его субъектов.

В целях формирования научной базы для устранения указанных и иных негативных факторов, избыточно ухудшающих условия конкуренции, необходима дополнительная теоретическая и методологическая проработка вопросов дальнейшего развития конкуренции на ЭЭР и повышение на этой основе его эффективности.

В представленной работе используется методологический подход к развитию условий конкуренции на ЭЭР, основанный на целесообразности и обоснованности постепенного приближения свойств указанных рынков к свойствам современных рынков с развитой конкуренцией (о свойствах рынков с развитой конкуренцией см. [Кузьмин 2021a]). В рамках указанного методологического подхода применение на ЭЭР (как и на иных рынках) условий свободной конкуренции, его механизмов, характерных для современных рынков с развитой конкуренцией, выступает системным перспективным способом повышения эффективности предпринимательства в сфере оборота электроэнергии. Для повышения общей эффективности предпринимательства в рассматриваемой сфере целесообразно постепенно и неуклонно развивать, видоизменять свойства ЭЭР, приводя их в соответствие со свойствами различных рынков с традиционно развитой конкуренцией.

Процесс развития конкуренции на современном электроэнергетическом рынке

Преобразования в электроэнергетике, направленные на реализацию конкурентных механизмов на ЭЭР, в текущих условиях являются мировой тенденцией, затронувшей большинство развитых и ряд развивающихся государств мира. При этом необходимо учесть, что процессы реформирования рассматриваемых рынков динамичны, они развиваются под воздействием как местных, характерных для тех или иных стран, так и общих факторов.

К ряду общих факторов, оказывающих в текущих условиях значительное влияние на динамику процессов реформирования отношений на указанных рынках, относятся активное развитие

генерирующих мощностей распределенной генерации и цифровизация.

Значительный рост коммерчески выгодного использования электрических мощностей распределенной генерации на современных ЭЭР обусловлен развитием новых технологий, способов и устройств, предназначенных для производства электроэнергии на относительно малых генерирующих устройствах, используемых «распределенно» в различных точках электроэнергетической системы (далее – ЭЭС) в непосредственной близости от ее потребителей. Технологии малой генерации в сочетании с интеллектуализацией энергоустановок, систем управления и учета энергии предоставляют многим предпринимателям (включая потребителей) возможности практического использования относительно дешевого оборудования для собственного производства электроэнергии (газопоршневые, парогазовые установки, микротурбины, интенсивные котлоагрегаты, тепловые насосы и др. Приближение производства к потреблению создает условия для относительно снижения затрат на транспорт электроэнергии, расширяя сферу экономической эффективности децентрализованного и даже индивидуального энергоснабжения. Вследствие появления в составе ЭЭС новых энергоэффективных устройств (стоимость электроэнергии, производимой с их использованием, приближается к стоимости ее производства на тепловых электростанциях, работающих на угле и/или мазуте), генерирующих электроэнергию в точках, расположенных рядом с центрами потребления, на рынке зачастую появляется возможность поставлять ее от такой распределенной генерации по более привлекательным тарифам, чем от традиционных электростанций (ТЭС, ГЭС АЭС и пр.). В процессе активно развивающегося предпринимательства с использованием мощностей распределенной генерации сегодня уже формируются локальные системы энергоснабжения, успешно конкурирующие с централизованной энергетикой. Развивающаяся распределенная генерация постепенно становится сопоставима по рыночной силе с функционирующими на рынке традиционными генерирующими компаниями, обеспечивая реальную эластичность спроса и создавая действенное давление на цены.

Движимые предпринимательской энергией, поставщики, использующие для производства электроэнергии объекты распределенной генерации, а также значительное количество потребителей (или их агентов) стремятся увеличить объем реализации коммерчески выгодных сделок по поставкам электроэнергии от указанных источников генерации. Это активное стремление, с свою очередь, серьезно стимулирует процессы развития отношений в сфере обо-

рота электроэнергии в направлении создания рыночной системы, позволяющей потребителям электроэнергии наблюдать ценовые предложения различных поставщиков (как традиционных, так и распределенных – малых источников генерации), сформулированных применительно к точкам подключения их объектов к электрической сети (ЭЭС), с тем, чтобы иметь возможность принятия альтернативных решений и совершения действий по покупке электроэнергии от тех или иных поставщиков в зависимости от их ценовых предложений в указанных точках ЭЭС.

Цифровизация¹, являясь общемировой тенденцией, формирует ключевые условия, стимулирующие развитие ЭЭР. Использование новых «умных» цифровых устройств, а на их базе – новых технологических подходов и способов организации различных форм человеческой деятельности (общественной, личной и пр.) открывает качественно новые возможности повышения их эффективности через массовое (системное) вовлечение в эти процессы (в том числе – в рамках новых способов их организации) миллионов новых субъектов и стоящих за ними «умных» («цифровых») машин и иных устройств.

В производственно-технологической сфере электроэнергетики цифровизация способствует бурному развитию применяемых в этой отрасли технологий, а также всей совокупности производственных процессов, связанных с оборотом электроэнергии. Прежде всего в процессе цифровизации создаются новые, более эффективные технологии прогнозирования, мониторинга и управления как элементами ЭЭС, так и указанной системой в целом. Внедрение интеллектуальных киберфизических устройств, использование методов и инструментов «слабого» искусственного интеллекта спо-

¹ Под термином «цифровизация» в настоящей работе рассматривается процесс стремительного расширения практики массового, системного применения самых разных (всевозможных) качественно новых «умных» устройств и технологий, обеспечивающих «интеллектуализацию» всех сфер и форм человеческой деятельности (предпринимательства, организации и управления производственными, экономическими, социальными, рыночными и иными процессами, включая процессы в сфере личностного функционирования, развития и творчества). Работа указанного нового поколения устройств и технологий базируется на использовании специально формируемой, упорядоченной информации, представленной в цифровом формате, и применении специальных методов и средств создания, хранения, обработки, обмена и использования цифровой информации. В целом указанный процесс является продолжением и развитием выполненных на прежних этапах различных проектов по автоматизации всевозможных процессов.

способствуют появлению систем автоматического управления технологическими процессами в ЭЭС. В процессе практической реализации разномасштабных проектов по интеллектуализации различных элементов ЭЭС, параллельно с процессом постепенной разработки и внедрения «цифровых» стандартов, нормативов и правил, происходит активное создание комплекса технологий, позволяющих использовать «цифровые» устройства и технологические решения в указанных системах². Происходит постепенная «цифровизация» отраслевой инфраструктуры: в процессе оптимизации управления функционированием и развитием ЭЭС начинают использоваться их цифровые модели; внедряются системы оперативного контроля состояния и автоматического управления оборудованием и показателями качества энергоснабжения потребителей; разворачиваются автоматизированные системы «интеллектуального» учета энергетических потоков и др. Формируются технологические условия для одновременного параллельного функционирования в ЭЭС большой, распределенной и автономной генерации, в том числе – возобновляемых источников энергии, систем хранения энергии, многофункциональных энергетических объектов (например, когенерационных и тригенерационных установок) и др. На базе создаваемых информационных систем, методов и инструментов «слабого» (applied) искусственного интеллекта постепенно формируются системы интеллектуального инжиниринга, настройки, восстановления технологических систем и систем управления.

В сфере рыночных отношений, на современных ЭЭС в условиях цифровизации реализуются различные проекты по разви-

² В частности, к ним можно отнести: необслуживаемые киберфизические преобразователи, коммутационные устройства для различных групп напряжения; цифровые подстанции и цифровые электрические сети различного напряжения, включая энергетическую инфраструктуру различных зданий; массово используемые накопители энергии, генераторы электроэнергии небольшой мощности, включая предназначенные для использования бытовыми потребителями; пользовательские интерфейсы (plug&play), позволяющие быстро определять и конфигурировать свои устройства в информационных системах ЭЭС широкому кругу пользователей различных классов энергетического оборудования и энергопринимающих устройств; открытые платформы для технологических и коммерческих сервисов для использования в рамках взаимодействия в составе ЭЭС; информационные инструменты, позволяющие организовать эффективное взаимодействие (мониторинг, обучение) человека с элементами «цифровых», «интеллектуальных» ресурсов ЭЭС; информационные инструменты, используемые при планировании функционирования и развития инфраструктур электроэнергетических систем на основе цифровых моделей реального времени и др.

тию условий конкуренции. В частности, в экономически развитых странах (Германия, Великобритания, Япония, США и др.) с использованием новых цифровых устройств и технологий делаются попытки создания и отработки новых элементов систем торговли электроэнергией (новых бизнес-моделей, сервисов), где субъекты могут реализовывать наиболее выгодные для себя сделки. В частности, уже появляются агрегаторы спроса, виртуальные электростанции, виртуальные распределенные накопители энергии, энергетическое хеджирование и пр.³ На указанных рынках его субъекты уже пробуют совершать сделки на ЭЭР исходя из конкурентной оценки ее стоимости, включая стоимость передачи и подключения к сетям, выбирать нужные им уровни надежности и качества энергоснабжения, самостоятельно определять необходимые резервы по генерации и распределительным сетям, давая обоснованные инвестиционные сигналы для развития энергетической отрасли и др. Реализуются меры, направленные на стимулирование участия активных потребителей электрической энергии и иных новых субъектов в конкурентных процедурах⁴. Принимаются меры для снижения барьеров входа на рынок и выхода с него потребителей и небольших компаний, облегчения получения разрешений небольшим компаниям для торговли на указанных рынках. Также на стимулирование участия в конкурентных процедурах новых субъектов направлены инициативы по «коллективной смене поставщика». В частности, разработанные британским регулятором новые стандарты гарантируют более надежную и быструю смену поставщика и предусматривают прямые компенсации поставщиков потребителям в случае невыполнения первыми своих обязательств⁵. В рам-

³ Цифровой переход в электроэнергетике России: Экспертно-аналитический доклад [Электронный ресурс] / Ред. В.Н. Княгинин, Д.В. Холкин. М.: Центр стратегических разработок, 2017. Сентябрь. 46 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.csr.ru/uploads/2017/09/Doklad_energetika-Web.pdf (дата обращения 30 января 2022). State of the Energy Market. 2019 Ofgem. London, 2019. P. 52 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ofgem.gov.uk/publications/state-energy-market-2019>, свободный (дата обращения 30 января 2022).

⁴ State of the Energy Market. 2019 Ofgem. London, 2019. P. 52 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ofgem.gov.uk/publications/state-energy-market-2019>, свободный (дата обращения 30 января 2022); Retail competition in Texas: A Success Story [Электронный ресурс] // Public Utility Commission of Texas. URL: http://www.puc.state.pa.us/electric/PDF/RetailMI/EnBanc060811-P-PUCTX_Opening.pdf, 8 June 2011 (дата обращения 3 ноября 2019).

⁵ State of the Energy Market.

ках мер по стимулированию участия новых субъектов в процедурах ЭЭР используются различные государственные программы поддержки производителей «чистой» энергии, а также механизмы, направленные на уменьшение использования «вредных» технологий, как, например, механизм поддержки цены углеводородов (The Carbon Support Price, CPS) в Великобритании⁶. Реализуются меры по стимулированию распространения ценовой информации ЭЭР. Наряду с тем, что большая часть сделок на оптовом рынке электроэнергии происходит напрямую между покупателями и продавцами электроэнергии по определяемой ими цене, ориентировочные цены публикуются агентствами ценовой информации, цены торгов публикуют биржи (или торговые площадки), а также регуляторы. Реализуются программы повышения осведомленности потребителей и упрощения сравнимости тарифов, онлайн-инструменты сопоставимости тарифов на электроэнергию на сайтах, поддерживаемых органами регулирования. Кроме этого, предпринимаются усилия по увеличению ликвидности активов оптового рынка. Так, в Британии сформулировано требование к крупнейшим генерирующим компаниям предоставить доступ к продуктам хеджирования на оптовом рынке в рамках специальных мер по развитию ликвидности рынков ценных бумаг и финансовых инструментов в рамках специальной политики Secure and Promote (S&P) и программы рыночных обязательств по формированию рынка (Market Making Obligation, ММО)⁷. Активно реализуются меры по развитию рынка электрической мощности, направленного на обеспечение надежности поставок электрической энергии при обеспечении необходимых уровней эффективности использования генерирующих мощностей ЭЭС. Разрабатываются новые подходы и методы оценки необходимых и достаточных объемов генерирующих мощностей ЭЭС для покрытия пиковых нагрузок, а также способы установления рыночных («справедливых») цен на резервные мощности, используемые в ЭЭС для обеспечения поставок электрической энергии с необходимыми (востребованными) уровнями надежности электроснабжения потребителей (аукционы, торги по продаже резервных мощностей для установления справедливого уровня цен и др.). В частности, рынок мощности Великобритании предусматривает предоставление всем участникам рынка, поставляющим мощность (новые и существующие электростанции), а также потребителям, которые добровольно сокращают спрос на электроэнергию, устойчивый, предсказуемый поток доходов (платежи за мощность).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

В обмен за такие платежи участники должны предоставлять в распоряжение оператора рынка свою мощность для покрытия нагрузки или поддержания резерва⁸. Внедрение «умных» приборов учета потребленной электрической энергии рассматривается в качестве важного фактора, способствующего развитию конкуренции на ЭЭР. Считается, что с учетом того, что умные приборы позволяют предоставлять более точную информацию потребителям и принимать правильные решения в отношении выбора подходящего им тарифа, они, следовательно, стимулируют потребительскую активность искать лучшие сделки на рынке и активность поставщиков формировать лучшие предложения, расширять выбор для потребителей. Различными государственными, общественными и коммерческими организациями осуществляется информационно-аналитическая поддержка функционирования и развития конкуренции на ЭЭР. В публикуемых для участников рынка материалах доводятся результаты мониторинга цен и факторов, влияющих на них; дается оценка структуры оптовых энергетических рынков, включая количество участников рынка; оценивается доступность процедур входа на рынок и выхода с него, степень концентрации на рынке, наличие вертикальной интеграции; характеристика рыночной власти поставщиков электрической энергии и услуг и др.⁹

В целом на ЭЭР за счет использования открытых данных и открытых сервисных платформ, развития практики Интернета вещей (Internet of Things, IoT), использования социальных сетей, аналитических сервисов, геймификации новых практик взаимодействия инженерной и рыночной инфраструктуры с энергопринимающими устройствами открываются возможности формирования новых ценностей и новых моделей поведения потребителей на рынке. В условиях функционирования новых киберфизических устройств преобразования и коммутации энергии, интеллектуальных систем управления, открытых сервисных платформ, технологий интернета вещей поставщики электрической энергии, включая производителей электроэнергии на распределенных энергетических объектах (в т. ч. мобильных), активные потребители, пользователи устройств с управляемой нагрузкой получают технологическую возможность относительно простого подключения и пользования возможностями ЭЭС (примерно по таким принципам

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.; Quarterly Report on European Electricity Markets with special focus on the impact of the pandemic Observatory for Energy. DG Energy. Vol. 13 (issue 1, first quarter of 2020).

и процедурам, как это организовано в современных условиях при использовании Интернета).

Таким образом, переход к новому «цифровому» технологическому укладу создает качественно новые условия для использования на ЭЭР (технологически сложной, инфраструктурной сфере предпринимательства) новых механизмов рыночного взаимодействия, более свободных, менее деформированных условий конкуренции.

Но появление указанных возможностей определяет, наряду с иными причинами, также и необходимость принятия мер по качественному изменению действующих условий конкуренции (моделей) ЭЭР.

Предлагаемая методология развития конкуренции на современном электроэнергетическом рынке

Предложенная в рамках настоящего исследования методология развития современного ЭЭР, предусматривая распространение на указанный рынок свойств рынков с развитой конкуренцией через реализацию системных мер по изменению его характеристик¹⁰, включает следующие разделы:

1. Основные концептуальные подходы к развитию условий конкуренции на современных ЭЭР. К ним можно отнести следующие:
 - на ЭЭР обоснованно и целесообразно применение рыночных, конкурентных принципов взаимодействия, характерных для рынков с традиционно развитыми условиями (процедурами, механизмами) конкуренции, выработанными человечеством за много столетий своего развития. Применение в электроэнергетике (инфраструктурной, сложной в технологическом отношении отрасли человеческой деятельности) процедур и механизмов рыночной конкуренции рассматривается в качестве системного способа серьезного повышения эффективности предпринимательства в сфере оборота электрической энергии;
 - сферы производства, поставок, сбыта (и передачи) электроэнергии, ранее считавшиеся монопольными, рассматриваются как системы, открытые для конкуренции;

¹⁰ При этом очевидно, что в этом процессе важно учитывать особенности ЭЭР, оказывающие существенное влияние на его характеристики, а также серьезно влияющие на темпы развития условий конкуренции его субъектов. Об особенностях ЭЭР см.: [Кузьмин 2021а].

- упорядоченное взаимодействие людей (прежде всего на принципах саморегулирования) в рамках системы правил и процедур справедливой конкуренции на ЭЭР рассматривается как универсальный способ координации отношений самых различных субъектов рынка (включая не только поставщиков, но также потребителей и производителей энергии на различных объектах распределенной генерации), направленный в конечном итоге на оптимизацию процесса электроснабжения потребителей и общее повышение эффективности предпринимательства на указанном рынке;
- система государственного регулирования на ЭЭР, основанная на идее естественной монополии сферы электроснабжения (наряду с идеей «общественной значимости» этого вида деятельности), трансформируется и заменяется качественно иной системой регулирования, основанной на принципах свободной конкуренции и системе саморегулирования субъектов указанного рынка;
- принципиально меняется роль потребителей на указанном рынке. Потребители меняют статус статичных участников сделок по покупке электроэнергии, которые безропотно принимают условия поставщиков, на роль главных действующих лиц на рынке, которые активно участвуют в конкурентных процедурах. Для этого на ЭЭР, помимо того, что меняются концептуальные взгляды к роли потребителей, реализуется система мер, требований и условий, позволяющих фактически обеспечить включение потребителей в конкурентные процедуры с соответствующим им статусом;
- на всем ЭЭР (включая оптовый и розничные рынки электроэнергии) организуется инфраструктурный сервис, предоставляющий качественно новые возможности для обмена рыночной информацией, а также для организации заключения и исполнения свободных конкурентных сделок его субъектов. Указанный сервис базируется на единой организационной инфраструктуре, а также цифровой информационно-технологической платформе (включая электронные торговые площадки, системы управления энергоданными, единые системы биллинга и расчетов и др.) и настроен на организацию и поддержку прямых конкурентных отношений между потребителями и производителями с поставкой электроэнергии по маршруту «производитель – потребитель»;
- в рамках единой рыночной инфраструктуры функционирует прозрачная и взаимно контролируемая субъектами рынка система учета электроэнергии, услуг и денежных расчетов.

Все субъекты рынка имеют доступ к полной клиентской базе и достоверным данным (в том числе интервальным), признаваемым субъектами рынка для взаиморасчетов, к системам определения потерь в сетях, формирования и анализа балансов электроэнергии. Исключается дублирование расходов поставщиков энергии и услуг на учет и расчетно-биллинговое обслуживание, обеспечивается своевременная оплата поставок электроэнергии и услуг;

- качественно меняются способы решения задач распределения ресурсов, в том числе и оперативно-диспетчерского регулирования в ЭЭС. Решения по диспетчеризации и оптимизации режимов производства и потребления электроэнергии и мощности в ЭЭС, которые в прежнем понимании требовали применения иерархических систем управления и контроля, заменяются решениями, формулируемыми и реализуемыми на основе саморегулирования с учетом децентрализованных режимов ценообразования и прав собственности. Экономия достигается за счет координации в сложных сетях при более низких транзакционных издержках независимых агентов, обладающих распределенной информацией и связанных «интеллектуальными» рыночными механизмами;
- вводятся новые подходы к обеспечению надежности энергоснабжения потребителей и обеспечению необходимых темпов развития технологической базы электроэнергетики (электрогенерирующих и электропередающих объектов). В новых условиях уровень надежности энергоснабжения потребителей определяется ими самостоятельно с учетом своих интересов и базируется на их платежеспособном спросе на электрогенерирующие и передающие мощности. Новые технологии организации взаимоотношений на ЭЭР позволяют потребителям самим выбирать нужные им уровни и способы обеспечения надежности и качества энергоснабжения на базе рыночных процедур: исходя из ценовых предложений различных поставщиков генерирующих и электропередающих мощностей (в т. ч. – резервных), потребители выбирают нужные им уровни надежности и качества энергоснабжения, покупая для этого резервы по генерации и по передаче электрической энергии. В результате этого потребители дают конкурентную оценку стоимости генерации, передачи (подключения к сетям), определяя необходимые для себя резервы по генерации и распределительным сетям, а также формируют инвестиционные сигналы для развития энергетики (генерирующих и передающих объектов) регионов и страны;

– вводятся новые правила ЭЭР, во изменение действующих правил оптового и розничных рынков электроэнергии, направленные на создание приемлемых условий конкуренции на ЭЭР, обеспечение недискриминационного предпринимательства всех его субъектов, включая потребителей, а также субъектов, использующих технологии малой генерации. Новые правила ЭЭР, а также система услуг инфраструктурных организаций рынка формируют всем субъектам рынка, в том числе и независимым производителям, и потребителям электроэнергии базовые условия для свободной торговли электроэнергией и услугами.

2. Алгоритм разработки и реализации взаимоувязанного комплекса мер по развитию условий конкуренции на ЭЭР. Он включает следующие элементы:

- организуются теоретические исследования современных рынков с развитой конкуренцией, по результатам которых четко формулируются актуальные представления о свойствах рынков с развитой конкуренцией, наборе конкурентных механизмов, которые в совокупности приводят к ожидаемым результатам по уровню эффективности;
- формулируются основные требования к организации условий свободной конкуренции на ЭЭР, исходя из выявленных свойств и характеристик современных эффективных рынков с развитой конкуренцией, с учетом особенностей ЭЭР, а также анализа существующего опыта реформирования электроэнергетики в развитых странах. Разрабатывается характеристика модели организации свободных, приемлемых для текущего периода, конкурентных рыночных отношений на ЭЭР, со свойствами, соответствующими свойствам современных рынков с развитой конкуренцией. (Необходимость движения в направлении *приемлемых для текущего периода* условий конкуренции определяется динамикой процессов развития как свойств рынков с развитой конкуренцией, так и проектов по распространению указанных свойств на различные ЭЭР);
- проектируется и вводится новая (цифровая) модель ЭЭР с механизмами взаимодействия его субъектов, в основе которых лежит приоритет свободной рыночной торговли, не деформируемой избыточным вмешательством государственных структур и монополий, в том числе с участием субъектов естественных монополий, с обеспечением свободного конкурентного доступа участников рынка к их услугам. В рамках процесса проектирования и реализации новой модели ЭЭР организуется проектирование, создание и запуск информа-

ционно-технологических решений (продуктов), позволяющих субъектам ЭЭР вести на рынке предпринимательство в условиях свободной конкуренции. Для этого обеспечивается теоретическая проработка, проектирование и внедрение в практику важнейших элементов информационно-технологической платформы и «цифровой» торговой системы ЭЭР, в том числе по следующим направлениям: единая распределенная информационно-технологическая платформа (ИТП), используемая в качестве основы для заключения и исполнения сделок на ЭЭР; математическая модель ЭЭС – важнейший инструмент взаимодействия субъектов ЭЭР, служит информационной базой при организации технологического и рыночного взаимодействия субъектов рынка, в том числе – в режиме реального времени, является важным элементом распределенной информационно-технологической платформы; система инфраструктурных организаций торговой системы ЭЭР и их услуг; автоматизированные системы управления организацией инфраструктурных услуг на ЭЭР (в том числе: электронной торговой площадки в целях обеспечения возможностей субъектов рынка по совершению и исполнению свободных конкурентных сделок, включая режим on-line; системы учета и управления энергоданными; регионального центра биллинга и расчетов по сделкам на ЭЭР; регионального центра прогнозирования и развития электроэнергетической системы);

- организуется разработка новых правил (нормативной правовой базы) функционирования и регулирования деятельности участников ЭЭР. Указанные правила предусматривают создание всем субъектам рынка, в том числе и независимым производителям, и потребителям условий для свободной торговли электроэнергией, обеспечения свободного доступа к инфраструктуре транспортировки электроэнергии, к инфраструктуре расчетной системы электроэнергетического рынка, к услугам органов по диспетчерскому управлению, возможности самостоятельно устанавливать цены.
- с субъектами ЭЭР проводится разъяснительная работа и консультации с учетом того, что процесс развития указанного рынка связан с осознанием и определением большинством участников рынка и регулирующими органами основного контура необходимых перемен, формулированием концепции изменений, согласованием позиций участников рынка по вопросам развития рынка, с процессами разработки и создания новых механизмов и процедур конкурентного рынка;

- технологические, организационные и правовые вопросы внедрения новой модели ЭЭР отрабатываются на пилотных проектах, в дополнение к теоретическим, прикладным научным исследованиям, разработкам и проектированию. Целью реализации пилотных проектов является разработка и получение опыта эксплуатации (в условиях параллельного функционирования с текущей моделью рынка) нескольких версий прототипа «интеллектуального, конкурентного» ЭЭР для последующего тиражирования. Пилотные проекты охватывают фрагменты ЭЭС, достаточные для оценки эффективности новой модели отношений, а также сравнения различных вариантов реализации с последующим выбором наиболее эффективных решений. Для запуска пилотных проектов в регионах их реализации создается новая технологическая и организационная инфраструктура с соответствующей модификацией правил рынка. На этой базе организуется практическое взаимодействие субъектов рынка по новым правилам с активным привлечением к конкурентным отношениям субъектов нового рынка, включая распределенную генерацию и потребителей через механизмы электронных торговых площадок, системы управления энергопотреблением и иные элементы интеллектуальных энергосистем;
- организуется система контроля и мониторинга процессов преобразований в электроэнергетике в целях обеспечения соответствия промежуточных результатов реформирования выбранным целям и своевременной корректировки мероприятий в случае необходимости. Для этого обеспечивается разработка методических и организационных подходов и показателей, обеспечивающих контроль и мониторинг процессов преобразований в электроэнергетике с целью определения соответствия промежуточных результатов реформирования выбранным целям и своевременной корректировки мероприятий в случае необходимости.

3. Роль государственных органов в организации на ЭЭР приемлемых условий конкуренции. Для качественного изменения условий конкуренции на ЭЭР, в целях повышения эффективности предпринимательства в сфере оборота электроэнергии государственные органы с участием энергетической общественности реализуют мероприятия переходного периода.

Кроме этого, федеральный государственный орган создает из профессиональных экспертов, имеющих опыт разработки и реализации мер по развитию ЭЭР, рабочую группу по разработке и реализации новой «цифровой» модели ЭЭР, возложив на нее

функции по подготовке, обеспечению утверждения и организации процесса реализации плана развития условий конкуренции на ЭЭР (с учетом того, что развитие современного ЭЭР связано со сложными процессами осознания и определения участниками рынка и регулируемыми органами основного контура и комплекса необходимых перемен, а также мероприятий по их реализации и что новая модель «цифрового» ЭЭР запускается «с колес», параллельно с действующими оптовым и розничным рынками, что также в определенной мере усложняет процесс изменений на указанном рынке).

4. Программа мер переходного периода. В указанную программу включаются мероприятия, направленные на решение задач развития условий конкуренции на современном ЭЭР через внедрение новой «цифровой» модели ЭЭР.

Выводы

Существующие теоретические разработки в области развития конкуренции на ЭЭР, в сочетании с имеющейся практикой совершенствования указанного рынка, не позволяют в полной мере решать проблемы обеспечения приемлемых условий конкуренции его субъектов как системной основы их эффективного функционирования и развития. Кроме этого, в силу динамичности рыночных процессов, через определенные периоды времени возникают задачи корректировки подходов к дальнейшему развитию конкурентных механизмов, развитию инфраструктуры и правил функционирования указанных рынков.

Реализацию такого комплекса системных, теоретически проработанных мер, направленных на дальнейшее развитие конкуренции на ЭЭР и повышение на этой основе его эффективности, важно реализовать на основе научно обоснованной методологии.

Литература

- Кузьмин 2021a – *Кузьмин В.В.* Концептуальные основы развития конкуренции на электроэнергетическом рынке в условиях цифровизации: В 2 т. Т. 1. М.: РУСАЙНС, 2021. 226 с.
- Кузьмин 2021b – *Кузьмин В.В.* Концептуальные основы развития конкуренции на электроэнергетическом рынке в условиях цифровизации: В 2 т. Т. 2. М.: РУСАЙНС, 2021. 210 с.

References

- Kuzmin, V.V. (2021), *Kontseptual'nye osnovy razvitiya konkurentsii na elektroenergeticheskom rynke v usloviyakh tsifrovizatsii*. T. 1: monografiya [Conceptual foundations for the development of competition in the electricity market in the context of digitalization, monograph. In 2 vols., vol. 1], RUSAINS, Moscow, Russia.
- Kuzmin, V.V. (2021), *Kontseptual'nye osnovy razvitiya konkurentsii na elektroenergeticheskom rynke v usloviyakh tsifrovizatsii*. T. 2: monografiya [Conceptual foundations for the development of competition in the electricity market in the context of digitalization, monograph . In 2 vols., vol. 2], RUSAINS, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Валентин Я. Афанасьев, доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Россия; 109542, Россия, Москва, Рязанский пр., д. 99; vv_afanasyev@guu.ru

Виталий В. Кузьмин, кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления, Москва, Россия, 109542, Рязанский проспект, 99; vv_kuzmin@guu.ru

Information about the authors

Valentin Ya. Afanas'ev, Dr. of Sci. (Economics), professor, State University of Management, Moscow, Russia; bld. 99, Ryazanskii Avenue, Moscow, Russia, 109542; vv_afanasyev@guu.ru

Vitalii V. Kuz'min, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, State University of Management, Moscow, Russia; bld. 99, Ryazanskii Avenue, Moscow, Russia, 109542; vv_kuzmin@guu.ru

Генетическая основа мировой экономики и права

Борис Б. Леонтьев

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sois2013@yandex.ru*

Аннотация. В работе обосновывается ключевое значение фактора интеллектуальной собственности в международных экономико-правовых отношениях при формировании, развитии и совершенствовании субъектов экономической деятельности во всех ведущих экономически развитых государствах. Автор показывает, как анализ роста статистики регистрации различных объектов интеллектуального права позволил ему сделать вывод о переходе человечества в новое качественное, более интеллектуальное состояние. При этом был открыт феномен интеллектуальной природы, что повлекло за собой вывод о зарождении новой науки «интеллектологии». Это может привести к обновлению современной теории экономики, права и управления экономикой, а также повышению качества решений и точности прогнозов в любых экономических ситуациях.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальное право, интеллектуальная природа, интеллектология

Для цитирования: Леонтьев Б.Б. Генетическая основа мировой экономики и права // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 2. С. 68–87. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-68-87

The genetic basis of the world economy and law

Boris B. Leont'ev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, sois2013@yandex.ru

Abstract. The paper substantiates the key importance of the intellectual property factor in international economic and legal relations in the formation, development and improvement of economic entities in all leading economically developed countries. The author describes how analyzing the growth in statistics for registration of various objects of intellectual property law allowed him to develop a conviction about the transition of humanity to a new qualitative, more intellectual state. At the same time, the phenomenon of intellectual nature was discovered, what led to the conclusion of the birth of a new science of

“intellectology”. That may result in an update of the modern theory of economics, law and economic management, as well as an improvement in the quality of decisions and the accuracy of forecasts in any economic situations.

Keywords: intellectual property, intellectual law, intellectual nature, intellectology

For citation: Leont'ev, B.B. (2022), “The genetic basis of the world economy and law”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 68-87, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-68-87

Источником практически всех устойчивых доходов и прибылей самых разных компаний и корпораций в мировой экономике является интеллектуальная собственность как междисциплинарный системообразующий фактор развития и успеха. Фактически она является генетической основой любого современного бизнеса, т. к. составляет основное содержание его технологий, товаров, работ и услуг. Институт интеллектуальной собственности развивается в мире уже более 600 лет, зародившись в Италии в качестве охраняемых документов касательно технологий производства уникальных товаров.

Эволюция интеллектуального права

Интеллектуальное право с момента своего зарождения в Италии, затем в Англии и далее в Западной Европе и в США прошло длинный и сложный путь эволюции.

С введением в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ с 01.01.2008 г. Российская Федерация получила первый в мире единый общегосударственный нормативный акт, интегрирующий все национальные нормы по интеллектуальной собственности. Автором этого документа как законопроект изначально был В.А. Дозорцев и его команда юристов, работающих в Правовом центре при Администрации Президента РФ.

В октябре 1996 г. В.А. Дозорцев опубликовал в журнале «Экономика и жизнь» (№ 40) свою концепцию этого интегрального нормативного акта под названием «На пороге нового этапа» (развитие законодательства о правах на результаты интеллектуальной деятельности). В этой статье он всю объединенную российскую нормативную базу изложил в виде матрицы наподобие таблицы Д.И. Менделеева. В то время автор настоящей статьи в этом издании был редактором отдела «Оценка интеллектуальной собствен-

ности и бизнеса», где на страницах «Экономики и жизни» им по сути закладывались основы экономики интеллектуальной собственности. Там же автор неоднократно отмечал, что уже в то время в России действовало более 90 различных нормативных актов, регулировавших разные отношения с интеллектуальной собственностью. Уже тогда было понятно, что она должна системно использоваться почти на всех российских предприятиях. Но в то время эффективно использовать ее было практически невозможно ввиду того, что единый акт тогда отсутствовал. К тому же руководители предприятий с этим новым для России ресурсом знакомы не были.

В.А. Дозорцев полностью поддержал наши выводы о том, что современная интеллектуальная собственность в нынешнем бизнесе фактически является эквивалентом генетической основы организмов в биосфере, и он считал недопустимым разрозненность законодательства по этому вопросу [Леонтьев 2005, с. 31–35].

Д-р юрид. наук В.А. Дозорцев тогда одновременно с д-ром юрид. наук А.П. Сергеевым независимо друг от друга предложили Правительству РФ и Госдуме РФ свои концепции такого единого нормативного акта. В итоге был принят вариант В.А. Дозорцева. Затем он был обсужден в Госдуме 24 ноября 2006 г., а уже через две недели, 8 декабря 2006 г., – одобрен Советом Федерации.

Уже в то время, когда одна из участниц рабочей группы по подготовке данного законопроекта Л.А. Трахтенгерц на одной из конференций сообщила нам о подготовке и структуре вышеупомянутого документа, у автора этой статьи возникли вопросы по его заключительной части. Затем при личной беседе с ней было предложено завершить структуру части четвертой ГК РФ статьями об уже известных в мире механизмах экономического развития и правоприменения. К примеру, автором этой статьи предлагалось «коммерческую концессию» более подробно представить в заключительной части данного документа, так как речь идет об известных во всем мире способах организации франчайзинга («коммерческая концессия», глава 54, статьи 1027–1040). Однако в ответ был получен отказ и высказано замечание о неприемлемости упоминания экономических механизмов в правовом поле. Пришлось выслушать в свой адрес критику со стороны собеседницы. До принятия Госдумой и Советом Федерации соответствующего законопроекта он достаточно широко обсуждался на форумах, конференциях и семинарах, посвященных развитию российского законодательства.

К сожалению, до сих пор так и не состоялось столь системное завершение этих весьма важных юридических норм. В итоге транснациональные корпорации, ныне доминирующие во всем мировом рыночном пространстве, в России отсутствуют. Это является

прямым следствием незнания, непонимания и неумения руководителей нашего крупного бизнеса работать с интеллектуальной собственностью. Впрочем, этого понимания до сих пор нет во всех российских госкорпорациях. Как системно развивать бизнес на основе интеллектуальной собственности, наши экономисты и управленцы в промышленности до сих пор не знают и потому не умеют.

Российские нормы регулирования интеллектуальных прав не являются чем-то оригинальным, уникальным и сугубо национальным. Все эти нормы многократно обсуждались с зарубежными экспертами и в итоге были гармонизированы с Международными конвенциями по интеллектуальной собственности. В первую очередь это относится к конвенциям Парижской (1883), Бернской (1886), Стокгольмской (1967) и всем остальным, которых насчитывается более двух десятков, включая отдельные протоколы Всемирной организации интеллектуальной собственности. Все эти международные нормы и акты с годами фактически не меняются. Лишь изредка в них вносятся незначительные дополнения и поправки. Можно вполне ответственно заявить, что данное мировое нормативное регулирование интеллектуальных прав является самым стабильным в мире среди всех остальных институтов и международных правовых регуляторов. Интеллектуальные права как феномен современной экономики являются самыми стабильными в мировом институциональном пространстве. Многочисленные диссертации на эту тему лишь расширяют правоприменительную практику, но не более того [Ревинский 2018].

Поскольку эти международные нормы самые стабильные и широко распространенные в мировом экономическом пространстве, обратимся теперь к статистике регистрируемых и регулируемых в мировой экономике прав на результаты интеллектуальной деятельности. Именно статистика может продемонстрировать нам тенденции развития мировой экономики, а также указать основной вектор развития цивилизации в целом.

Количественный рост регистрации прав

Обратимся к известной в прошлом статистике роста изобретательства в СССР, а также отметим мировую статистику роста числа регистрации патентов как основного среди прочих объектов интеллектуальной собственности. Тенденции роста регистрации патентов и всех других объектов интеллектуального права устойчиво сохраняются во всем мире, и можно прогнозировать дальнейшую динамику роста на долгие годы.

Регистрация изобретательства в СССР

С этой целью нам потребуется обратиться к известным источникам, свидетельствующим о динамике изобретательства в СССР¹, хотя из российских библиотек по этой тематике уже изъято много материала и отправлено в архивы.

При социалистической модели управления в СССР за первые три года существования восстановленной после революции патентной системы с 1924 г. по 1927 г. было подано 22 023 заявки, или в среднем 7341 заявка в год. Из этого количества 3938 заявок (53,63%) в условиях изоляции Советской России было подано зарубежными заявителями: Германия (2666 заявок), США (245 заявок), Англия (210), Голландия (170 заявок), Швеция (137 заявок) и т. д.

В периодически издаваемом Патентным ведомством бюллетене «Открытия, изобретения, промышленные образцы и товарные знаки» за 1970 г. было опубликовано в 10 раз больше изобретений, чем за 1946 г.

Обратимся к важным фактам истории советской экономики. Главный инженер страны, так себя называл А.Н. Косыгин, стал в 1964 г. Председателем Совета министров СССР, а в 1965 г. в СССР уже началась так называемая Косыгинская реформа. Она представляла собой совокупность мер, направленных на повышение эффективности экономики. Эта реформа проводилась по инициативе и под руководством Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина. В разработке реформы участвовали Н.К. Байбаков, А.В. Бачурин, Л.И. Абалкин, А.И. Анчишкин, Л.М. Гатовский, Р.А. Белоусов, В.С. Немчинов, Л.В. Канторович, С.С. Шаталин и др.

Основные цели и направления реформы были сформулированы в решениях Пленума ЦК КПСС (сентябрь 1965 г.), постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 04.10.1965 и в утвержденном тогда же Советом министров СССР «Положении о социалистическом государственном предприятии». Государственные комитеты по отраслям промышленности и совнархозы были упразднены, вместо них были образованы общесоюзные, союзно-республиканские и

¹ *Зыбцев Е.* Патентная статистика как показатель развития производственной сферы в Украине [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inventa.ua/ru/patentnaja-statistika-kak-pokazatel-razvitija-proizvodstvennoj-sfery-v-ukraine/> (дата обращения 15 декабря 2021).

республиканские министерства. Территориальный принцип в организации материально-технического снабжения был сохранен. Предполагались существенное расширение самостоятельности и прав предприятий, переход к стимулированию их деятельности в зависимости от показателей не только количественного, но и качественного, экономически эффективного роста. Важнейшим показателем стала статистика изобретений и рационализаторских предложений². За 1966–1970 гг. было опубликовано почти столько же изобретений, сколько за предыдущие 20 лет. За период с 1966 по 1970 г. в бюллетене было опубликовано в 2,3 раза больше публикаций, чем в 1961–1965 гг., и в 5,2 раза больше, чем в 1946–1950 гг. Наиболее динамичным в эти годы было развитие изобретательства в таких областях, как электро- и радиотехника, электроника, приборостроение и вычислительная техника, средства автоматизации, химия, металлообработка, горное дело, а также сельское и лесное хозяйство, где количество публикаций об изобретениях возросло в 7–12 раз [Колесников, Обухов 1972].

На начальном этапе Косыгинских реформ за период с 1969 по 1974 г. было зарегистрировано примерно столько же изобретений, сколько их было создано за все предшествующие годы Советской власти. Иначе говоря, если для удвоения количества изобретений, зарегистрированных в 1919–1945 гг., потребовалось около 20 лет, то удвоение возросшего фонда изобретений, накопленных за 1919–1968 гг., было обеспечено за 6 лет.

На основании представленных в табл. 1 данных видно, что поступление заявок за период 1965–1974 гг. возросло в 1,5 раза (с 95 до 143 тыс. заявок). При этом ускоренными темпами увеличивалось количество заявок, поступающих от отечественных организаций (более чем в 3 раза) и от иностранных нерезидентов (более чем в 4 раза). На всех советских предприятиях были созданы отделы или бюро по изобретательству и рационализаторским предложениям. Активно развивалось Всесоюзное общество изобретательства и рационализации (ВОИР).

Из приведенной ниже таблицы 2 видно, что если в 1965 г. в Госреестр СССР было внесено всего 10,1 тыс. изобретений, то в 1973 г. было внесено уже 50,5 тыс. изобретений. При этом динамика патентов, выданных на имя нерезидентов как иностранных заявителей, тоже возросла в 3,6 раза. В итоге, если в 1950 г. в Госреестре СССР насчитывалось всего около 100 тыс. изобретений,

² Большая Российская энциклопедия: Энциклопедический словарь / Председатель Научн.-ред. совета Ю.С. Осипов; Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2011. 1519 с.

Таблица 1

Динамика поступления и рассмотрения заявок
на предполагаемые изобретения в СССР за 1965–1974 гг.³

Год	Получено заявок, шт.			Рассмотрено на новизну и полезность	Признано изобрете- ниями
	Всего	От организаций резидентов	От нерези- дентов		
1965	95026	36723	1250	67263	13765
1966	98507	47614	2470	66902	15870
1967	100570	56400	3427	71398	21870
1968	110428	65784	3950	77015	24905
1969	118998	77105	4546	93026	31310
1970	132452	87676	5012	100706	37960
1971	153907	108670	5237	104527	43663
1972	155470	113873	5112	106459	46792
1973	163254	123388	5635	134001	43337
1974	143422	103353	5858	135753	44104
Всего	1272034	820586	42497	957050	323576

то по состоянию на начало 1976 г. количество зарегистрированных изобретений превысило полмиллиона, т. е. возросло за 25 лет в 5 раз [Артемьев, Кравец 1977, с. 48].

Из данных, представленных в этой таблице, следует, что за 10 лет количество ежегодно используемых изобретений возросло с 10,5 до 39,8 тыс., т. е. почти в 4 раза, а впервые используемых изобретений – с 6,2 до 12,2 тыс., или в 2 раза. За этот же период полученная на советских предприятиях экономия от использования изобретений возросла с 183,3 до 385,2 млн руб. В 1975 г. эта экономия от использования изобретений составила уже 650 млн руб.

При этом за период с 1964–1973 гг. количество использованных рационализаторских предложений возросло с 2,7 до 3,7 млн руб., а общая экономия от их использования – с 1,591 до 3,393 млрд руб. По состоянию на 1976 г. общая сумма экономии от использования изобретений и рационализаторских предложений составляла

³ Зыбцев Е. Указ. соч.

Таблица 2

Данные о количестве авторских свидетельств и патентов, внесенных в Госреестр СССР за 1965–1974 гг.⁴

Год	Внесено в Госреестр СССР				Число авторов	Кол-во публикаций за год	Рег. № в бюллетене № 1 тек. года
	Всего	От организаций СССР	Авторские свидетельства	Патенты			
1965	10146	2910	10094	52	26247	10165	167195
1966	13226	6941	13055	171	37304	12426	177360
1967	20336	13337	19828	507	53626	16673	189786
1968	25453	18790	24617	829	79719	25700	206459
1969	26626	20984	25911	715	81554	26221	232159
1970	32466	26105	30743	1723	100973	30636	258180
1971	35632	29505	33631	2001	112700	34270	288816
1972	41148	34435	38832	2516	129147	37820	323086
1973	50519	44129	48182	2337	162668	48755	360906
1974	43044	38225	41199	1845	138643	46059	409661
Всего	298596	235361	286092	286092	922581	288725	

⁴ Зыбцев Е. Указ. соч.

около 5 млрд руб.⁵ В условиях плановой административной экономики сумма экономии рассчитывалась на основе тех показателей, которые предоставляли предприятия, где внедрялись рацпредложения и изобретения. Поэтому сравнивать эти суммы экономии с современными показателями доходов и прибылей было бы не вполне корректно.

Данная статистика тем не менее со всей очевидностью продемонстрировала стабильный ежегодный рост изобретательской деятельности. Процесс ежегодного роста результатов интеллектуальной деятельности здесь виден по всем показателям. Количество граждан и организаций, вовлекаемых в процесс интеллектуализации в советской экономике, ежегодно стабильно увеличивалось.

Динамика создания и внедрения новшеств

Ввиду того, что понятие «интеллектуальная собственность» как принятый на международном уровне термин в СССР не имело своего хождения, использовались понятия «рационализаторские предложения» и «авторские свидетельства» на изобретения.

В тексте Стокгольмской конвенции (1967) как основополагающем документе Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), членом которой являлся СССР с момента ее основания, таких объектов интеллектуального права не было.

Таблица 3

Изобретательство и рационализация в народном хозяйстве⁶

	1965	1970	1975	1980
Число поданных рационализаторских предложений и заявок на предполагаемые изобретения, тыс.	2507	2638	3205	3200
Число использованных в производстве изобретений и рационализаторских предложений, тыс.	1721	1921	2482	2500
Затраты на изобретательство и рационализацию, млн руб.	104	126	194	220
Экономический эффект от использования изобретений и рационализаторских предложений, млн руб.	11102	1667	2746	3870

⁵ *Зыбцев Е.* Указ. соч.

⁶ Там же.

Экономика СССР развивалась по своим канонам, и для развития движения рационализаторов и изобретателей было создано общество «ВОИР» – Всесоюзное общество рационализаторов и изобретателей. Его цель заключалась в стимулировании творческой деятельности, фиксации статистики результатов творчества и обязательном поощрении, экономическом и моральном.

Создание и внедрение научно-технических новшеств для целей развития промышленных предприятий, активно стимулируемое руководством страны, в итоге в рамках плановой экономики входило в противоречие с обеспечением на предприятиях годовым планом производства. Для директора предприятия было недопустимым невыполнение плана. А за невнедрение новых технологий не наказывали. Поэтому из двух зол директора выбирали меньшее. Это, в свою очередь, породило проблему внедрения новшеств. В советское время она разрешалась за счет создания новых промышленных предприятий. При этом предприятия с устаревшими технологиями не закрывались. В итоге рабочих рук всюду не хватало, безработица на Западе была не вполне понятна в СССР и осуждалась как зло, исходящее от капитализма.

Таблица 4

Создание и внедрение новой техники⁷

	1966–1970		1971–1975		1976–1980	
	всего	за год	всего	за год	всего	за год
Создано образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов, приборов и средств автоматизации	14,2	2,8	12,4	2,5	11,5	2,3
Освоено производство и начат серийный выпуск новых видов промышленной продукции	4,8	1,0	10,1	2,0	10,1	2,0
Снято с производства устаревших конструкций машин, оборудования, аппаратов, приборов и изделий	1,4	0,3	4,1	0,8	4,8	1,0
Модернизировано производственного оборудования на промышленных предприятиях	492	98	488	98	540	108

⁷ Народное хозяйство СССР в 1980 году: Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1981.

На конец 1980 г. государственный Знак качества имели 48 тыс. наименований изделий, в том числе за 1980 г. он присвоен 21,6 тыс. изделий.

Тем не менее статистика созданных и внедренных в производство новшеств в СССР росла существенно более высокими темпами, чем в США и в странах Западной Европы. Капитализм остро реагировал на потребителя и разнообразие продукции, товаров и услуг. Социализм же был ориентирован на недопустимость безработицы и ущемления прав трудящихся. Продукция была в узком ассортименте, но весьма качественная касательно питания и товаров широкого потребления. Во многих семьях и поныне сохранились холодильники, радиоприемники, стиральные машины, которые исправно служат нашим гражданам на дачах и в гаражах. При этом бурный рост количественных показателей отставал от роста качества, выраженного в основном через дизайн продукции, через патенты промышленных образцов.

Статистика континентальная

Изобретение как объект интеллектуальной собственности во всех странах мира является наиболее сложным и трудоемким по процедуре оформления заявочной документации, предоставляемой в патентное ведомство. Для упрощения такой оформительской процедуры юристами в мире придуманы полезные модели как конструкционные наиболее наглядные изобретения, не требующие при их регистрации соблюдения критериев касательно мировой новизны. Их называют малыми изобретениями, интересными заявителю тем, что их заявку оформляют в 2–3 раза быстрее для последующей их подачи и более быстрой регистрации в национальном патентном ведомстве [Леонтьев, Мамаджанов 2019].

Ниже мы предлагаем взглянуть на статистику подаваемых в мире заявок на полезные модели по континентам, которую систематически фиксирует Всемирная организация интеллектуальной собственности. Здесь приведены данные за период 1985–2014 гг. Данный рост числа заявок по континентам, в частности, демонстрирует экономический рост в странах различных континентов. Статистика за этот тридцатилетний период продемонстрировала повсеместное интеллектуальное развитие и творческий рост в общей массе населения всех представленных ниже континентов.

Таблица 5

Динамика поданных заявок на полезные модели по континентам⁸

Год	Кол-во поданных заявок на полезные модели в мире	Ежегодный процент роста, %	Азия	Африка	Европа	Оксания	Лат. Америка и страны Карибского бассейна
1985	284312		229029	11	52927		2351
1986	291333	2,469	236639		51957		2737
1987	274905	-5,639	243273	39	28420		3202
1988	245441	-10,718	216918	37	25480		3035
1989	224857	-8,387	195974	6	26073		2806
1990	216721	-3,618	188995	12	24758		2964
1991	203743	-5,988	174560	33	26034		3141
1992	200142	-1,767	167953	50	29487		2688
1993	195121	-2,509	157277	61	34676		3154
1994	142786	-26,822	103380	76	36169		3218
1995	159800	11,916	119269	68	36465	348	3698
1996	174900	9,449	133448	5	37387	349	3715
1997	152400	-12,864	110710	322	39860	463	1301
1998	134600	-11,680	92658	54	37587	469	3864
1999	143800	6,835	100035	46	39327	620	3783
2000	163200	13,491	118123	107	39770	654	4611

⁸ Таблица 5 составлена при использовании статистических баз Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO IP Statistics Data Center) <http://ipstats.wipo.int>.

Описание табл. 5

Год	Кол-во поданных заявок на полезные модели в мире	Ежегодный процент роста, %	Азия	Африка	Европа	Океания	Лат. Америка и страны Карибского бассейна
2001	176900	8,395	132224	216	38947	898	4736
2002	193300	9,271	148198	1102	38453	989	5402
2003	211900	9,622	162349	211	43621	1040	4798
2004	215200	12,557	162664	281	46518	1093	4803
2005	247500	15,009	192521	303	49222	1059	4593
2006	266800	7,798	210402	386	50719	1076	4460
2007	273000	2,324	223327	1075	43152	1229	5002
2008	313700	14,908	259108	68	48738	1255	4566
2009	399600	27,383	344163	41	49457	1320	4624
2010	497900	24,600	439545	43	52561	1465	4292
2011	670800	34,726	612557	96	52183	1690	4295
2012	827700	23,390	768562	174	52691	1856	4476
2013	978400	18,207	918934	160	52935	1676	4595
2014	948900	-3,015	893276	175	49640	1523	4282
Итого	9429661		8056071	5258	1235214	21072	115192
Удельный вес от общего числа поданных заявок на полезные модели в %			85,433	0,056	13,099	0,223	1,222

Мировая статистика данного тридцатилетнего периода наглядно демонстрирует творческий рост у деятельностной части населения фактически всех континентов. Процесс интеллектуализации деятельностной части населения самых разных стран мира сегодня для всех аналитиков вполне очевиден.

Статистика ведущих экономик мира

Проанализируем изменения статистики за последнее десятилетие по подаваемым заявкам на патентование и динамику статистики действующих патентов, включая патенты на изобретения, патенты на полезные модели и промышленные образцы (промышленный дизайн). Сегодня мировыми лидерами экономического развития являются Китай, США, Япония, Германия и Южная Корея. Именно в этих странах наиболее развита инновационная экономика, поэтому закономерно, что как раз в данных государствах наиболее ускоренными темпами происходит интеллектуализация деятельностной части населения, ориентированная на воспроизводство новшеств во всех сферах экономики [Леонтьев, Леонтьева 2017].

Таблица 6 со всей очевидностью позволяет отметить, что данные экономически развитые страны непрерывно прогрессируют, демонстрируя стабильный рост регистрации прав на результаты интеллектуальной деятельности. А то, что демонстрирует статистика Роспатента, которую публикует Всемирная организация интеллектуальной собственности, убеждает нас, что проблемами интеллектуализации деятельностной части нашего населения системно и профессионально наши госорганы не занимаются.

В период 2009–2019 гг. Правительство РФ не имело убедительных и системно выстроенных результатов экономического роста в России, поскольку творческая активность была намного ниже, чем в ведущих экономиках мира. Однако мировая экономика и без учета ориентированной на экспорт нефти и газа экономики России стабильно развивалась и демонстрировала высокий рост интеллектуализации деятельностной части населения в соответствующих странах.

Сводная патентная статистика ВОИС (WIPO) по Германии, Китаю, Республике Корея, США, Японии и России за период 2009–2019 гг.⁹

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
	Общее число патентных заявок										
Китай	241435	308326	436168	561405	734093	837813	1010524	1257425	1306080	1460246	1328067
США	398212	433140	440719	473462	501134	509510	530659	522064	525467	515209	521735
Япония	463651	468441	475070	490271	473139	465971	457948	456549	460771	460376	453816
Респ. Корея	170233	178654	187752	203835	223527	230553	238185	233801	226614	232021	248551
Германия	162437	173691	175653	183044	184487	179499	175418	177176	176406	180091	178359
РФ	28860	32838	31464	34379	34067	28512	33796	31833	27807	30696	29712
	Общее число выданных патентов										
Китай	68500	84813	118128	152096	154470	176345	279508	322516	352567	377305	399878
США	158165	190875	202069	229117	244162	254654	257069	277090	285757	289080	309644
Япония	255548	286846	304668	343524	340228	297019	271149	289235	285983	284068	283926

Действующие патенты													
Респ. Корея	63804	76000	97702	112111	123839	127394	109108	120545	131577	131912	141552		
Германия	64878	70663	72811	77081	81294	83127	86854	99713	98956	101556	105181		
РФ	28068	23633	22179	24400	23358	26048	24996	24229	24807	23627	23401		
Япония	1955052	2051789	2122056	2373591	2545667	2617186	2666373	2710086	2829309	1296054	3033603		
США	1455647		1501882	1668009	1820479	1927140	2038380	2132018	2380074	2641030	2984316		
Китай	189343	271301	367582	499021	622014	755257	981592	1236509	1519248	1813154	2141671		
Респ. Корея	547341	566895	608858	679905	756453	833317	876558	932710	990335	1064350	1177368		
Германия	349946	360125	287982	390958	422392	465995	506775	551018	678874	807791	975174		
РФ	130823	142358	124892	132150	139472	148338	153546	159773	167094	172895	175821		

⁹ Таблица 6 составлена при использовании статистических баз Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO IP Statistics Data Center) <http://ipstats.wipo.int>

Анализ нового этапа в науке

Как представляется, анализ общих тенденций развития мировых наукометрических показателей явно демонстрирует усиливающуюся роль интеллектуального права в качестве единого измерителя результатов интеллектуальной деятельности. Без идентифицированных и оцененных объектов интеллектуального права сегодня во всех ведущих странах мира никакие существенные инновации в инновации не осуществляются. С 1995 г. мы сертифицируем интеллектуальную собственность всюду, где большой и сложный комплекс интеллектуальных прав требует четкого определения их наличия и распределения между правообладателями. В данной сфере экономики, права и творческой деятельности активно развивается разделение труда, и год от года растет число диссертаций по проблемам применения этой отрасли права в экономике [Попондопуло 2021].

Основной вывод из анализа вышеприведенной статистики, которую автор как эксперт ВОИС, начиная с 1997 г., наблюдал за весь этот период своего сотрудничества с данной специализированной организацией ООН, состоит в следующем:

- *во-первых*, мир весьма активно и быстро интеллектуально развивается во всех сферах человеческой деятельности. Интеллектуальное право активно проникает во все экономические системы и технологические процессы, включая информационные и биотехнологические;
- *во-вторых*, учитывая общий мировой рост статистики регистрации объектов интеллектуальных прав, нет никаких веских оснований полагать, что интеллектуальное развитие в мировом сообществе вдруг каким-то образом будет остановлено, и тем более, что вдруг начнется всеобщая деградация;
- *в-третьих*, мы уже более десяти лет на всех конференциях и форумах отмечаем, что человечество в своей деятельности эволюции давно и постепенно переходит в свое новое качество, более интеллектуальное, чем это мы наблюдали за последние десятилетия и, тем более, за последние столетия;
- *в-четвертых*, все вялотекущие процессы касательно институализации и интеграции мировых отношений явно и неявно происходят на основе интеллектуализации всех без исключения отношений в национальных экономиках. И тем более это касается всех существенных процессов в мировой экономике;
- *в-пятых*, важно отметить, что в настоящее время мы являемся свидетелями плавного эволюционного перехода че-

ловечества из общества с биологической (эгоистической) и биосоциальной доминантой в новое общественное качество отношений с интеллектуальной (альтруистической) доминантой. Современное человечество в научно-технической сфере явно демонстрирует все количественные и качественные признаки интенсивного развития интеллектуальной природы;

- *в-шестых*, мы наблюдаем факты возникновения крупных институциональных процессов интеллектуальной природы в интеллектуальном пространстве и во времени. Наблюдение и выявление отдельных эффектов в современной науке, инноватике, в сфере культуры и в бизнесе позволяют нам выделять комплексы новых феноменов, законов и закономерностей интеллектуальной природы;
- *в-седьмых*, выявленное в результате наших исследований за последние десятилетия множество новых эффектов, законов и закономерностей интеллектуальной природы естественным образом приводит нас к необходимости обоснования создания *новой науки «интеллектологии»*. Данная новейшая наука позволяет интегрировать все современные научные знания на базе выявления в них результатов интеллектуальной деятельности, имеющих единую мировую нормативную базу.

Зарождение и развитие в мире этого единого общесистемного и междисциплинарного научного знания уже давно предсказывали многие мудрецы, начиная с Платона и Аристотеля [Леонтьев 2017]. Тем не менее разрешить эту проблему удалось лишь сегодня и именно в России. Важнейшим стимулятором появления интеллектологии стало ранее отсутствовавшее обоснование более точного определения термина «интеллект». В нашем понимании «интеллект – это способность эффективно выявлять и разрешать проблемы» [Леонтьев, Леонтьева 2019, с. 171]. В дополнение к основному определению мы имеем и другие. «Интеллект – это способность управлять своим временем – настоящим и будущим – в своем интеллектуальном пространстве». И нелишним будет представить и третье наше определение этого ключевого термина. «Интеллект – это способность регулярно и системно воспроизводить актуальные и ценные результаты интеллектуальной деятельности». При этом все интеллектуалы уникальны по своим знаниям и способностям. Они не повторимы и не взаимозаменяемы, как узкоспециализированные рабочие, служащие и другие представители рутинного труда. И против них зачастую молчаливо выступает и противодействует им рутинное управленческое большинство. Именно от подлого завистливого «псевдолидерского сословия» в свое время страдали Платон, Данте Алигьери, М.В. Ломоносов, Д.И. Менде-

леев, А.А. Богданов-Малиновский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, а также с большими проблемами сталкивались в свое время И.В. Курчатов и С.П. Королев, которых самоорганизовавшиеся академики не желали видеть в своих рядах, о чем Н.С. Хрущев пишет в своих воспоминаниях.

Сегодня нам важно знать, что вездесущее интеллектуальное право и его правоприменительная практика постоянно, стабильно и безальтернативно расширяет свои границы в научной, научно-технической, инновационной, высокотехнологической и культурной сферах отношений. Это право наиболее стабильно во всех странах мира, и осваивать его придется всем нынешним студентам, магистрантам, аспирантам и даже преподавателям. Этот процесс развития интеллектуальных отношений достаточно стабилен и устойчив, а потому именно в этой сфере в будущем будут сосредоточены основные риски развития цивилизации. И лидерами здесь будут интеллектуалы как люди будущего, имеющие весомые достижения и стремящиеся к минимизации рисков развития цивилизации.

Литература

- Артемьев, Кравец 1977 – *Артемьев Е., Кравец Л.* Изобретения. Уровень техники. Управление. М.: Экономика, 1977. 238 с.
- Колесников, Обухов 1972 – *Колесников А., Обухов В.* Некоторые вопросы изобретательства в СССР // Вопросы изобретательства. 1972. № 4. С. 35–37.
- Леонтьев 2005 – *Леонтьев Б.* Генетическая основа высокотехнологичного бизнеса // Журнал для акционеров. 2005. № 10. С. 31–35.
- Леонтьев 2017 – *Леонтьев Б.* Об открытии комплекса закономерностей интеллектуальной природы и обоснование феномена интеллектуальной природы. М.: РАЕН, 2017. 63 с.
- Леонтьев, Леонтьева 2017 – *Леонтьев Б., Леонтьева В.* Системные решения в формировании национальной инновационной системы // Инновации. 2017. № 9. С. 28–38.
- Леонтьев, Леонтьева 2019 – *Леонтьев Б., Леонтьева В.* Интеллектуальная природа. Системное мышление. Интеллектология. Идеология. М.: РИНФО, 2019. 518 с.
- Леонтьев, Мамаджанов 2019 – *Леонтьев Б., Мамаджанов Х.* Повышение капитализации и инвестиционной привлекательности компаний за счет интеллектуальной собственности. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 2019. 164 с.
- Попондопуло 2021 – *Попондопуло В.* Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация. М.: Проспект, 2021. 736 с.
- Ревинский 2018 – *Ревинский О.* Право промышленной собственности. М.: Юрсервитум, 2018. 431 с.

References

- Artem'ev, E. and Kravets, L. (1977), *Izobreteniya. Uroven' tekhniki. Upravlenie* [Inventions. Technology level. Control management], Ekonomika, Moscow, Russia.
- Kolesnikov, A. and Obukhov, V. (1972), "Some issues of invention in the USSR", *Voprosy izobretatel'stva*, no. 4, pp. 35–37.
- Leont'ev, B. (2005), "The genetic basis of high-tech business", *Zhurnal dlya aktsionerov*, no. 10, pp. 31–35.
- Leont'ev, B. (2017), *Ob otkrytii kompleksa zakonomernosti intellektual'noi prirody i obosnovanie fenomena intellektual'noi prirody* [On the discovery of a set of regularities and the substantiation of the phenomenon of intellectual nature], RAEN, Moscow, Russia.
- Leont'ev, B. and Leont'eva, V. (2017), "System solutions in the formation of a national innovation system", *Innovatsii*, no. 9, pp. 28–38.
- Leont'ev, B. and Leont'eva, V. (2019), *Intellektual'naya priroda. Sistemnoe myshlenie. Intellektologiya. Ideologiya* [Intellectual nature. Systems thinking. Intellectology. Ideology], RINFO, Moscow, Russia.
- Leont'ev, B. and Mamadzhanov, Kh. (2019), *Povyshenie kapitalizatsii i investitsionnoi privlekatel'nosti kompanii za schet intellektual'noi sobstvennosti* [Increasing the capitalisation and investment attractiveness of companies through intellectual property], Torgovo-promyshlennaya palata RF, Moscow, Russia.
- Popondopulo, V. (2021), *Chelovecheskaya deyatel'nost': pravovye formy osuzheshchvaniya i publichnaya organizatsiya* [Human activities. Legal forms of implementation and public organisation], Prospekt, Moscow, Russia.
- Revinskii, O. (2018), *Pravo promyshlennoy sobstvennosti* [Industrial property law], Yurservitum, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Борис Б. Леонтьев, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sois2013@yandex.ru

Information about the author

Boris B. Leont'ev, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sois2013@yandex.ru

Экономическое районирование Беларуси: определение количественных параметров административных единиц

Николай П. Драгун

*Белорусско-Российский университет
Могилев, Беларусь, dragunnp@gmail.com*

Ирина В. Ивановская

*Белорусско-Российский университет
Могилев, Беларусь, ivanovskayaiv@gmail.com*

Аннотация. В целях повышения административной эффективности, выработки региональной политики, выявления проблем местного развития, распределения ресурсов и др. большинство стран мира подразделяют свою национальную территорию на административные единицы (регионы) (далее – АЕ). Однако, по мнению многих ученых и практиков, сложившиеся административные единицы, несмотря на их официальный статус и стабильность, в большинстве случаев имеют некоторые ограничения и недостатки, связанные с получением необходимой об их развитии информации, особенно когда речь идет о международной сопоставимости. Это обстоятельство вызывает большой интерес среди научной общественности и практиков к проблемам экономического районирования.

В зарубежной литературе идентификация и разграничение регионов обычно основываются на концепции местных/региональных рынков труда. В то же время местные рынки труда подвержены влиянию большого количества внешних факторов и не являются стабильными во времени, что затрудняет процедуру определения оптимального количества и количественных параметров административных единиц. В статье представлена методика определения количественных параметров административных единиц различного уровня, основанная на применении алгоритма «случайного леса» для классификации территорий с использованием количественных и категориальных переменных, характеризующих уровень их социально-экономического развития. Апробация методики на примере Республики Беларусь позволила установить критические значения количественных параметров административных единиц первого и базового уровней, достижение которых позволит обеспечить равномерное их развитие.

Ключевые слова: экономическое районирование, функциональная единица, административно-территориальная единица, экономическая политика, пространственное распределение, регионализация

Для цитирования: Драгун Н.П., Ивановская И.В. Экономическое районирование Беларуси: определение количественных параметров административных единиц // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 2. С. 88–109. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-88-109

Economic regionalization of Belarus. Determination of quantitative parameters of administrative units

Mikalai P. Drahun

Belarusian-Russian University, Mogilev, Belarus, dragunp@gmail.com

Iryna V. Ivanouskaya

Belarusian-Russian University, Mogilev, Belarus, ivanovskayaiv@gmail.com

Abstract. In order to increase administrative efficiency, formulate regional policy, identify issues of local development, allocate resources, etc., most countries in the world subdivide their national territory into administrative units (regions). However, according to many scientists and practitioners, the established administrative units, despite their official status and stability, in most cases have some limitations and disadvantages associated with obtaining the necessary information about their development, especially when it comes to international comparability. That circumstance arouses great interest among the scientific community and practitioners in the issues of economic regionalization.

In foreign literature, the identification and delineation of regions is usually based on the concept of local / regional labor markets. At the same time, local labor markets are influenced by a large number of external factors and are not stable over time, which complicates the procedure for determining the optimal number and quantitative parameters of administrative units. The article presents a methodology for determining the quantitative parameters of administrative units of various levels, based on the application of the “random forest” algorithm for the classification of territories using quantitative and categorical variables characterizing the level of their socio-economic development. Approval of the methodology as exemplified by the Republic of Belarus made it possible to establish the critical values of the quantitative parameters of the administrative units of the first and basic levels, the achievement of which will ensure the uniform development of the selected regions.

Keywords: economic zoning, functional unit, administrative-territorial unit, economic policy, spatial distribution, regionalization

For citation: Drahun, M.P. and Ivanouskaya, I.V. (2022), “Economic regionalization of Belarus. Determination of quantitative parameters of administrative units”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 88-109, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-88-109

Введение

Организация пространства имеет решающее значение для понимания и объяснения социально-экономических процессов и необходима для нужд территориального планирования, рационального размещения производительных сил, разработки и реализации региональной политики, снижения дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития, международной сопоставимости и др. Определение административных/функциональных единиц/регионов занимает важное место в географических, пространственных и экономических исследованиях на протяжении нескольких десятилетий. Для определения критических значений количественных параметров АЕ, при выходе за которые их развитие не может быть устойчивым, в зависимости от решаемой задачи могут использоваться как географические (площадь территории, радиус доступности, удаленность от административного центра территории более высокого уровня иерархии) и демографические (численность и плотность населения), так и экономические (масштаб экономической деятельности на территории) характеристики.

В зарубежных публикациях был предложен ряд концепций и подходов к экономическому районированию (например, в работах [Masser and Brown 1975, 1977; [Slater 1976, 1981; Coombes 1986; Florez-Revuelta 2008; Farmer 2009; Farmer, Fotheringham 2011]). Farmer и Fotheringham [Farmer, Fotheringham 2011] классифицировали их на три типа: (а) иерархическая кластеризация (например, [Brown, Holmes 1971; Masser, Brown 1975, 1977; Masser, Schuerwater 1980; Slater 1976, Drobne, Bogataj 2012]); (b) многоступенчатая агрегация (например, [Coombes 1986; Laan, Schalke 2001; Konjar 2010]); (с) центральная агрегация (например, [Drobne et al. 2010]). Целью этих процедур регионализации является определение как можно большего количества административных единиц с учетом определенных статистических ограничений, которые гарантируют, что АЕ остаются статистически сопоставимыми и функционально неоднородными.

Наиболее часто встречающейся является концепция рынков труда [Karlsson, Olsson 2006; Klapka et al. 2016; Erlebach et al. 2016; Halas et al. 2017]. В соответствие с ней границы АЕ определяются с учетом мобильности рабочей силы – АЕ являются интегрированными территориями в том смысле, что мобильность рабочей силы за их пределы является низкой или отсутствует. То есть в АЕ спрос на рабочую силу пропорционален предложению рабочих мест, и наоборот [Karlsson, Olsson 2006]. Таким образом, многие авторы счи-

тают, что наиболее важной характеристикой АЕ является интегрированный рынок труда, на котором внутрорегиональная трудовая миграция, внутрорегиональный поиск работы и спрос на рабочую силу намного интенсивнее, чем на межрегиональном уровне (например, [Smart 1974; Coombes, Green, Openshaw 1986; Casado-Díaz 2000; Andersen 2002; Karlsson, Olsson 2006; Farmer, Fotheringham 2011], OECD¹). Для определения АЕ в этом случае используют алгоритмы или кластерный анализ, основанный на комбинации расстояния, близости, порогов коммутирования рабочей силы, времени в пути и т. д., а сами АЕ строятся путем последовательной агрегации смежных территориальных единиц.

По мнению многих ученых, АЕ, определенные на основе концепции рынков труда, могут использоваться для выявления региональных неравенств, научного моделирования и понимания процессов на рынке труда, включая выбор, который люди делают относительно жилья, места и расстояния от дома до работы, представления объективных статистических данных о занятости населения, реорганизации местного самоуправления, инструментов регионального планирования [Ball 1980; Erlebach et al. 2016]. В то же время проблема многих процедур регионализации заключается в том, что они не могут использоваться непосредственно для выбора количества административных единиц – k . Farmer С. сделал обзор подходов к определению количества АЕ: (а) некоторые процедуры требуют, чтобы значение k было указано априори (например, [Brown, Holmes 1971; Masser, Scheurwater 1980; Cörvers et al. 2009]), (б) другие определяют k с помощью специальных оценок данных, где субъективные оценки конфигурации АЕ часто основаны на восприятии авторами внутренней среды АЕ и конкретных контекстов приложения для определения оптимального количества АЕ [Farmer 2009; Drobne, Bogataj 2012]. Так, Drobne и Bogataj для моделирования административных регионов применили метод *Intramax* и определили несколько комбинаций АЕ первого и второго уровней по двум параметрам – (а) склонности населения к перемещению между АЕ и (б) экономическим и социальным факторам (численность населения в регионе, время в пути на автомобиле между центрами АЕ, уровень занятости в АЕ, валовой доход на душу населения в АЕ, цена 1 кв. м недвижимости в АЕ и др.), ко-

¹ OECD (2002), *Redefining territories – The functional regions*, Organisation for Economic Co-operation and Development, Paris [Электронный ресурс]. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/redefining-territories_9789264196179-en#page1 (дата обращения 10 сент. 2021).

торые могут оказывать существенное влияние на анализируемые перемещения [Drobne, Vogataj 2012]. В основе подхода лежит гипотеза, что поиск работы и спрос на рабочую силу внутри региона намного интенсивнее, чем на межрегиональном уровне, а исследуемые регионы социально и экономически неоднородны.

В русскоязычной литературе имеется относительно мало публикаций, посвященных исследованию рассматриваемой проблемы. В табл. 1 представлены мнения некоторых авторов относительно оптимальных количественных параметров территорий различного уровня.

Таблица 1

Мнения некоторых авторов относительно оптимальных количественных параметров АЕ различного уровня

Параметр территории (АЕ)	АЕ первого (регионального, областного) уровня	АЕ второго (районного) уровня	АЕ третьего уровня
Родоман Б.Б. – параметры АЕ определяются их количеством, которое есть следствие оптимальной величины нормы управляемости территориями [Родоман 2000]			
Количество АЕ нижнего уровня в АЕ верхнего уровня	–	Для Республики Беларусь 7 АЕ – оптимальное количество (норма управляемости)	Для Республики Беларусь 7 АЕ и т. д.
Чистобаев А.И., Красовская О.В., Сктерщиков С.В. [Чистобаев, Красовская, Сктерщиков 2010]			
Количество АЕ	–	Для Республики Беларусь 5–10	–
Количество АЕ в АЕ верхнего уровня	–	Для Республики Беларусь 5–10	–
Площадь АЕ	–	В зависимости от плотности населения	–
Баранов Н. – параметры АЕ определяются на основе статистических данных в среднем по странам мира ²			

² Баранов Н. Административно-территориальное деление государства // Персональный сайт Николая Баранова [Электронный ресурс]. URL: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskaya-regionalistika/184-lektsiya-5-administrativno-territorialnoe-delenie-gosudarstva> (дата обращения 13 августа 2019).

Окончание табл. 1

Параметр территории (АЕ)	АЕ первого (регионального, областного) уровня	АЕ второго (районного) уровня	АЕ третьего уровня
Количество АЕ	18 (в среднестатистическом государстве мира) 10–50 – количество от сложности территории	–	–
Количество АЕ в АЕ верхнего уровня	–	до 15–20 – оптимальное количество (норма управляемости)	–
Площадь АЕ	40 тыс. км ² (в среднестатистическом государстве мира)	–	–
Население АЕ	1,8 млн человек (в среднестатистическом государстве мира)	–	–

Данные, представленные в табл. 1, показывают, что количественные параметры территорий в рамках действующего административно-территориального деления Республики Беларусь в целом не соответствует среднемировым и рекомендуемым рядом ученых количественным параметрам. Так:

- количество АЕ первого уровня в республике почти в 3 раза меньше, чем в среднем государстве мира, где это число как правило не меньше 10 (табл. 2). По этому параметру Беларусь соответствует некоторым очень густонаселенным, но не сопоставимым с ней по численности населения и территории странам Юго-Восточной Азии (Пакистан, Бангладеш);
- площадь АЕ первого уровня Беларуси 34,6 тыс. км² в целом соответствует аналогичному показателю 40 тыс. км² (в среднестатистическом государстве мира). Однако численность населения отстает в 1,44 (1,25 раза с корректировкой на площадь) раза – 1,2 против 1,8 млн человек, что, в том числе, свидетельствует о дефиците населения на территории страны;
- количество АЕ второго уровня в республике в целом находится в оптимальном диапазоне (15–20 АЕ) с точки зрения норм управляемости.

Таблица 2

Размеры административных регионов некоторых стран мира³

Страна	АЕ первого уровня (регионы) (Territorial level 2)			АЕ базового уровня (районы) (Territorial level 3)		
	Количество АЕ	Средняя площадь АЕ (100 км ²)	Численность населения в АЕ (тыс. чел.) ⁴	Количество АЕ	Средняя площадь АЕ (100 км ²)	Численность населения в АЕ (тыс. чел.)
Германия	16	223	5130	49	72	1675
Австрия	9	93	899	35	24	231
Бельгия	3	102	3 413	11	27	931
Канада	12	7669	2541	288	319	106
Корея	16	62	2 929	–	–	–
Дания	3	144	1 773	15	56	355
Испания	16 + 2	280	2 190	48 + 4	97	758
США	51	1838	5351	765	120	357
Финляндия	6	564	862	20	169	259
Франция	22	247	2686	96	56	616
Болгария	7	133	1 438	20	49	503
Италия	20	151	2 854	103	29	554

Япония	10	378	12 669	47	80	2 695
Норвегия	7	439	637	19	162	235
Польша	16	195	2 416	–	–	–
Португалия	5 + 2	131	1 427	28 + 2	31	333
Чехия	8	99	1 286	14	56	735
Великобритания	12	201	4 958	133	18	447
Швеция	8	514	1 107	21	196	422
Швейцария	7	57	1 020	16	25	446
Турция	7	1 107	9 403	80	106	823

³ OECD (2002), Redefining territories – The functional regions, Organisation for Economic Co-operation and Development, Paris [Электронный ресурс]. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/redefining-territories_9789264196179-en#page1 (дата обращения 10 сентября 2021).

⁴ Данные переписи 1999 г.

В то же время исторически количественные параметры АЕ Беларуси претерпевали значительные изменения в зависимости от эволюции административно-территориального деления страны (табл. 3)⁵ [Елизаров 2009; Лис 1972].

Таблица 3

Средние значения количественных параметров АЕ Беларуси
в период с 1917 года по настоящее время

Характеристика АЕ	АЕ первого уровня	АЕ второго уровня	АЕ третьего уровня
Количество АЕ			
Приоритет экономического районирования 1920-е гг.	9 АЕ	100 АЕ	1373 АЕ
1954–1964 гг.	6 АЕ	77 АЕ (сельских)	1528 АЕ
Приоритет административно-политического районирования 1930–1953 гг.	11 АЕ (после 1939 г.)	184 АЕ (после 1939 г.)	2664 АЕ (после 1939 г.)
1964–1991 гг.	6 АЕ	118 АЕ (сельских)	1512 АЕ
Настоящее время	6 АЕ	118 АЕ (сельских)	1164 АЕ
Количество АЕ в АЕ верхнего уровня			
Приоритет экономического районирования 1920-е гг.	–	12	15
1954–1964 гг.	–	13	20
Приоритет административно-политического районирования 1930–1953 гг.	–	17	15
1964–1991 гг.	–	20	13
Настоящее время	–	20	12,5

⁵ Административно-территориальное устройство БССР: Справ.: В 2 т. / Глав. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права Акад. наук БССР; Редкол.: В.А. Круталевич [и др.]. Минск: Беларусь, 1985–1987. Т. 1 (1917–1941 гг.); Сост.: Т.А. Воробьева [и др.]. 1985. 390 с.; Белорусская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1964 г. / Отд. по вопросам работы Советов Президиума Верхов. Совета БССР; Сост.: Х.А. Аксельрод [и др.]. 3-е изд. Минск: Беларусь, 1964. 199 с.; Экономика Советской Белоруссии: 1917–1967 гг. / Акад. наук БССР, Ин-т экономики; Ф.С. Маргинкевич (отв. ред.). Минск: Наука и техника, 1967. 571 с.

Характеристика АЕ	АЕ первого уровня	АЕ второго уровня	АЕ третьего уровня
Площадь территории			
Приоритет экономического районирования 1920-е гг.	11,6% от территории страны	1204 км ² Радиус доступности – 19,6 км	88 км ² Радиус доступности – 5,3 км
1954–1964 гг.	34,6 тыс. км ²	2696 км ²	135 км ²
Приоритет административно-политического районирования 1930–1953 гг.	21,8 тыс. км ²	1180 км ² (после 1939 г.) Радиус доступности – 19,4 км	85 км ² Радиус доступности – 5,2 км
1964–1991 гг.	34,6 тыс. км ²	1772 км ² Радиус доступности – 23,7 км	137 км ² Радиус доступности – 6,6 км
Настоящее время	34,6 тыс. км ²	1748 км ² Радиус доступности – 23,6 км	139 км ² Радиус доступности – 6,7 км
Численность населения			
Приоритет экономического районирования 1920-е гг.	554 тыс. чел.	44,1 тыс. чел.	3,1 тыс. чел.
1954–1964 гг.	–	–	3,5 тыс. чел.
Приоритет административно-политического районирования 1930–1953 гг.	1080 тыс. чел.	58 тыс. чел.	–
1964–1991 гг.	–	54,1 тыс. чел.	–
Настоящее время	1247 тыс. чел.	40,2 тыс. чел.	3,2 тыс. чел.

Анализ динамики средних значений количественных параметров АЕ Беларуси в период с 1917 г. по настоящее время позволил установить, что имеется ярко выраженная их зависимость от приоритетности целей и задач реализуемой республиканскими органами государственного управления социально-экономической политики и его используемых механизмов:

- в довоенный период в рамках политики приоритета социально-экономического районирования (далее – ПСЭР) в административно-территориальном делении (далее – АТД) коли-

чество АЕ первого уровня (округа, области) в среднем было на 20% меньше, чем в рамках политики приоритета административно-политического районирования (далее – ПАПР). Число АЕ второго уровня (уезды, районы) в АЕ первого уровня в рамках ПСЭР было на 30% меньше, чем в рамках ПАПР (в послевоенный период – на 35% меньше). Для АЕ третьего уровня (волости, сельсоветы) эта зависимость обратная – в послевоенный период в рамках ПСЭР их число в 1,5 раза выше, чем в рамках ПАПР (хотя этот факт может объясняться процессами нарастающей урбанизации);

- зависимость площади АЕ первого и третьего уровней от политики АТД не прослеживается, а для АЕ второго уровня в послевоенный период эта зависимость есть – в рамках ПСЭР их площадь в 1,5 раза больше, чем в рамках ПАПР;
- зависимость численности населения АЕ всех трех уровней от политики АТД не прослеживается.

Таким образом, исторически широкий диапазон значений количественных характеристик АЕ Республики Беларусь, неоднородность теоретических и методических подходов к их определению обуславливают актуальность настоящей работы.

Цель исследования – разработать методику определения количественных параметров АЕ различного уровня для их использования в решении практических задач экономического районирования и апробировать ее на примере Республики Беларусь.

Информационной базой исследования являлись данные Национального статистического комитета Республики Беларусь о социально-экономическом развитии территорий за 2015–2019 гг.

Методика определения количественных параметров АЕ

В основе разработанной нами методики лежит использование алгоритма «случайного леса», предложенного Л. Брейманом и А. Катлер [Breiman 2001]. Каждое дерево леса построено на основе бутстреп выборки, взятой случайным образом из исходного набора данных, с использованием метода CART и уменьшением меры неоднородности Джини в качестве критерия расщепления. Для практической реализации работы алгоритма случайного леса использована среда вычислений R-Studio. Методика предполагает реализацию следующей последовательности этапов.

На *первом этапе* проводится анализ исходных данных с целью выявления количественных и факторных (категориальных) пере-

менных, характеризующих АЕ, исходя из поставленной задачи. Нами в качестве исходных данных использовалась информация о 128 административно-территориальных единицах (районах и городах областного подчинения) базового уровня Республики Беларусь. Зависимой (категориальной) переменной выступало отношение административно-территориальной единицы к отстающим районам в соответствии с Постановлением Совета министров Республики Беларусь от 2 февраля 2019 г. № 74 «Об утверждении порядка отнесения административно-территориальных единиц к территориям, отстающим по уровню социально-экономического развития»⁶. Согласно Постановлению к территориям, отстающим по уровню социально-экономического развития, отнесен 31 район страны, в том числе в Брестской области – 3 района, Витебской – 7, Гомельской – 8, Гродненской – 3, Минской – 3, Могилевской – 7 районов.

В качестве факторных выступили следующие переменные:

а) *пространственного размещения АЕ*: отнесение АЕ к городам с численностью населения более 80 тыс. человек (*gorod80*); занимающим приграничное положение (*prigranich*); с городами с численностью населения более 80 тыс. человек на территории (*gorod_obl*); расстояние от центра АЕ до областного центра (*rasst*);

б) *функционального типа*: отнесение АЕ к аграрным, промышленно-аграрным, многофункциональным АЕ (*agr, prom_agr, mnogofunk* соответственно);

в) *размера АЕ*: площадь территории (*terr*); численность населения (*chisl*); плотность населения (*plotn*);

г) *масштаба экономической деятельности*: объем производства продукции (работ, услуг) в расчете на душу населения в среднегодовом исчислении (*proizv_chisl1*);

д) *индустриального развития АЕ*: доля обрабатывающей промышленности в общем объеме производства продукции (работ, услуг) по АЕ (*dolya_prom*);

е) *экспортной ориентированности экономики АЕ*: доля экспорта в объеме производства продукции (работ, услуг) (*exp_proizv*);

ж) *прибыльности деятельности организаций АЕ*: рентабельность продаж по АЕ (*rent*);

⁶ Постановление Совета министров Республики Беларусь от 2 февраля 2019 г. № 74 «Об утверждении порядка отнесения административно-территориальных единиц к территориям, отстающим по уровню социально-экономического развития». [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C21900074> (дата обращения 20 октября 2021).

и) *производительности ресурсов в организациях АЕ*: объем производства продукции (работ, услуг) в сопоставимых ценах в расчете на одного списочного работника в среднем за год (*proizv_chisl2*); объем экспорта товаров и услуг на одного списочного работника в среднем за год (*exp_chisl*);

к) *обеспеченности труда основным капиталом*: отношение первоначальной стоимости основных средств к списочной численности работников в среднем за год (фондовооруженность) (*staim_chisl*).

При оценке влияния перечисленных количественных факторов на экономическое положение АЕ брались средние значения факторных показателей за трехлетний период 2015–2017 гг. (проведенные авторами исследования позволяют утверждать о влиянии факторов с временным лагом) для нивелирования годовых колебаний [Берченко, Драгун 2019].

В исследовании принималась гипотеза о том, что перечисленные выше переменные являются факторами отнесения АЕ к территориям, отстающим по уровню социально-экономического развития. Соответственно, при попадании значений названных переменных в определенный интервал АЕ не будут относиться к территориям, отстающим по уровню социально-экономического развития, а следовательно, могут рассматриваться как перспективные единицы административно-территориального деления, располагающие необходимым потенциалом для развития.

На *втором этапе* набор данных разделяется случайным образом на две выборки без повторений в отношении 7/3: 70% набора отводятся для дальнейшего построения моделей (так называемая тренировочная выборка), оставшаяся часть данных используется для тестирования полученных моделей и анализа результатов (тестовая выборка).

Затем осуществляется построение случайного леса, который классифицировал бы необходимые категориальные переменные по двум группам (АЕ, относящиеся или не относящиеся к территориям, отстающим по уровню социально-экономического развития).

На *третьем этапе* на основании построенных на тренировочной выборке моделей «случайного леса» тестируются данные, составляющие тестовую выборку. Строится матрица ошибок, на основании которой рассчитывается точность верной классификации. Наглядно матрицу ошибок можно представить в виде табл. 4, где содержится информация, сколько раз модель приняла верное и неверное решение при определении класса: TP – истинно положительное решение; FP – ложно положительное решение; FN – ложно отрицательное решение; TN – истинно отрицательное решение.

Таблица 4

Матрица ошибок результатов
использования алгоритма «случайного леса»

Результат использования алгоритма		Фактические данные	
		Положительная	Отрицательная
Полученные данные	Положительная	TP	FP
	Отрицательная	FN	TN

На *четвертом этапе* осуществляется интерпретация полученных результатов. Алгоритм «случайного леса», несмотря на уже отмеченную работу по принципу черного ящика, позволяет интерпретировать полученные результаты с помощью мер важности. Целесообразно рассматривать две меры важности:

- среднее снижение точности (Mean Decrease Accuracy) – показатель степени, до которой переменная повышает точность при прогнозировании классификации. Более высокие значения означают, что переменная улучшает прогноз;
- среднее снижение индекса Джини (Mean Decrease Gini) – мера важности переменной, которая учитывает, как вклад, который переменная вносит в точность, так и степень ошибочной классификации. Большие числа указывают на то, что переменная улучшает прогноз.

Полученные результаты и их обсуждение

Предлагаемая методика на основе алгоритма «случайного леса» позволяет классифицировать все исследуемые факторы отнесения АЕ к отстающим по уровню социально-экономического развития на четыре группы:

- *факторы высокой значимости* (2 фактора): объем производства продукции (работ, услуг) в расчете на душу населения в среднегодовом исчислении; объем производства продукции (работ, услуг) в расчете на одного списочного работника в среднем за год. АЕ с большой вероятностью классифицируется моделью как отстающая при значении *proizv_chisl1* меньшим 9,4 тыс. руб./чел. в год (здесь и далее стоимостные значения даны в ценах 2017 г.), *proizv_chisl2* – меньшим 33,5 тыс. руб./чел. в год;

- *факторы средней значимости* (3 фактора): объем экспорта товаров и услуг на одного списочного работника в среднем за год; рентабельность продаж по АЕ; доля экспорта в объеме производства продукции (работ, услуг). АЕ с большой вероятностью классифицируется моделью как отстающая при значении *exp_chisl* меньшим 3,5 тыс. долл. США/чел. в год (рис. 3а), *rent* – меньшим 5,1%, *exp_proizv* – меньшим 19%;
- *факторы низкой значимости* (6 факторов): доля обрабатывающей промышленности в общем объеме производства продукции (работ, услуг) по АЕ; численность населения; плотность населения; площадь территории; фондовооруженность; расстояние от центра АЕ до областного центра. АЕ с большой вероятностью классифицируется моделью как отстающая при значении *dolya_prom* меньшим 40%, *chisl* – меньшим 54 тыс. человек, *plotn* – меньшей 69 человек/км² (рис. 4в), *terr* – в диапазонах до 1200 км² и более 2950 км² (рис. 4г); *stoim_chisl* – меньшей 50 тыс. руб./чел. (рис. 4д), *rasst* – в диапазонах до 40 км и более 120 км;
- *незначимые факторы* (4 фактора): функциональный тип по СКТО до 2030 года, приграничное положение, наличие на территории города с населением более 80 тыс. человек, вхождение в категорию городов с населением более 80 тыс. человек.

Важность рассматриваемых факторов для прогнозирования отнесения АЕ к группам отстающих по уровню социально-экономического развития представлена в табл. 5.

Таблица 5

Важность факторов для прогнозирования отнесения АЕ к исследуемым группам

АЕ, отстающие по уровню социально-экономического развития	Остальные АЕ
Факторы с различной важностью для групп	
Доля обрабатывающей промышленности в общем объеме производства продукции (работ, услуг) по АЕ Фондовооруженность	Площадь территории Численность населения Плотность населения Расстояние центра АЕ до областного центра
Факторы с одинаковой важностью для групп	
Объем производства продукции (работ, услуг) в расчете на душу населения в среднем за год Доля экспорта в объеме производства продукции (работ, услуг) Объем производства продукции (работ, услуг) в расчете на одного списочного работника в среднем за год Рентабельность продаж по АЕ Объем экспорта товаров и услуг на одного списочного работника в среднем за год	

На обучающей выборке (89 АЕ) построенная модель из 69 АЕ, не относящихся к отстающим по уровню социально-экономического развития, верно предсказала 69 АЕ. Таким образом, точность предсказания на обучающей выборке составила 100%. На тестовой выборке из 28 АЕ, не относящихся к отстающим, модель верно предсказала 25 АЕ, из 11 АЕ, относящихся к отстающим, верно предсказаны 7 АЕ, то есть точность предсказания на тестовой выборке составила 82,1%.

Полученные результаты позволили определить критические значения количественных параметров АЕ первого и базового уровней, при которых экономической потенциал АЕ позволит осуществлять процессы расширенного воспроизводства, что может являться обоснованием, например, для рассмотрения данных территорий в качестве самостоятельных единиц административно-территориального деления (табл. 6).

Таблица 6

Критические значения количественных параметров АЕ первого и базового уровней

Параметр АЕ	Критическое значение параметра
АЕ первого уровня (регионы)	
Количество АЕ	18–20
Расстояние от центра АЕ до областного центра (радиус доступности административного центра региона)	Не более 120 км
Объем производства продукции (работ, услуг) в расчете на душу населения в среднегодовом исчислении	Не менее 9,4 тыс. руб./чел. в год
Доля обрабатывающей промышленности в общем объеме производства продукции (работ, услуг) по АЕ	Не менее 40%
Доля экспорта в объеме производства продукции (работ, услуг)	Не менее 19%
Рентабельность продаж по АЕ	Не менее 5,1%
Объем производства продукции (работ, услуг) в расчете на одного списочного работника в среднем за год	Не менее 33,5 тыс. руб./чел. в год
Объем экспорта товаров и услуг на одного списочного работника в среднем за год	Не менее 3,5 тыс. долл. США/чел. в год
Отношение первоначальной стоимости основных средств к списочной численности работников в среднем за год	Не менее 50 тыс. руб./чел.

Параметр АЕ	Критическое значение параметра
АЕ базового уровня (районы)	
Площадь территории	Не менее 1200 км ² , но не более 2950 км ²
Численность населения	Не менее 54 тыс. чел.
Плотность населения	Не менее 69 чел./км ²
Объем производства продукции (работ, услуг) в расчете на душу населения в среднегодовом исчислении	Не менее 9,4 тыс. руб./чел. в год
Доля обрабатывающей промышленности в общем объеме производства продукции (работ, услуг) по АЕ	Не менее 40%
Доля экспорта в объеме производства продукции (работ, услуг)	Не менее 19%
Рентабельность продаж по АЕ	Не менее 5,1%
Объем производства продукции (работ, услуг) в сопоставимых ценах в расчете на одного списочного работника в среднем за год	Не менее 33,5 тыс. руб./чел. в год
Объем экспорта товаров и услуг на одного списочного работника в среднем за год	Не менее 3,5 тыс. долл. США/чел. в год
Отношение первоначальной стоимости основных средств к списочной численности работников в среднем за год (фондовооруженность)	Не менее 50 тыс. руб./чел.

Примечание: Стоимостные значения приведены в ценах 2017 г.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования получены следующие результаты:

1) разработана методика определения количественных параметров административно-территориальных единиц различного уровня, новизна которой состоит в применении алгоритма «случайного леса» для классификации территорий с использованием количественных и категориальных переменных, характеризующих уровень их социально-экономического развития. Методика позволяет, во-первых, на основе показателей социально-экономического развития территорий строить модели прогнозирования их попадания в различные классификационные группы (например, в группу отстающих по уровню социально-экономического развития),

во-вторых, классифицировать факторные переменные в зависимости от степени их влияния на категориальную, т. е. отделить более значимые для решаемой задачи переменные от менее значимых, в-третьих, установить критические значения количественных параметров АЕ различного уровня в контексте решения различных задач территориального развития;

2) апробация методики на примере АЕ Республики Беларусь позволила установить, что наиболее значимыми факторами попадания территорий страны в группу отстающих по уровню социально-экономического развития являются: масштаб экономической деятельности (объем производства продукции (работ, услуг) в расчете на душу населения в среднегодовом исчислении), экспортная ориентированность экономики (доля экспорта в объеме производства продукции (работ, услуг)), производительность труда (объем производства продукции (работ, услуг) и объем экспорта товаров и услуг в расчете на одного списочного работника в среднем за год) и рентабельность продаж. Полученные в результате моделирования частичные зависимости точности классификации АЕ от значений факторов позволили определить критические значения количественных параметров АЕ первого и базового уровней в контексте их отнесения к отстающим территориям.

Литература

- Берченко, Драгун 2019 – *Берченко Н.Г., Драгун Н.П.* Критерии и факторы сложного экономического положения административно-территориальных единиц Республики Беларусь // Экономика, моделирование, прогнозирование: Сб. науч. тр. Минск: НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2019. Вып. 13. С. 22–32.
- Елизаров 2009 – *Елизаров С.А.* Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.). Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. 222 с.
- Лис 1972 – *Лис А.Г.* Проблемы развития и размещения производительных сил Белоруссии. М.: Мысль, 1972. 276 с.
- Родоман 2000 – *Родоман Б.Б.* Перспективы эволюции федеральных округов // Российские регионы и центр: взаимодействие в экономическом пространстве. М.: Ин-т географии РАН, 2000. С. 36–41.
- Чистобаев, Красовская, Скатерщиков 2010 – *Чистобаев А.И., Красовская О.В., Скатерщиков С.В.* Территориальное планирование на уровне субъектов России. СПб.: Изд-во СПбГУ, НПИ «ЭНКО»; Изд. дом «Инкери», 2010. 260 с.
- Andersen 2002 – *Andersen A.K.* Are commuting areas relevant for the delimitation of administrative regions in Denmark? // *Regional Studies*. 2002. Vol. 36. P. 833–844.

- Ball 1980 – *Ball R.M.* The use and definition of travel-to-work areas in Great Britain: Some problems // *Regional Studies: The Journal of the Regional Studies Association*. 1980. Vol. 14 (2). P. 125–139.
- Breiman 2001 – *Breiman L.* Random Forests // *Machine Learning*. 2001. Vol. 45 (1). P. 5–32.
- Brown, Holmes 1971 – *Brown L.A., Holmes J.* The delimitation of functional regions, nodal regions, and hierarchies by functional distance approaches // *Journal of Regional Science*. 1971. Vol. 11. P. 57–72.
- Casado-Diaz 2000 – *Casado-Diaz J.M.* Local labour market areas in Spain: A case study // *Regional Studies*. 2000. Vol. 34. P. 843–856.
- Coombes 1986 – *Coombes M.G., Green A.E., Openshaw S.* An efficient algorithm to generate official statistical reporting areas: The case of the 1984 travel-to-work-areas revision in Britain // *Journal of the Operational Research Society*. 1986. Vol. 37. P. 943–953.
- Cörvers et al. 2009 – *Cörvers F., Hensen M., Bongaerts D.* Delimitation and coherence of functional and administrative regions // *Regional Studies*. 2009. Vol. 43. P. 19–31.
- Drobne, Bogataj 2012 – *Drobne S., Bogataj M.* Evaluating functional regions // *Croatian Operational Research Review (CRORR)*. 2012. Vol. 3. P. 14–26.
- Drobne et al. 2010 – *Drobne S., Konjar M., Lisec A.* Delimitation of functional regions of Slovenia based on labour market analysis // *Geod. vestn.* 2010. Vol. 54. P. 481–500.
- Erlebach et al. 2016 – *Erlebach M., Tomáš, V., Tonev P.* A functional interaction approach to the definition of meso regions: The case of the Czech Republic // *Moravian geographical reports*. 2016. Vol. 24 (2). P. 37–46.
- Farmer 2009 – *Farmer C.J.Q.* Data driven functional regions // *Geocomputation*. Sydney: University of New South Wale, 2009.
- Farmer, Fotheringham 2011 – *Farmer C.J.Q., Fotheringham, A.S.* Network-based functional regions // *Environment and Planning A*. 2011. Vol. 43. P. 2723–2741.
- Florez-Revuelto 2008 – *Florez-Revuelta F., Casado-Diaz J., Martinez-Bernabeu L.* An evolutionary approach to the delineation of functional areas based on travel-to-work flows // *International Journal of Automation and Computing*. 2008. Vol. 5. P. 10–21.
- Halas et al. 2017 – *Halas M., Klapka P., Bacik V., Klobucnik M.* The spatial equity principle in the administrative division of the Central European countries // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12. Issue 11. P. 1–18.
- Karlsson, Olsson 2006 – *Karlsson C., Olsson M.* The identification of functional regions: theory, methods, and applications // *Ann Reg Sci*. 2006. Vol. 40. P. 1–18.
- Karlsson, Olsson 2006 – *Karlsson C., Olsson M.* The identification of functional regions: theory, methods, and applications // *Ann Reg Sci*. 2006. Vol. 40. P. 1–18.
- Klapka et al. 2016 – *Klapka P., Halás M., Netrdová P., Nosek V.* The efficiency of areal units in spatial analysis: Assessing the performance of functional and administrative regions // *Moravian Geographical Reports*. 2016. Vol. 24. Issue 2. P. 47–59.
- Konjar 2010 – *Konjar M., Lisec A., Drobne S.* Methods for delineation of functional regions using data on commuters // *Geospatial thinking: proceedings of the 13th AGILE International Conference on Geographic Information Science*. Guimarães, Portugal. 2010. P. 1–10.

- Laan, Schalke 2001 – *Laan L.V.D., Schalke R.* Reality versus policy: The delineation and testing of local labour market and spatial policy areas // *European Planning Studies*. 2001. Vol. 9. P. 201–221.
- Masser, Brown 1975 – *Masser I., Brown P.J.B.* Hierarchical aggregation procedures for interaction data // *Environment and Planning A*. 1975. Vol. 7. P. 509–523.
- Masser, Brown 1977 – *Masser I., Brown P.J.B.* Spatial representation and spatial interaction // *Papers of the Regional Science Association*. 1977. Vol. 38. P. 71–92.
- Masser, Scheurwater 1980 – *Masser I., Scheurwater J.* Functional regionalisation of spatial interaction data: an evaluation of some suggested strategies // *Environment and Planning A*. 1980. Vol. 12. P. 1357–1382.
- Slater 1976 – *Slater P.B.* Hierarchical Internal Migration Regions of France // *IEEE Trans. Syst., Man, Cybern.* 1976. Vol. 6. P. 321–324.
- Smart 1974 – *Smart M.W.* Labour market areas: Uses and definition // *Progress in Planning*. 1974. Vol. 2. P. 239–353.

References

- Berchenko, N.G. and Drahun, M.P. (2019), “Criteria and factors of the difficult economic situation of the administrative-territorial units in the Republic of Belarus”, *Ekonomika, modelirovanie, prognozirovanie: sb. nauch. tr.* [Economics, modeling, forecasting, Coll. of sci. works], NIEI Min-va ekonomiki Resp. Belarus, Minsk, Belarus, vol. 13, pp. 22–32.
- Elizarov, S.A. (2009), *Formirovanie i funkcionirovanie sistemy administrativno-territorial'nogo deleniya BSSR (1919–1991)* [Formation and functioning of the system of administrative-territorial division of the BSSR (1919–1991)], Gomel, Belarus.
- Lis, A.G. (1972), *Problemy razvitiya i razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil Belorussii* [Issues of development and distribution of the productive forces of Belarus], Mysl, Moscow, Russia.
- Rodoman, B.B. (2000), “Prospects for the evolution of federal districts. Russian regions and the centre. Interaction in the economic space”, *Rossiiskie regiony i tsentr: vzaimodeistvie v ekonomicheskoy prostranstve*, Institut geografii RAN, Moscow, Russia, pp. 36–41.
- Chistobaev, A.I., Krasovskaya, O.V. and Skatershchikov, S.V. (2010). *Territorial'noe planirovanie na urovne sub"ektov Rossii* [Territorial planning at the level of constituent entities of Russia], Izdatel'skii dom “Inkeri”, Saint Petersburg, Russia.
- Andersen, A.K. (2002), “Are commuting areas relevant for the delimitation of administrative regions in Denmark?”, *Regional Studies*, vol. 36, pp. 833–844.
- Ball, R.M. (1980), “The use and definition of travel-to-work areas in Great Britain: Some problems”, *Regional Studies: The Journal of the Regional Studies Association*, vol. 14 (2), pp. 125–139.
- Breiman, L. (2001), “Random Forests”, *Machine Learning*, vol. 45 (1), pp. 5–32.
- Brown, L.A. and Holmes, J. (1971), “The delimitation of functional regions, nodal regions, and hierarchies by functional distance approaches”, *Journal of Regional Science*, vol. 11, pp. 57–72.
- Casado-Diaz, J.M. (2000), “Local labour market areas in Spain: A case study”, *Regional Studies*, vol. 34, pp. 843–856.

- Coombes, M.G., Green, A.E. and Openshaw, S. (1986), "An efficient algorithm to generate official statistical reporting areas: The case of the 1984 travel-to-work-areas revision in Britain", *Journal of the Operational Research Society*, vol. 37, pp. 943–953.
- Cörvers, F., Hensen, M., and Bongaerts, D. (2009), "Delimitation and coherence of functional and administrative regions", *Regional Studies*, vol. 43, pp. 19–31.
- Drobne, S. and Bogataj, M. (2012), "Evaluating functional regions", *Croatian Operational Research Review (CRORR)*, vol. 3, pp. 14–26.
- Drobne, S., Konjar, M. and Lisec, A. (2010), "Delimitation of functional regions of Slovenia based on labour market analysis", *Geod. vestn.*, vol. 54, pp. 481–500.
- Erlebach, M., Tomáš, V. and Tonev, P. (2016), "A functional interaction approach to the definition of meso regions: The case of the Czech Republic", *Moravian geographical reports*, vol. 24 (2), pp. 37–46.
- Farmer, C.J.Q. (2009), "Data driven functional regions", *Geocomputation*, University of New South Wales, Sydney.
- Florez-Revuelta, F., Casado-Diaz, J. and Martinez-Bernabeu, L. (2008), "An evolutionary approach to the delineation of functional areas based on travel-to-work flows", *International Journal of Automation and Computing*, vol. 5, pp. 10–21.
- Farmer, C.J.Q. and Fotheringham, A.S. (2011), "Network-based functional regions", *Environment and Planning A*, vol. 43, pp. 2723–2741.
- Halas, M., Klapka, P., Bacik, V. and Klobucnik, M. (2017), The spatial equity principle in the administrative division of the Central European countries, *PLoS ONE*, vol. 12, iss. 11, pp. 1–18.
- Karlsson, C. and Olsson, M. (2006), "The identification of functional regions: theory, methods, and applications", *Ann Reg Sci*, vol. 40, pp. 1–18.
- Klapka, P., Halás, M., Netrdová, P. and Nosek, V. (2016), "The efficiency of areal units in spatial analysis: Assessing the performance of functional and administrative regions", *Moravian Geographical Reports*, vol. 24, iss. 2, pp. 47–59.
- Konjar, M., Lisec, A. and Drobne, S. (2010), "Methods for delineation of functional regions using data on commuters", *Geospatial thinking, proceedings of the 13th AGILE International Conference on Geographic Information Science*, Guimarães, Portugal, pp. 1–10.
- Laan, L.V.D. and Schalke, R. (2001), "Reality versus policy: The delineation and testing of local labour market and spatial policy areas", *European Planning Studies*, vol. 9, pp. 201–221.
- Masser, I. and Brown, P.J.B. (1975), "Hierarchical aggregation procedures for interaction data", *Environment and Planning A*, vol. 7, pp. 509–523.
- Masser, I. and Brown, P.J.B. (1977), "Spatial representation and spatial interaction", *Papers of the Regional Science Association*, vol. 38, pp. 71–92.
- Masser, I. and Scheurwater, J. (1980), "Functional regionalisation of spatial interaction data: an evaluation of some suggested strategies", *Environment and Planning A*, vol. 12, pp. 1357–1382.
- Slater, P.B. (1976), "Hierarchical Internal Migration Regions of France", *IEEE Trans. Syst., Man, Cybern.*, vol. 6, pp. 321–324.
- Smart, M. W. (1974), "Labour market areas: Uses and definition", *Progress in Planning*, vol. 2, pp. 239–353.

Информация об авторах

Николай П. Драгун, кандидат экономических наук, доцент, Белорусско-Российский университет, Могилев, Республика Беларусь; 212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, д. 43; dragunnp@gmail.com

Ирина В. Ивановская, кандидат экономических наук, доцент, Белорусско-Российский университет, Могилев, Республика Беларусь; 212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, д. 43; ivanovskayaiv@gmail.com

Information about the authors

Mikalai P. Drahun, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Belarusian-Russian University, Mogilev, Republic of Belarus; bld. 43, Mira Avenue, Mogilev, Republic of Belarus, 212000; dragunnp@gmail.com

Iryna V. Ivanouskaya, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Belarusian-Russian University, Mogilev, Republic of Belarus; bld. 43, Mira Avenue Mogilev, Republic of Belarus, 212000; ivanovskayaiv@gmail.com

Развитие экологического туризма в России: концептуальные характеристики и потенциал развития

Елена С. Цепилова

Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

Elenatcepilova@mail.ru

Наталья Д. Родионова

Ростовский государственный экономический университет

Ростов-на-Дону, Россия, ndrodionova@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены концептуальные вопросы содержательной трактовки, текущего состояния и перспектив дальнейшего развития экологического туризма с учетом сохранения окружающей среды и рациональной эксплуатации природных ресурсов. В России как стране с колоссальным туристско-рекреационным потенциалом становится все более востребованным экологический туризм не только на особо охраняемых природных территориях, но и в регионах, до этого никогда не позиционировавших себя в качестве туристических. Однако существует ряд правовых, инфраструктурных и организационных ограничений и проблем, которые препятствуют его более активному развитию в России. Авторами выделены концептуальные характеристики экологического туризма в сравнении с близкими по смыслу терминами – природный туризм, природно-познавательный туризм, зеленый туризм, мягкий туризм. Законодательное закрепление определения термина «экологический туризм» позволит четко идентифицировать этот вид туризма, сформировать отраслевые профессиональные требования к его организации, применять имеющиеся наилучшие доступные технологии.

Ключевые слова: экологический туризм, экотуризм, природно-ориентированный туризм, природный туризм, особо охраняемые природные территории, наилучшие доступные технологии, туристская инфраструктура

Для цитирования: Цепилова Е.С., Родионова Н.Д. Развитие экологического туризма в России: концептуальные характеристики и потенциал развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 2. С. 110–128. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-110-128

Development of ecological tourism in Russia. Conceptual characteristics and potential of development

Elena S. Tsepilova

Sochi State University, Sochi, Russia, Elenatsepilova@mail.ru

Natal'ya D. Rodionova

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, ndrodionova@mail.ru

Abstract. The article considers conceptual issues of meaningful interpretation, the current state and prospects for further development of eco-tourism, with regard to environmental conservation and the rational exploitation of natural resources. In Russia, as a country with immense tourist and recreational potential, ecological tourism is becoming more and more in demand not only in specially protected natural areas, but also in regions that have never positioned themselves as tourist destinations before. However, a few legal, infrastructural and organizational constraints and issues that prevent its more active development in Russia. The authors highlighted the conceptual characteristics of eco-tourism in comparison with terms similar in meaning – natural tourism, natural and educational tourism, green tourism, soft tourism. Legislative consolidation of the definition of the term “ecological tourism” will allow to clearly identify that type of tourism, to form the industry professional requirements for its organization, to apply the best available technologies.

Keywords: ecological tourism, ecotourism, nature-oriented tourism, nature tourism, specially protected natural areas, the best available technologies, tourist infrastructure

For citation: Tsepilova, E.S. and Rodionova, N.D. (2022), “Development of ecological tourism in Russia. Conceptual characteristics and potential of development”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economy. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 110-128, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-110-128

Введение

Активное развитие экологического туризма в России актуализировало вопрос о сохранении природного баланса: с одной стороны, востребованность этого вида отдыха создает запрос на формирование современной и комфортной туристской инфраструктуры, но с другой стороны, возникает необходимость защиты животного и растительного мира от антропогенного воздействия. Развитие экологического туризма (экотуризма) находится на пересечении направлений стратегического развития нашей страны, реализующихся в национальных проектах «Экология», «Культу-

ра» и «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»¹.

Востребованность экологического туризма существенно выросла в 2020 г. с началом пандемии Covid-19, когда наметился новый формат жизни – вдали от городских агломераций с их высокой плотностью населения, сложностью в соблюдении мер социального дистанцирования, небезопасной эпидемиологической обстановкой. Более того, наблюдаемое в последние десятилетия глобальное потепление климата и развитие новых возможностей транспортного сообщения способствуют развитию экологического туризма в тех дестинациях, которые ранее не были пригодны для посещения туристами (Арктическая зона, например).

Методика

Актуальные вопросы экологического туризма неоднократно поднимались в работах российских и зарубежных исследователей. Так, современная концепция развития экологического туризма, заключающаяся в возвращении человека в естественную среду, благоприятную для здоровья и восстановления психофизиологических сил, развития потребности к взаимодействию с природой, бережному отношению к ней, стимулированию к сохранению регионального наследия на различных уровнях управления в России, подробно представлена в работе М.С. Оборина [Оборин 2020]; развитие экологического туризма в Китае, который направлен на просвещение людей об иных способах проведения досуга, которые не наносят урон окружающей среде, прививают определенный интерес людей к разнообразным видам экологичной рекреационной досуговой деятельности, исследовано Е.В. Зенкиной [Зенкина, Белова 2020]; модели развития экологического туризма в странах-лидерах и тренды развития экологического туризма в других странах рассмотрены в работе А.В. Афанасьевой [Афанасьева 2020], где в качестве механизма развития экотуризма на территориях выделяют продвижение экотуристских туров через рейтинги устойчивых и безопасных дестинаций, что обуславливает развитие и формирование туристического пространства на природных территориях, с учетом требований к экобезопасности,

¹ Указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 21 ноября 2021).

сервисной среды и управленческой системы, особенно в современных условиях развития.

Потенциал развития экологического туризма в региональном разрезе с позиций выполнения им основных функций для устойчивого развития сельских территорий – экологической, научно-образовательной и экономической – представлен в работе волгоградских ученых [Antamoshkina et al. 2021].

Зарубежные эксперты индустрии туризма еще 20 лет назад отмечали особую роль экотуризма в комплексном развитии сельских территорий, основанную на возможности систематического учета социально-экономических, культурных и экологических факторов [Sterman 2000].

Большое количество статей за последнее время посвящено влиянию пандемии коронавируса на развитие экологических туров, о целесообразности в данной ситуации

...развивать и продвигать экологические туры с точки зрения инструмента, который позволит проложить путь к поствирусному туризму как выходу общества, остро нуждающегося в трансформации в период после COVID-19 [Черкашина и др. 2020].

В нашей предыдущей работе «Роль экологического туризма в развитии туристских дестинаций России» представлены основные выявленные проблемы экологического туризма и возможные направления их решения [Кузнецов и др. 2021].

В зарубежной литературе имеются утверждения, что передовые технологии (управленческие, ресурсосбережения, экологические и т. д.) могут быть важным элементом в экотуризме [Teacher et al. 2013], соответственно, возможно внедрение наилучших доступных технологий (далее НДТ).

НДТ как инструмент значительного сокращения негативного влияния на природную среду включены в качестве Федерального проекта «Внедрение наилучших доступных технологий» в Национальный проект РФ «Экология».

Результаты и обсуждение

Основанная на глобальных тенденциях в индустрии туризма, концептуальная модель экологического туризма позволяет сочетать в сложную систему природно-климатические, рекреационные и антропогенные факторы [Szekely 2010]. Несомненно, «сохранение этнографического разнообразия планеты также является прин-

ципиальным положением концепции экологического туризма» [Александрова 2017]. Именно экологически чистые пространства, создаваемые природосохранными технологиями, препятствуют распространению различных вирусов и, таким образом, сохраняют здоровье и продолжительность жизни граждан.

В рейтинге Топ-100 туристических дестинаций, удачно развивающих экологический туризм, составляемом некоммерческим фондом Green Destinations, Российская Федерация ни разу не была отмечена [Лебедева, Паткина 2021], хотя страна занимает первое место в мире по площади особо охраняемых природных зон (13,5% от общей площади России занимают ООПТ, это 255,6 млн га, включая 21,2 млн га морской акватории – это 3,03% от площади территориальных вод и исключительной экономической зоны РФ)². Представляется, что данный вид туризма имеет высокий потенциал в нашей стране.

Зарождение экологического туризма в постсоветской России началось в 1995–1996 гг., когда на Северо-Западе и Дальнем Востоке стали реализовываться проекты такой направленности³. С 2002 года, который был объявлен ЮНЕСКО Международным годом экотуризма по всему миру, начались научные исследования в этой области, вырос общественный интерес и спрос на данный вид туризма.

Развитием экологического туризма на государственном уровне занялись с 2018 г. после утверждения национального проекта «Экология»: он включает в себя 11 федеральных проектов, в том числе «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» и «Внедрение наилучших доступных технологий». В федеральном проекте «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» запланировано создание к 2024 г. не менее 24 новых федеральных особо охраняемых природных территорий, увеличение их площади на 5 млн га, а количество посетителей на 4,3 млн человек; всего было выделено 6 344 532,80 тыс. рублей (все средства из федерального бюджета). Правительством РФ было принято решение о корректировке национального проекта «Экология» (протокол от 01.10.2020 г. № 8), в соответствии с которым досрочно завершён федеральный проект

² Развитие системы особо охраняемых природных территорий [Электронный ресурс]. URL: <https://wwf.ru/what-we-do/bio/development-of-system-of-especially-protected-natural-territories/> (дата обращения 22 января 2022).

³ Экологический туризм на пути в Россию. Принципы, рекомендации, российский и зарубежный опыт. Тула: Гриф и К, 2002. С. 5.

«Внедрение наилучших доступных технологий», контроль и финансирование реализации соответствующих показателей оставлен только в рамках федерального проекта «Чистый воздух» и «Оздоровление Волги»⁴.

Развитие этого туристского направления усилилось после утверждения «Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года». В Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» с учетом мировых тенденций были установлены целевые показатели развития российской туристической отрасли с акцентом на пять направлений – культурно-познавательный, активный, оздоровительный, круизный и экологический туризм. Как перспективный туристский укрупненный инвестиционный проект в документе выделен «Байкал» (Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край). Однако целевых численных показателей именно по развитию экологического туризма выделено не было, что является существенным недостатком данного документа.

Одним из сильных сторон этого документа является приведение в нем определения экологического туризма – «это путешествие с целью наблюдения и приобщения к природе, основными принципами которого являются рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды»⁵. Это важно, так как до сих пор в профильном Федеральном законе № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности» отсутствует такое определение.

Рассмотрим существующие трактовки экологического туризма.

В определении экотуризма, данным Фондом дикой природы в 1990 г., он обозначен как «природный туризм, способствующий охране природы»⁶.

⁴ Паспорт Национального проекта «Экология» от 24.12.2018 № 16 (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам); Внедрение наилучших доступных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://ecologyofrussia.ru/proekt/vnedrenie-nailuchshih-dostupnyh-tehnologij/> (дата обращения 24 января 2022).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2018 г. № 872-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)”» (ред. от 11.07.2019) [Электронный ресурс]. URL: [//http://www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения 23 января 2022).

⁶ Цит. по: Экологический туризм на пути в Россию. С. 11.

В международной практике существует Модельный закон «Об экологическом туризме», в котором под экологическим туризмом (экотуризмом) понимаются «ответственные путешествия по территории конкретной экотуристской дестинации, которые дают представление об их природных и культурно-этнографических особенностях, не нарушают целостности экосистем и способствуют повышению благосостояния местного населения»⁷. Отметим, что в России аналогичный закон отсутствует.

ГОСТ Р 56642-2015 «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» содержит следующее определение экологического туризма:

...деятельность по организации путешествий, включающая все формы природного туризма, при которых основной мотивацией туристов является наблюдение и приобщение к природе при стремлении к ее сохранению⁸.

В этом же документе приведена классификация экологических туров по различным критериям (перечень открытый).

В «Стратегии развития туризма на территории Северо-Кавказского федерального округа до 2035 года» предложено следующее определение экологического туризма –

...деятельность по организации путешествий, включающая все формы природного туризма, при которых основной мотивацией туристов является наблюдение и приобщение к природе при стремлении к ее сохранению⁹.

В данном документе этот вид туризма отдельно выделен от спортивного, активного, аграрного и культурно-познавательного туризма, что совершенно корректно.

⁷ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 22 ноября 2019 г. № 50-10 «О модельном законе “Об экологическом туризме”» [Электронный ресурс]. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=36032318#pos=0;0 (дата обращения 23 января 2022).

⁸ ГОСТ Р 56642-2015 «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования». Утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 14 октября 2015 г. № 1562-ст.

⁹ Стратегия развития туризма на территории Северо-Кавказского федерального округа до 2035 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 7 марта 2019 г. № 369 [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/doc/2021/docs> (дата обращения 25 января 2022).

Законопроект № 970499-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части развития экологического туризма» к Федеральному закону № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности» вводит термин «экологический туризм» –

...туризм, связанный с посещением, сохранением и (или) изучением природных комплексов и объектов, естественных экологических систем, составляющих их элементов и происходящих в них процессов, объектов растительного и животного мира, а также их генетического фонда, объектов всемирного природного наследия, для которых введен режим особой охраны¹⁰.

Он же вносит в Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» замену понятия «познавательный туризм» термином «экологический туризм» [Кузнецов и др. 2021]. Представляется необоснованным отождествление познавательного и экологического видов туризма, так как первый гораздо шире и подразумевает посещение не только природных дестинаций, но и объектов, созданных человеком. В качестве недоработки законопроекта отметим, что экологический туризм может осуществляться не только на природных комплексах и объектах с режимом особой охраны, но также включать ознакомление с культурно-этнографическими особенностями территорий.

Законодательное закрепление определения этого термина позволит четко идентифицировать этот вид туризма, так как помимо применения дефиниции «экологический туризм» распространены термины «познавательный туризм», «природный туризм», их симбиоз «природно-познавательный туризм», «биотуризм», «зеленый туризм», «мягкий туризм».

Сравним концептуальные характеристики этих определений более подробно.

Природный туризм (nature tourism, nature-based, nature-oriented tourism) –

...это любые виды туризма, которые непосредственно зависят от использования природных ресурсов в их относительно неизменном состоянии, включая ландшафты, рельеф, воды, растительность, диких животных [Healy 1988].

¹⁰ Законопроект № 970499-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части развития экологического туризма» [Электронный ресурс]. URL:<https://sozd.duma.gov.ru/bill/970499-7> (дата обращения 28 января 2022).

Т. е. в отличие от экологического туризма не берутся обязательства по охране природы природных ресурсов. В части разграничения природного и экологического туризма авторы отмечают их концептуальные отличия (табл. 1).

Таблица 1

Общие и отличительные характеристики природного и экологического туризма¹¹

Природный туризм	Экологический туризм
Путешествие по природным ландшафтам	
Оздоровительный, гармонизирующий эффект на физическое и душевное состояние человека	
Вовлечение местных жителей в хозяйственную деятельность	
Просветительская и патриотическая функции	
Потребительское отношение к экосистеме (несанкционированные рыбалка, охота, сбор ягод, трав, плодов; вытаптывание и порча растений; оставление после себя мусора; разведение костров)	Бережное отношение к экосистеме (полный или частичный запрет на рыбалку, охоту, сбор ягод, трав, плодов; проход по разрешенным маршрутам; неразведение костров, уборка мусора после себя)
Применение агрессивных технологий	Применение НДТ, подразумевающих неистощительное ресурсопотребление и переработку отходов
Неэкологичные средства передвижения и размещения (лодки на бензиновых двигателях, капитальные постройки)	Экологичные средства передвижения и размещения (велосипеды, весельные лодки, палатки)
«Навязывание» местным сообществам современного уклада жизни и культуры	Сохранение традиционного уклада жизни и самобытной культуры в местах пребывания
Интересы местных жителей не принимаются ко вниманию	Местные жители как партнеры в экологических турах (гиды, проводники и т. д.)
Позиция «гостя», отсутствие интереса к природоохранным мероприятиям	Посильное волонтерское участие в природоохранных мероприятиях
Отсутствие подготовки к поездке; интересует только получение туристской услуги	Сознательный, просвещенный турист, который хочет потратить свои деньги на определенную природоохрannую цель

¹¹ Составлено авторами.

Окончание табл. 1

Природный туризм	Экологический туризм
Массовый, большими группами; без учета пропускной способности территорий	Малыми группами, индивидуальный; вплоть до запрета на посещение отдельных территорий
Цель организатора природного тура – максимальная прибыль в кратчайшие сроки	Субсидируемая государством или низкорентабельная деятельность организатора экологического тура
Получение сверхприбыли организатором ввиду отсутствия экологических ограничений	Доходы от экологического туризма идут на охрану природы
На любых природных территориях в познавательных целях	Преимущественно развивается на охраняемых территориях с целью вносить вклад в сохранение этих территорий
Нет внешнего управления и контроля	Находится под компетентным управлением и контролем
Не способствующий устойчивому развитию внешней среды, так как не учитывается принцип минимизации негативных экстерналий от туристской деятельности	Устойчивый туризм (положительный баланс экологических, социально-культурных, экономических воздействий)
Посещение природных достопримечательностей по стандартным маршрутам	Вовлеченность, поиск новых впечатлений, знаний, эмоций в нетронутых человеком уголках планеты

Природно-познавательный туризм – размещение баз и палаточных лагерей для проведения походов и экскурсий по ознакомлению с природой, пеших и конных прогулок, устройство троп и дорожек, размещение щитов с познавательными сведениями об окружающей природной среде; осуществление необходимых природоохранных и природо-восстановительных мероприятий¹².

В качестве разновидности природно-ориентированного туризма иногда выделяют биотуризм (wildlife tourism) и путешествия в дикую природу (wilderness travel), целью которых могут быть любые объекты живой природы – от отдельных видов до сообществ и биоценозов [Устин 2013, с. 21]; например, популярное направление – наблюдение за птицами.

¹² Классификатор видов разрешенного использования земельных участков: Приложение к приказу Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 10 ноября 2020 г. № П/0412.

В литературе также встречается выделение «зеленого» туризма [Тихонова, Щенявский 2017] (green tourism), под которым подразумевается применение экологических методов и технологий.

Сельский туризм, или агротуризм (agrotourism), как отдых в сельской местности не стоит уравнивать с экологическим туризмом, так как он не предполагает своей главной целью нахождение в природных ландшафтах.

В целом экологический туризм в его современной трактовке развивается по западноевропейской модели «мягкого» туризма – дружественного окружающей среде, социально-ответственного, повышающего экологическую культуру путешественников. Экологический туризм является по сути своей «мягким» видом туризма, именно этот термин чаще всего применяется в немецкоязычной литературе (sanftertourismus), как экологически и социально ответственный туризм¹³. Концепцию «мягкого туризма» разработал и воплощал в жизнь классик исследований о туризме Й. Криппендорф [Krippendorf 1975], в противопоставлении «жесткому туризму», который вначале приносит прибыль, но затем подрывает основу своего существования. Так как экологический туризм предполагает использование экологических методов и технологий, в этом плане он является «зеленым», и в этой части он связан с наилучшими доступными технологиями.

В литературе встречается деление экологического туризма на подвиды в зависимости от целей, которые преследует турист: «научный туризм, туры истории природы, приключенческий туризм, путешествия в природные заповедники» [Фирсов 2021]. Однако нам представляется это некорректным, т. к. приключенческий и научный туризм являются отдельными и несопоставимыми с экологическим видами туризма.

Исследователи отмечают, что в нашей стране

...сформировалась тенденция связывать экологический туризм исключительно с путешествиями к особо охраняемым природным территориям и объектам, а экотуристами считать посетителей национальных парков и заповедников. При таком подходе федеральные и (в меньшей степени) региональные особо охраняемые природные территории (далее ООПТ) становятся главными дестинациями экологического туризма [Дорофеев и др. 2017].

Наибольшее количество природных территорий сосредоточено на европейской части России, наибольшую площадь ООПТ имеет Дальневосточный федеральный округ [Оборин 2020, с. 28], в

¹³ Цит. по: Экологический туризм на пути в Россию. С. 16.

составе которого Республика Саха (Якутия) является безусловным мировым лидером как по относительной, так и по абсолютной площади охраняемых природных территорий.

Федеральным законом от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон об ООПТ) установлены следующие категории особо охраняемых природных территорий – перечислены по степени убывания строгости режима ограничений:

- государственные природные заповедники, в том числе биосферные заповедники;
- национальные парки;
- природные парки;
- государственные природные заказники;
- памятники природы;
- дендрологические парки;
- ботанические сады¹⁴.

Помимо этого, субъекты Российской Федерации в дополнение к категориям ООПТ регионального значения, определенным федеральным законодательством, могут вводить новые категории ООПТ регионального значения (например, в Краснодарском крае это прибрежные природные комплексы, лиманно-плавневые комплексы, природные рекреационные зоны; в Ростовской области охраняемые ландшафты и охраняемые природные объекты) [Мнацканоу и др. 2021].

Для управления ООПТ федерального значения (государственные природные заповедники, национальные парки, государственные природные заказники) создаются федеральные государственные бюджетные учреждения. Управление ООПТ регионального значения осуществляется государственными (бюджетными или казенными) учреждениями, которые могут создаваться для управления одной и более ООПТ (например, в Ростовской области управление системой ООПТ (64 ООПТ регионального значения) обеспечивается ГБУ Ростовской области «Дирекция особо охраняемых природных территорий областного значения»). В Краснодарском крае управление системой ООПТ регионального значения сформировано с учетом целевого назначения территорий – категорий ООПТ и профиля заказников: ГКУ КК «Природный орнитологический парк в Имеретинской низменности», ГКУ КК «Управление ООПТ Краснодарского края» (курирует заказники, дендро-

¹⁴ Федеральный закон от 14.03.1995г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. от 11.06.2021) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7646> (дата обращения 26 января 2022).

логический парк, памятники природы, прибрежные природные комплексы, природные рекреационные зоны), ГКУ КК «Краснодаркрайохота» (зоологические заказники) [Мнацеканови и др. 2021, с. 21].

На территории национальных парков выделяется особо охраняемая зона, предназначенная для сохранения природной среды в естественном состоянии и в границах которой допускаются проведение экскурсий и посещение такой зоны в целях познавательного (экологического) туризма, а также организация и обустройство экскурсионных экологических троп и маршрутов, смотровых площадок, туристских стоянок и мест отдыха. На данной территории разрешено передвижное жилье, природно-познавательный туризм, историко-культурная деятельность, курортная деятельность.

В соответствии с общемировым трендом замкнутая только на себе, закрытая система заповедников понемногу устаревает; новой целью существования охраняемых территорий становится идея приближения природы к человеку без ее разрушения.

Закон об ООПТ, который «регулирует отношения в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля за изменением ее состояния, экологического воспитания населения»¹⁵, предлагается дополнить новой статьей «Экологический туризм на ООПТ», с выделением его основных критериев: формирование экологической культуры, воспитание бережного отношения к природе, вовлечение туристов в волонтерскую деятельность по сохранению, восстановлению, рациональному использованию природных ресурсов, изучению местных особенностей традиционной культуры и природной среды; не допускается использование инфраструктуры, транспорта и оборудования, причиняющих вред окружающей среде, ущерб природным комплексам и объектам ООПТ; не должно быть превышено предельно допустимое значение рекреационной нагрузки на ООПТ, которое будет устанавливаться федеральными государственными бюджетными учреждениями, осуществляющими управление ООПТ. Неотъемлемой составляющей экологического туризма является направление доходов от него на развитие и поддержку необходимой для этого инфраструктуры и вовлечение в

¹⁵ Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

экономическую и социальную деятельность по охране окружающей среды местных жителей¹⁶.

Возможны два подхода к решению данной задачи:

- развивать все такие территории;
- наращивать посещаемость на тех территориях, которые обладают достаточным потенциалом и при этом уже имеют устойчивый туристический поток.

Ввиду высокого регионального неравенства развития субъектов федерации большой площади ее территории, в нашей стране представляется более перспективным первый подход, который на длинной дистанции поможет развить экологический туризм даже в самых удаленных и пока малопосещаемых дестинациях.

Экологический туризм подразумевает применение «зеленых» технологий, а также «наилучших доступных технологий» (далее – НДТ), подразумевающих неистощительное ресурсопотребление и переработку отходов. В настоящее время многие страны делают упор на восстановление экономики, которое основывается на принципах ESG – принципах ведения деятельности (хозяйственной или инвестиционной) в соответствии с лучшими практиками корпоративного управления и с учетом ее благоприятного влияния на окружающую среду и общество.

Вследствие этого возрастает роль «прорывных» технологий, способствующих позитивным преобразованиям в части обеспечения устойчивого развития и обладающих межстрановым значением. Их примером являются «наилучшие доступные технологии» как инновационно-ориентированные механизмы, оказывающие экономическое и социально-экологическое воздействие на развитие общества и природы. В Директиве Европейского союза НДТ определяется как

...самая эффективная и передовая стадия развития производственной деятельности и методов эксплуатации установок, которая свидетельствует о практической пригодности определенных методов (методик, технических приемов) для создания принципиальной основы обеспечения предельных величин выбросов/сбросов, предназначенных для предотвращения и, если это нереально, общего снижения выбросов/сбросов и сокращения воздействия на окружающую среду, в целом¹⁷.

¹⁶ *Абраменко В.* В России урегулируют вопросы экологического туризма [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/41169/#41169=4:4:ZgA,4:130:YeJ> (дата обращения 27 января 2022).

¹⁷ Directive 2010/75/EU of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on industrial emissions (integrated pollution prevention and control) Text with EEA relevance // Official journal. 2010. N L 334.17.12.2010.

Механизм регулирования негативного воздействия на окружающую среду, основанный на выдаче комплексных экологических разрешений и наилучших доступных технологиях, по ряду моментов отличается от действующего до сих пор в России. В то же время осуществляемые в последнее время в стране реформы в области рационального природопользования ориентированы на принципы НДТ, в связи с чем существуют предпосылки для его эффективного внедрения в российских регионах.

Применительно к туристской отрасли целеполагание в деятельности включает не только экономическую эффективность, но и требования экологической безопасности, устойчивого развития территории, социальной ответственности.

Таким образом, НДТ являются стимулом к экологически ориентированной деятельности хозяйствующих субъектов, которые в условиях резкого ухудшения качества природной среды способны создать благоприятные условия для мотивации бизнеса к сокращению негативного воздействия на окружающую среду [Кузнецов и др. 2020].

Выводы

Полезный рекреационный эффект экологического туризма состоит в возвращении человека в естественную среду, благоприятную для здоровья и восстановления психофизиологических сил, развитии бережного отношения к природе, мотивации к сохранению регионального наследия на различных уровнях управления [Миронова 2009]. В период пандемии и в дальнейшем данный фактор будет иметь повышенную ценность.

Экотуризм перспективен к развитию в регионах, которые экономически слабо развиты, так как экотуристы, в основном, не претендуют на высокие стандарты обслуживания и комфорта, порой ограничиваясь требованием безопасности тура/поездки/экскурсии. Такая хозяйственная деятельность вовлечет в рынок труда местное население, создаст новые рабочие места, тем самым улучшит отдельные социально-экономические показатели туристских дестинаций.

Законодательное закрепление определения этого термина позволит четко идентифицировать этот вид туризма, так как в настоящее время нет его законодательного (утвержденного в профильном законе о туризме) определения и присутствуют его разные трактовки в нормативно-правовых документах.

Перспективным направлением экологического туризма является внедрение таких наилучших доступных технологий как цифро-

вые сервисы – электронные карты туристических маршрутов, приложения для определения местоположения, портативные устройства для определения чистоты воздуха, воды, земли и т. д., что существенно улучшит качество обслуживания и повысит безопасность туристов. Отдельное внимание следует уделить основным аспектам создания востребованного экологического тура для путешественников в постковидных условиях: гарантиям безопасности, уединенным местам отдыха и размещения, природной антистресс-терапии.

Результатом осуществления национальных проектов «Туризм и индустрия гостеприимства» и «Экология» станут не только достигнутые показатели количества экологических туристов, но и рост разнообразия программ природно-ориентированного туризма, что соответствует целям устойчивой экономики.

Литература

- Александрова 2017 – Александрова А.Ю. Формирование интегрированной системы статистики туризма в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2017. № 1. С. 41–61.
- Афанасьева 2020 – Афанасьева А.В. Зарубежный опыт управления в сфере экологического туризма: тренды и модели развития // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 3. С. 27–56. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10303.
- Дорофеев и др. 2017 – Дорофеев А.А., Богданова Л.П., Хохлова Е.Р. Экотуризм в России: главные дестинации и туристские прибытия // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11. № 4. С. 38–46. DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-4-38-46.
- Зенкина, Белова 2020 – Зенкина Е.В., Белова Е.С. Экологический туризм и проблемы его развития на примере Китая // Экономическая безопасность: современные вызовы и поиск эффективных решений: Материалы Всероссий. научно-практич. конф. М.: Моск. ун-т им. С.Ю. Витте, 2020. С. 843–849.
- Кузнецов и др. 2020 – Кузнецов Н.Г., Тяглов С.Г., Пономарева М.А., Родионова Н.Д. Роль наилучших доступных технологий в развитии инновационного потенциала региона // Экономика и управление: теория и практика, 2020. Т. 6. № 3. С. 59–64.
- Кузнецов и др. 2021 – Кузнецов Н.Г., Цетилова Е.С., Родионова Н.Д. Роль экологического туризма в развитии туристских дестинаций России // Beneficium. 2021. № 4. С. 48–55. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.4(41).48–55.
- Лебедева, Паткина 2021 – Лебедева С.А., Паткина Е.В. Барьеры развития экологического туризма и пути их преодоления // Экономика, предпринимательство и право. Т. 11. № 5. С. 1271–1288. DOI: 10.18334/erp.11.5.112046.
- Мнацеканов и др. 2021 – Мнацеканов Р.А., Сергеева М.И., Филиппова Е.В. Методические рекомендации по созданию особо охраняемых природных территорий федерального и регионального значения. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2021. С. 18–21.

- Миронова 2009 – *Миронова Н.И.* Развитие экологического туризма в России // Сервис в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 115–129.
- Оборин 2020 – *Оборин М.С.* Современная концепция развития экологического туризма в России // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 4 (91). С. 22–32.
- Тихонова, Щенявский 2017 – *Тихонова Т.В., Щенявский В.А.* Зеленый туризм: подходы, региональная оценка, особенности развития // Проблемы развития территории. 2017. № 4 (90). С. 51–67.
- Устин 2013 – *Устин В.* От экологического к зеленому туризму // Наука и инновации. 2013. № 7 (125). С. 20–23.
- Фирсов 2021 – *Фирсов И.П.* Экологический туризм в регионах РФ как актуальное направление развития туризма // Бизнес-технологии в туризме и гостеприимстве: Сб. ст. М., 2021. С. 372–380.
- Черкашина и др. 2020 – *Черкашина И.В., Адамюк А.П., Пшеничных Ю.А.* Основы антикризисного управления: влияние и пути дальнейшего развития международного туризма в условиях пандемии [Электронный ресурс] // Вестник молодежной науки. 2020. № 2 (24). С. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-antikrizisnogo-upravleniya-vliyaniei-puti-dalneyshego-razvitiya-mezhdunarodnogo-turizma-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения 21.01.2022).
- Antamoshkina et al. 2021 – *Antamoshkina E., Korabelnikov I., Daeva T., Nazarova T. and Morozova N.* Methodological approach to the assessment of ecological tourism as a direction of sustainable development of the tourism industry [Электронный ресурс] // 1st International Conference on Environmental Sustainability Management and Green Technologies. 2021. Vol. 296. URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202129605006> (дата обращения 25 января 2022).
- Healy 1988 – *Healy R.* Economic consideration in nature-oriented tourism: The case of tropical forest tourism in the eastern. Center for Forest Economics Research, Research Triangle Park, N.C.. FPEI Working Paper № 39. North Carolina, 1988. 55 p.
- Krippendorf 1975 – *Krippendorf J.* Die Landschaftsfresser: Tourismus u. Erholungslandschaft – Verderben oder Segen? / Jost Krippendorf. 2. Aufl. Bern; Stuttgart: Hallwag, 1975. 160 p.
- Sterman 2000 – *Sterman J.* Business Dynamics: System Thinking and Modeling for a Complex World. Boston: Irwin/McGraw-Hill, 2000. 982 p.
- Szekely 2010 – *Szekely V.* European Rural Development Network Studies // Rural Areas and Development. 2010. № 7. P. 20–29.
- Teacher et al. 2013 – *Teacher A.G., Griffiths D.J., Hodgson, D.J., Inger R.* Smartphones in ecology and evolution: a guide for the apprehensive // Ecology and Evolution. 2013. № 3 (16). P. 5268–5278.

References

- Aleksandrova, A.Yu. (2017), “Formation of an integrated system of the tourism statistics in the Russian Federation”, *Moscow University Economics Bulletin*, no. 1, pp. 41–61.
- Afanas'eva, A.V. (2020), “Foreign management experience in the field of eco-tourism. Trends and development models”, *Service in Russia and abroad*, vol. 14, no. 3, pp. 27–56. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10303.
- Antamoshkina, E., Korabelnikov, I., Daeva, T., Nazarova, T. and Morozova, N. (2021), “Methodological approach to the assessment of ecological tourism as a direction of

- sustainable development of the tourism industry”, *1st International Conference on Environmental Sustainability Management and Green Technologies*, vol. 296, available at: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202129605006> (Accessed 25 January 2022).
- Cherkashina, I.V., Adamyuk, A.P. and Pshenichnykh, Yu.A. (2020), “Fundamentals of anti-crisis management: The impact and ways of further development of international tourism in a pandemic”, *Vestnik molodezhnoi nauki*, no. 2 (24), pp. 1–8, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-antikrizisnogo-upravleniya-vliyaniei-puti-dalneyshego-razvitiya-mezhdunarodnogo-turizma-v-usloviyah-pandemii> (Accessed 21 January 2022).
- Dorofeev, A.A., Bogdanova, L.P. and Khokhlova, E.R. (2017), “Ecotourism in Russia. main destinations and tourist arrivals”, *Service and Tourism: Current Challenges*, vol. 11, no. 4, pp. 38–46, DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-4-38-46.
- Firsov, I.P. (2021), “Ecological tourism in the regions of the Russian Federation as a current direction of tourism development”, *Biznes-tehnologii v turizme i gostepriimstve*, Moscow, Russia, pp. 372–380.
- Healy, R. (1988), *Economic consideration in nature-oriented tourism: The case of tropical forest tourism*, Center for Forest Economics Research, Research Triangle Park, N.C.. FPEI Working Paper № 39. North Carolina.
- Krippendorff, J. (1975), *Die Landschaftsfresser: Tourismus u. Erholungslandschaft – Verderben oder Segen?* / Jost Krippendorff. 2. Aufl. Hallwag, Bern; Stuttgart.
- Kuznetsov, N.G., Tyaglov, S.G., Ponomareva, M.A. and Rodionova, N.D. (2020), “The role of the best available technologies in the development of the innovative potential of a region”, *Economics and Management: Theory and Practice*, vol. 6, no. 3, pp. 59–64.
- Kuznetsov, N.G., Tsepilova, E.S. and Rodionova, N.D. (2021), “The role of ecological tourism in the development of tourist destinations in Russia”, *Beneficium*, no. 4, pp. 48–55, DOI: 10.34680/BENEFICIUM. no. 4 (41). P. 48–55.
- Lebedeva, S.A. and Patkina, E.V. (2021), “Barriers to the development of ecological tourism and ways to overcome them”, *Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 11, no. 5, pp. 1271–1288, DOI: 10.18334/epp.11.5.112046.
- Mnatsekanov, R.A., Sergeeva, M.I. and Filippova, E.V. (2021), *Metodicheskie rekomendatsii po sozdaniyu osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii federal'nogo i regional'nogo znacheniya* [Methodological recommendations for the creation of specially protected natural territories of federal and regional significance], Vsemirnyi fond dikoi prirody, Moscow, Russia, pp. 18–21.
- Mironova, N.I. (2009), “Development of ecological tourism in Russia”, *Service in Russia and abroad*, no. 4, pp. 115–129.
- Oborin, M.S. (2020), “Modern concept of ecological tourism development in Russia”, *Service in Russia and abroad*, vol. 14, no. 4 (91), pp. 22–32.
- Sterman, J. (2000), *Business Dynamics: System Thinking and Modeling for a Complex World*, Irwin/McGraw-Hill, Boston.
- Szekely, V. (2010), “European Rural Development Network Studies”, *Rural Areas and Development*, no 7, pp. 20–29.
- Teacher, A.G., Griffiths, D.J., Hodgson, D.J. and Inger, R. (2013), “Smartphones in ecology and evolution: a guide for the app-rehensive”, *Ecology and Evolution*, no. 3 (16), pp. 5268–5278.

- Tikhonova, T.V. and Shchenyavsky, V.A. (2017), Green tourism: approaches, regional assessment, development features”, *Problems of territory’s development*, no. 4 (90), pp. 51–67.
- Ustin, V. (2013), “From ecological to green tourism”, *Science and Innovation*, no. 7 (125), pp. 20–23.
- Zenkina, E.V. and Belova, E.S. (2020), “Ecological tourism and issues of its development on the example of China”, *Ekonomicheskaya bezopasnost’: sovremennye vyzovy i poisk effektivnykh reshenii: Materialy Vseros. nauchno-praktich. konf.* [Economic security. Modern challenges and the search for effective solutions. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference], Moscow, Russia, pp. 843–849.

Информация об авторах

Елена С. Цепилова, доктор экономических наук, профессор, Сочинский государственный университет, Сочи, Россия; 354000, Россия, Сочи, ул. Пластунская, д. 94; Elenatcepilova@mail.ru

Наталья Д. Родионова, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия; 344002, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69; ndrodionova@mail.ru

Information about authors

Elena S. Tsepilova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Sochi State University, Sochi, Russia; bld. 94, Plastunskaya Street, Sochi, Russia, 354000; Elenatcepilova@mail.ru

Natalya D. Rodionova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia; bld. 69, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Russia, 344007; ndrodionova@mail.ru

Роль офшоров в сокрытии активов контролирующими должника лицами в правоотношениях несостоятельности (банкротства)

Татьяна В. Белова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, tanik1796@rambler.ru*

Ирина О. Окунева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, okuneva.io@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния офшоров на отношения сторон в сфере несостоятельности (банкротства), поиску правовых методов раскрытия связи между действиями контролирующих должника лиц (бенефициаров) по сокрытию активов компаний-должников в офшорных зонах и привлечением данных лиц к ответственности с целью понуждения их к возврату выведенных из РФ денежных средств и к последующей выплате задолженности подконтрольного им предприятия в пользу добросовестных кредиторов. Анализируются понятия и нормы ГК РФ, НК РФ, УК РФ, № 127-ФЗ, № 115-ФЗ. Предлагается два способа решения данной задачи. Первый – включить в Федеральный закон № 115-ФЗ норму, предусматривающую ответственность бенефициарных владельцев за вывод активов на счета в иностранных банках, повлекший несостоятельность организации, приведшую ее к банкротству. Второй способ предполагает комплексный технико-юридический и дискурс-лингвистический анализ ключевых терминов и понятий, применяющихся в ведущих законодательных актах Российской Федерации, с целью унификации и разграничения ключевых юридических понятий.

Ключевые слова: офшор, бенефициарный владелец, контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, вывод активов на счета в иностранных банках

Для цитирования: Белова Т.В., Окунева И.О. Роль офшоров в сокрытии активов контролирующими должника лицами в правоотношениях несостоятельности (банкротства) // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 129–140. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-129-140

The role of offshore companies in concealing assets by beneficiaries controlling the debtor in legal cases of insolvency (bankruptcy)

Tat'yana V. Belova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, tanik1796@rambler.ru

Irina O. Okuneva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, okuneva.io@rggu.ru

Abstract. This article outlines the role of offshore companies in the relations of the parties in the field of insolvency (bankruptcy), the issue of finding legal methods of disclosing the connection between the actions of beneficial owners (individuals controlling the debtor) that are aimed to conceal the assets of the debtor in offshore zones and to bring those individuals to responsibility in order to compel them to return the funds withdrawn from the Russian Federation and to pay the debt of their controlled enterprise in favor of the bona fide creditors. The concepts and norms of the Russian Codes: Civil, Tax and Criminal, Laws of N 127-FZ and N 115-FZ are analyzed. Two ways of solving that issue are proposed. The first is to include in Federal Law N 115-FZ a norm providing for the liability of beneficial owners for the withdrawal of assets to accounts in foreign banks, which entailed the insolvency and bankruptcy of the organization. The second method involves a comprehensive legal, technical and linguistic discourse analysis of key terms and concepts used in basic codified Russian laws in order to unify and differentiate its key legal concepts.

Keywords: offshore, beneficial owner, controlling the debtor, subsidiary liability, withdrawal of assets to accounts in foreign banks

For citation: Belova, T.V. and Okuneva, I.O. (2022), "The role of offshore companies in concealing assets by beneficiaries controlling the debtor in legal cases of insolvency (bankruptcy)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 2, pp. 129-140, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-129-140

Введение

Деструктивное влияние офшорных юрисдикций на экономику Российской Федерации трудно переоценить. Обращает на себя внимание статистика незаконно выведенных через офшоры денежных средств: сумма денежных средств, выведенных в офшоры с 1990 по 2016 г., составляет около 1,5 трлн долл. США, это в шесть раз превышает доходы федерального бюджета РФ (250 млрд долл. США) и в три раза – внешний долг страны (516 млрд долл. США) [Торбин и др. 2016, с. 92]. В основном злоупотребления происходят в сфере налогообложения. В этом направлении в настоящее время

принимаются законотворческие меры по деофшоризации. Однако нельзя забывать о роли офшоров в сокрытии активов компаний-должников, нередко доводимых до преднамеренного банкротства контролирующими их лицами через использование офшорных схем. Сложность их раскрытия заключается в том, что офшорные юрисдикции не идут на сотрудничество со следственными органами в отношении зарегистрированных на их территории компаний, что существенно затрудняет поиск и выявление скрываемых активов компаний-должников. Решение данной проблемы видится в возложении субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве) компании-должника на выгодоприобретателей, зачастую являющихся гражданами РФ, и фактически оказывающих влияние на финансовые и экономические действия компании, доведенной до банкротства. *Актуальным* остается поиск методов решения указанной проблемы. Это подкрепляется анализом российского законодательства, в котором на данный момент слабо представлена или вовсе отсутствует степень ответственности бенефициарных владельцев (собственников) за вывод активов подконтрольного им предприятия за рубеж, доведение его до банкротства с целью лишения его кредиторов законных выплат.

В качестве *объекта* исследования рассматриваются общественные отношения, возникающие в рамках процедур несостоятельности (банкротства) между бенефициарными владельцами (собственниками), подконтрольными им предприятиями, зарегистрированными в офшорных зонах, и кредиторами, среди которых может выступать ФНС РФ¹.

Предметом исследования выступают российские нормативные правовые акты, правовая доктрина, материалы судебной практики, определяющие отношения в области прав и интересов должника, кредиторов и контролирующих должника лиц (бенефициарных владельцев/собственников) при несостоятельности (банкротстве). В ряде случаев проводится сопоставление российской правовой доктрины с зарубежной традицией.

С учетом объекта и предмета исследования, его методологическую основу составили: эмпирический и лингвистический методы, использовавшиеся с целью толкования и уточнения смысла правовых норм и понятий; аналитический, синтетический и технико-юридический методы для анализа письменных источников, выявления правил применения законодательных норм и сведение их в единую концепцию с целью формулировки решения проблемы данного исследования, которая состоит в поиске правовых методов раскрытия связи между действиями контролирующих должника

¹ Федеральная налоговая служба Российской Федерации.

лиц (бенефициаров) по сокрытию активов компаний-должников в офшорных зонах и привлечением данных лиц к ответственности с целью понудить их вернуть выведенные из РФ средства для выплаты добросовестным кредиторам.

*Британские корни происхождения
понятия «офшорная зона» и регулирующее его
современное законодательство*

Появление офшорных зон восходит к началу XX в. как результат распада колониальной системы Великобритании при фактическом сохранении экономических связей между государствами. Как сам английский термин *offshore* («офшор/оффшор»), так и система ведения бизнеса за пределами страны бенефициара, не подпадающая под национальное регулирование, происходят из английского права. Именно этим определяется заимствование в российскую правовую практику несвойственных ей понятий «бенефициарная собственность» и «бенефициарный собственник/владелец», о которых речь пойдет ниже. Здесь же определим понятие «офшор» («оффшор»).

Большинство специалистов сходятся в том, что под *оффшорами* понимаются финансовые зоны, расположенные на территории или части территории страны, где действуют особые условия регистрации, специальные налоговые режимы, отсутствуют финансовый и валютный контроль, таможенные сборы, предоставляется конфиденциальность и льготы иностранным компаниям, зарегистрированным на этой территории, но ведущим свою деятельность вне ее границ на территории других государств. Таким образом, офшор представляет собой базу, офшорный центр, из которого исходят офшорные схемы, применяемые юридическим лицом или компанией без образования юридического лица или группой компаний самых разных организационно-правовых форм, ведущих свою деятельность через систему дочерних предприятий на территории стран по всему миру либо встраивающихся в корпоративные отношения как самостоятельные контрагенты. Существенный урон, причиняемый такими схемами, состоит в том, что они позволяют не только вывести собственность и финансовые активы из страны их происхождения, но и скрывать их таким образом, что такое отчуждение собственности нельзя оспорить и, следовательно, невозможно вернуть. Это особенно существенно при формировании конкурсной массы компании-должника в рамках несостоятельности (банкротства).

Главным фактором, обеспечивающим стабильность существования схем с участием офшорных компаний, является экономи-

ческая неразвитость, а зачастую политическая зависимость регионов, обеспечивающих офшорные гавани, преимущественно от стран англо-саксонской традиции (напр., Британские заморские территории; офшорные зоны США: Американские Виргинские острова, Содружество Пуэрто-Рико, Вайоминг и Делавэр). Именно англо-американская правовая модель оказывает существенное влияние на местное правовое регулирование на офшорных территориях, также она действует через нормативные акты международных организаций, созданных для контроля над офшорными схемами (FATF², ОЭСР³ в соответствии с «Планом BEPS»⁴), и тем самым распространяет свое влияние на современную российскую правоприменительную практику в отношении компаний, зарегистрированных в офшорах. В частности, под давлением FATF был принят Федеральный закон № 115-ФЗ⁵. Однако в результате лоббирования частнокорпоративных интересов из-под действия данного закона были выведенные важные статьи УК РФ, а именно ст. 193, 194, 198 и 199⁶ [Павлов 2011, с. 37]: об обязанности к возврату денежных средств на счета резидентов РФ (ст. 193), уплате таможенных пошлин, сборов и иных платежей (ст. 194), уплате налогов и сборов (ст. 198, 199) в пользу РФ. Итак, преимущественная цель офшорных компаний состоит в сокрытии необоснованной налоговой выгоды. На решение данной проблемы направлены утвержденный Минфином Перечень офшорных зон для налоговых целей и утвержденный Банком России Список офшорных зон, появившаяся у ФНС возможность получать сведения о банковских счетах и другую налоговую информацию из большинства офшорных зон (Письмо ФНС от 22.12.2015)⁷. Однако нерешенной остается проблема сокрытия в офшорах активов компаний-должников при банкротстве.

² «Группа по разработке финансовых мер борьбы с отмыванием денег» (англ. “Financial Action Task Force on Money Laundering”).

³ «Организация экономического сотрудничества и развития».

⁴ «О размывании налогооблагаемой базы и выводе прибыли из-под налогообложения» (англ. “Base Erosion and Profit Shifting”).

⁵ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения 1 ноября 2021).

⁷ Письмо ФНС России от 22.12.2015 № АО-4-17/22482 // Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/mra/int_norm/5882630/ (дата обращения 1 ноября 2021).

*Регистрация российских компаний
в «офшорных зонах» с целью сокрытия активов
компаний-должника при банкротстве*

Среди многих преимуществ, предоставляемых законами в офшорных зонах, в рамках процедур несостоятельности (банкротства) оказывается особенно востребовано закрепленное законодательно правило о конфиденциальности, т. е. неразглашении информации об активах и их владельцах. Ввиду этого представляется крайне затруднительным наложить арест на имущество компании-банкрота, зарегистрированной в офшорной зоне, или актив, выведенный собственником в офшор, и впоследствии взыскать данное имущество или актив в пользу кредиторов.

Использование офшорных юрисдикций зачастую сочетается с мнимыми сделками (ст. 170 ГК РФ)⁸, ставящими под сомнение реальность долговых обязательств в силу запутанного или необычного характера самих сделок (Обзор судебной практики ВС РФ от 29 января 2020 г.)⁹, но представляющие сложности в оспаривании из-за необходимости привлекать лиц, относящихся к иностранной юрисдикции.

*Понятия «бенефициарная собственность»
и «бенефициарный собственник/владелец»*

Решение проблемы получения доступа к выведенным за рубеж активам компании-должника видится в привлечении к ответственности контролирующих должника лиц по принципу субсидиарной ответственности. Однако препятствие состоит в том, что в офшорных юрисдикциях официальным представителем компании является номинальный директор, являющийся резидентом офшорной территории, чья деятельность не регулируется правом РФ. В этом случае целесообразно обратиться к концепции бенефициарной собственности, берущей свое начало в английском праве.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения 1 ноября 2021).

⁹ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 января 2020 г. / Арбитражный суд Псковской области [Электронный ресурс]. URL: <https://pskov.arbitr.ru/node/13949> (дата обращения 1 ноября 2021). С. 4.

В российском законодательстве понятия «бенефициар» фигурирует в статье 368 ГК РФ, «бенефициарный владелец/собственник» – в ФЗ № 115-ФЗ, Положении Банка России № 499-П¹⁰, Постановлении Правительства РФ № 913¹¹, судебной практике и Постановлениях российских арбитражных судов¹².

Под бенефициарным владельцем/собственником (*beneficial owner*) в английском праве справедливости (*equity*) понимается фактический владелец ценных бумаг, активов, прибыли и законный получатель предоставляемых льгот и преимуществ, вытекающих из контракта или владения имуществом, в отличие от юридически зафиксированного владения или контроля; бенефициарный владелец отличается от правообладателя, действующего от имени и в интересах первого¹³.

¹⁰ Положение Банка России от 15.10.2015 № 499-П (ред. от 05.10.2021) «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71277312> (дата обращения 1 ноября 2021).

¹¹ Постановление Правительства РФ от 31.07.2017 № 913 (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Правил представления юридическими лицами информации о своих бенефициарных владельцах и принятых мерах по установлению в отношении своих бенефициарных владельцев сведений, предусмотренных Федеральным законом “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма”, по запросам уполномоченных органов государственной власти» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71741614> (дата обращения 1 ноября 2021).

¹² Постановление от 3.11.2021 г. по делу № А75-20039/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/VpIaLf5ZXi5p/?arbitral-txt=бенефициар&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1650980935315&snippet_pos=2318#snippet (дата обращения 1 ноября 2021); Постановление от 29.10.2021 г. по делу № А12-35538/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/slAuG5wLdN5T/?arbitral-txt=бенефициар&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1650980935315&snippet_pos=9116#snippet (дата обращения 1 ноября 2021); Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23 ноября 2015 г. № 09АП-46990/2015 по делу № А40-70319/15. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/CMHRGalNgRLX/> (дата обращения 1 ноября 2021); Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.06.2015 г. № 09АП-24715/2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/60783691/> (дата обращения 1 ноября 2021).

¹³ Black's Law Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://alegaldictionary.com/?s=beneficial+owner> (дата обращения 1 ноября 2021).

Другими словами, юридически роль бенефициарного собственника в офшорной компании не установлена, но фактически он осуществляет контроль за ее деятельностью через своих доверенных лиц. Эти доверенные лица фигурируют в отчетах о деятельности предприятия, в ее учредительных документах и, по сути, выступают номинальными директорами компании. Офшорная юрисдикция предоставляет конфиденциальную возможность заключить между бенефициарным владельцем и номинальным директором трастовое соглашение (декларацию), закрепляющую их взаимоотношения. Важно отметить, что эти данные тщательно скрываются офшорной юрисдикцией, и доступ к ним существенно затруднен.

В ответ на описанную английскую традицию в 2015 г. в Налоговый кодекс РФ было введено понятие «лицо, имеющее фактическое право на доходы» (п. 2 ст. 7 НК РФ)¹⁴. Именно такое лицо целесообразно привлекать к субсидиарной ответственности по долгам подконтрольной ему офшорной компании.

Привлечение к субсидиарной ответственности «бенефициарного собственника/владельца» офшорной компании по долгам компании-банкрота

Идея привлечение к субсидиарной ответственности бенефициарного собственника офшорной компании по ее долгам наталкивается на принцип имущественной обособленности (автономности), закрепленный в Гражданском кодексе РФ (ст. 56 ГК РФ), постулирующий раздельную ответственность компании и ее акционеров. Однако в законодательстве, регулирующем область несостоятельности (банкротства), и практике судопроизводства встречаются исключения (ст. 67.3 ГК РФ). Например, к субсидиарной ответственности возможно привлечь контролирующих должника лиц (номинальных и/или фактических собственников) в случае недостаточности имущества компании-должника для выплаты кредиторам в рамках процедуры банкротства. Российская судебная практика содержит подобные прецеденты, хотя до недавнего времени они воспринимались скорее как исключения, однако в последние годы внимание к ним возобновилось.

¹⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 26.03.2022) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/0b35b3974001cdb58fa49100098523caeee5ac26/ (дата обращения 1 ноября 2021).

*Российская судебная практика
о субсидиарной ответственности
бенефициарных собственников/владельцев
офшорных компаний*

Согласно Постановлению Арбитражного суда Уральского округа от 1 декабря 2020 г. № Ф09-556/19, Дело № А50-8722/2017, судом апелляционной инстанции была установлена субсидиарная ответственность Максимова М.О., Гаврилова А.В. и Пинаева А.М. как лиц, контролирурующих компанию-банкрота «НГД Трейд» через цепочку сомнительных юридических лиц, зарегистрированных в офшорной юрисдикции на Британских Виргинских островах и в Англии. В ходе судебных слушаний было установлено, что бывший руководитель компании «НГД Трейд» Максимов М.О. участвовал в создании схемы по получению налогооблагаемой базы, уменьшению активов и вывода средств за рубеж в пользу выгодоприобретателей (бенефициаров) Гаврилова А.В. и Пинаева А.М. через промежуточные звенья в иерархии корпоративной структуры, осложненной использованием офшорных компаний, что в совокупности привело к неплатежеспособности должника и его банкротству. В результате рассмотрения прямых и косвенных улик и свидетельств о согласованных действиях и вытекающей выгоды в пользу контролирующих должника лиц, суд апелляционной инстанции указал на наличие оснований для привлечения Гаврилова А.В. и Пинаева М.А. к субсидиарной ответственности по п. 4 ст. 10 № 127-ФЗ «Закона о несостоятельности (банкротстве)»¹⁵ в связи с доказанностью вины и причинно-следственной связи между действиями указанных лиц и общества «НГД Трейд»¹⁶.

Тот же закон был ранее применен в деле, связанном с банкротством ЗАО «Международный промышленный банк». По обязательствам банка его фактический собственник был привлечен к субсидиарной ответственности. В результате английскими судами был наложен арест на имущество контролируемых

¹⁵ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078527> (дата обращения 1 ноября 2021).

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.12.2020 № Ф09-556/19 по делу N А50-8722/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=212040#zccDpSWXyрflfMF> (дата обращения 1 ноября 2021).

им трастов, имеющий силу, в том числе, за пределами английской юрисдикции¹⁷.

В судебной практике встречаются и обратные ситуации. Так, решение Мещанского районного суда г. Москвы от 31 января 2012 г. по иску компании «Дейлмонт Лимитед» к гражданину С. возложило ответственность по долгам указанного гражданина на имущество компаний, которые контролировались им через цепочку корпоративного управления. Формально данные компании были независимы от гражданина С., но было доказано, что фактически он контролировал их деятельность и выступал конечным бенефициаром. Данное решение было поддержано апелляционным и кассационным определениями судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда¹⁸.

Заключение

Анализ судебной практики по данному вопросу свидетельствует о том, что далеко не всегда удается доказать юридическую сопричастность лиц, контролирующих действия компании-должника, к решениям, повлекшим за собой несостоятельность (банкротство) организации. Это связано с двумя факторами: внешним и внутренним. Внешний фактор касается того, что офшорные юрисдикции либо не идут на сотрудничество, ссылаясь на отсутствие соответствующих договоров между странами, либо существенно затягивают сроки ответа на запросы следственных органов. Внутренний фактор постепенно преодолевается, но и здесь есть потенциал для роста, а именно, необходимо устранить противоречия между нормами ГК РФ (ст. 56 ГК РФ), НК РФ (ст. 7) и Федеральными законами, такими как № 127-ФЗ¹⁹, № 115-ФЗ²⁰ и судебной практикой.

¹⁷ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 7 декабря 2010 г. № А40-119763/10 по делу № А40-119763/10-73-565 «Б»; Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2015 г. № 09АП-24715/2015, 09АП-22993/2015, 09АП-22353/2015, Арбитражного суда Московского округа от 1 октября 2015 г. № Ф05-10535/2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=375339#mZDdDpSuYuPZQG392> (дата обращения 1 ноября 2021).

¹⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 2 августа 2012 г. № 11-16173; Кассационное определение Московского городского суда от 25 декабря 2012 г. № 4г/2-12260/12.

¹⁹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ. «О несостоятельности (банкротстве)».

²⁰ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021).

Данные противоречия в ряде случаев кроются в терминах, используемых для обозначения сходных, а в некоторых контекстах идентичных понятий, например, контролирующее должника лицо, контролирующее лицо, контролирующее лицо иностранной организации, бенефициарный владелец (собственник), бенефициар, выгодоприобретатель, резидент, нерезидент, налоговый резидент РФ. С целью установления принципа преемственности норм права данным понятиям следует дать четкие определения и применять унифицировано в Гражданском, Налоговом, Уголовном кодексах РФ, в текстах соответствующих Федеральных законов, в частности № 127-ФЗ, № 115-ФЗ и постановлений судов. Отсутствие терминологических разночтений позволит избежать разночтения в толкованиях и сократит время на обоснование применимости в судопроизводстве смежных сфер права, что позволит привлекать к ответственности по нормам, отсутствующим в одних законодательных актах, но предусмотренных в других, ныне использующих отличные от первых наименования тех же понятий, что в конечном итоге затрудняет либо препятствует применению норм из смежных областей права.

Так, решение проблемы привлечения контролирующих должника лиц (бенефициарных владельцев/собственников) к ответственности за сокрытие активов компаний-должников в офшорных зонах и понуждения их к возврату выведенных из РФ средств, которые можно использовать для выплаты кредиторам, предлагаем решить двумя способами.

Первый – включить в Федеральный закон № 115-ФЗ норму, предусматривающую ответственность бенефициарных владельцев за вывод активов на счета в иностранных банках, повлекший несостоятельность организации, приведшую ее к банкротству. На данный момент в ФЗ № 115-ФЗ предусмотрена только обязанность, связанная с «установлением бенефициарных владельцев юридических лиц» (ст. 2), «раскрытию информации о бенефициарных владельцах» (ст. 6), «идентификации бенефициарных владельцев клиентов» (ст. 7), что, по сути, представляет собой одно и то же действие – информирование. Однако ни ответственность за отсутствие исполнения данного предписания, ни степень раскрытия информации, ни ответственность за нарушение требований валютного законодательства РФ и за незаконное зачисление денежных средств, полученных в результате ведения предпринимательской деятельности в РФ, на счета нерезидентов и/или резидентов в зарубежных банках не предусмотрены.

Второй способ решения представляется более сложным. Он предполагает комплексный технико-юридический и дискурс-лингвистический анализ ключевых терминов и понятий, применяющихся в кодексах и ключевых федеральных законах Российской

Федерации, с целью унификации и разграничения понятий. Представляется, что результаты такой работы приведут к большей точности формулировок, исключению разночтений, противоречий и, в конечном итоге, снизят вероятность и число коллизий, провоцируемых пробелами и противоречиями в законодательстве.

Литература

- Павлов 2011 – *Павлов П.В.* Офшорная деятельность: вопросы правовой регламентации // Журнал российского права. 2011. № 5 (173). С. 31–39.
- Торбин и др. 2016 – *Торбин Ю.Г., Янчуркин О.В., Маматов В.Г.* Противодействие легализации и незаконному выводу за рубеж банковских активов // Журнал российского права. 2016. № 12 (240). С. 91–98.

References

- Pavlov, P.V. (2011), “Offshore activity. Issues of legal regulation”, *Journal of Russian Law*, no. 5 (173), pp. 31–39.
- Torbin, Yu.G., Yanchurkin, O.V. and Mamatov, V.G. (2016), “Counteraction to legalization and illegal withdrawal of bank assets abroad”, *Journal of Russian Law*, no. 12 (240), pp. 91–98.

Информация об авторах

Татьяна В. Белова, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; tanik1796@rambler.ru

Ирина О. Окунева, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; okuneva.io@rggu.ru

Information about the authors

Tat'yana V. Belova, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; tanik1796@rambler.ru

Irina O. Okuneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; okuneva.io@rggu.ru

УДК 346.544.4

DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-141-149

Разграничение работ и услуг как объектов гражданских прав по критерию овеществленности результата

Зайнура И. Исмоилова

*Российско-Таджикский (Славянский) университет
Душанбе, Республика Таджикистан, ismoilova-2016@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы правового режима услуги и работы как объектов гражданских прав, исследуется значение критерия овеществленности результата при соотношении категорий «работа» и «услуга».

Ключевые слова: объекты гражданских прав, услуга, работа, овеществленный результат

Для цитирования: Исмоилова З.И. Разграничение работ и услуг как объектов гражданских прав по критерию овеществленности результата // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 2. С. 141–149. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-141-149

Differentiation of works and services as objects of civil rights according to the criterion of the result materialization

Zainura I. Ismoilova

*Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan
ismoilova-2016@mail.ru*

Annotation. The article considers controversial issues of the legal regime of service and work as objects of civil rights, s the value of the criterion of the result materialization when correlating the categories of “work” and “service”.

Keywords: objects of civil rights, service, work, materialized result

For citation: Ismoilova, Z.I. (2022), “Differentiation of works and services as objects of civil rights according to the criterion of the result materialization”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 141-149, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-141-149

© Исмоилова З.И., 2022

В качестве главного отличительного признака работ и услуг как объектов гражданских прав многие ученые называют отсутствие овеществленного (материального) результата при услуге. Данный критерий отчетливо прослеживается в дискуссиях ученых при разграничении услуги и работы. Все суждения авторов в данном споре можно разделить на две группы. Так, первая группа ученых рассматривает «услугу» и «работу» как равнозначные категории. В частности, Ю.Х. Калмыков исходит из той позиции, что работа (подряд) – разновидность услуг. Автор далее подмечает, что услуги могут предоставляться не только посредством подрядных отношений, но и путем заключения договора проката, найма, розничной купли-продажи в кредит и т. д. [Калмыков 1998, с. 115].

В.А. Борисов к работам относит такие услуги, конечным результатом которых является изготовление какого-либо материального предмета (вещи) или иной материальный результат. К услугам автор относит деятельность в нематериальной сфере – медицина, связь и т. п. [Борисов 1997, с. 38]. Я.Ф. Фартхутдинов услугой называет работу, которая выражается в особой форме деятельности, имеющей полезный эффект. Автор далее замечает, что деятельность может выражаться и в совершении таких действий, которые не создают материальных ценностей, но имеют полезные свойства [Фархутдинов 1983, с. 89].

На тождественность исследуемых понятий также указывает и отечественное гражданское законодательство. Так, ст. 803 ГК Республики Таджикистан подтверждает возможность применения к регулированию договора возмездного оказания услуг общих положений о подряде (ст. 714-741 ГК Республики Таджикистан) и бытовом подряде (ст. 742-754 ГК Республики Таджикистан), если это не противоречит правилам и особенностям предмета договора возмездного оказания услуг. Данная норма фактически приравнивает работу и услугу, что делает сложным разграничение этих категорий.

Схожие представления о соотношении работы и услуги содержатся и в других нормативных актах страны. К примеру, в ст. 2 Закона Республики Таджикистан «О государственных закупках товаров, работ и услуг» услуги определены как результаты интеллектуальной деятельности и работ, не связанных с изменением свойств материальных благ. Налоговый кодекс Республики Таджикистан в ст. 17 закрепил, что услуга – это любая деятельность за вознаграждение, включая торговую деятельность, финансовые услуги, предоставление материального имущества в аренду, предоставление нематериального имущества, не являющаяся поставкой товаров или выполнением работ. Как видим, законодатель смешивает понятие работа и услуга, тем самым возникает еще больше путаницы.

Другая группа исследователей категорически выступают за необходимость разграничения этих двух категорий. К примеру, Н.В. Зайцева считает, что в вопросе дифференциации «работы» и «услуги» необходимо исходить из критерия предоставления ове­ществленного результата. В частности, при подряде подрядчик обязан сдать заказчику материальный результат [Зайцева 2004, с. 25]. По мнению А.О. Иншаковой и Н.В. Кагальницковой,

...сама конструкция «услуги» предполагает, что исполнитель выполняет только определенную деятельность и не обязан предоставлять какой-либо вещественный результат. Лицо, выполняющее работу, обязано произвести определенную работу и сдать результат заказчику [Иншакова, Кагальницкова 2019, с. 90–91].

Итак, для разграничения понятий «работа» и «услуга» необходимо определить критерии их дифференциации. Исходя из анализа правовой доктрины и норм законодательства, можно заключить, что первым критерием разграничения двух исследуемых понятий служит наличие ове­ществленного результата при подряде, о чем говорится в ч. 1 ст. 714 и 715 ГК Республики Таджикистан. Подрядчик обязан по заданию заказчика изготовить или переработать (обработать) вещь либо выполнить другую работу, по итогам которой передать ее результаты заказчику. То есть при работе результат всегда имеет ове­ществленный, материальный и отделимый от работы характер.

Что касается результатов услуг, то по этому поводу своеобразную точку зрения высказала А.В. Дроздова, что нужно говорить не о «результате, а о том “полезном эффекте” от услуги, который можно увидеть, но не получить как вещь» [Дроздова 2003, с. 41]. Аналогичной позиции придерживаются другие авторы, которые подчеркивают, что услуги охватывают собой те действия, которые вообще не завершаются каким-либо определенным результатом, а имеют полезный эффект в самих себе либо имеют такой результат, который не воплощается в ове­ществленной форме [Егоров, Елисеев и др. 2005, с. 228; Гражданское право 2005, с. 228]. Ю.О. Столярова также считает, что услуга не имеет никакого результата¹.

Иначе говоря, авторы, отрицая наличие результатов услуг, противопоставляют ему «полезный эффект», который можно увидеть

¹ *Столярова Ю.О.* Медицинские услуги как объект гражданских прав // *Общественные и гуманитарные науки [Электронный ресурс]*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskie-uslugi-kak-obekt-grazhdanskih-prav/viewer> (дата обращения 12 января 2022).

только по итогам услуги. Получается, что действия при услуге будут совершены, но они не приведут ни к какому результату, будет лишь некая видимость «полезных свойств». Такой подход противоречит общему смыслу и представлению совершения действий во исполнение услуги. Если в услуге нет результата, то какой смысл заключать этот договор, а тем более требовать от исполнителя совершения каких-либо действий, если в итоге заказчик не получит никакого результата. Это все равно что обратиться к врачу за оказанием медицинской помощи, тратить много времени на процедуры и лекарства, но знать, что все равно никакого результата не будет – больной не вылечиться, но главное, он будет получать видимость самоудовольствования от самих процедур и лечения на уровне чувств. Но следует заметить, что даже на уровне чувств удовлетворение не может быть достигнуто, если знаешь, что результата нет. Поэтому получение полезного эффекта от чьих-либо действий, если на это и был расчет, или если на получение именно этого эффекта и были направлены интересы лица, – это тоже результат. Ведь результат – это конечный итог, ради которого осуществляется какое-либо действие, в том числе и услуга. Любой субъект гражданского права, заключая те или иные договора, рассчитывает получить результат, который опосредуется его интересами. В противном случае смысла нет в гражданском обороте.

Таким образом, у каждой услуги есть свой результат. Интересным является по этому поводу мнение Р.С. Бевзенко, который указывает, что результат имеется у всякой деятельности – будь то деятельность подрядчика или лица, оказывающего услуги. Но важен здесь не сам результат, а то, чем является этот результат [Практика применения 2011, с. 351].

Относительно результатов услуг заслуживающей внимания представляется точка зрения А.О. Иншаковой и Н.В. Кагальницкой, которые считают, что при услуге тоже достигается

...определенный результат, но не в форме вновь созданной или обработанной вещи. В данном случае правильнее будет говорить об эффекте услуги, который можно воспринимать на уровне чувств, но не получать как вещь [Иншакова, Кагальницкова 2019, с. 92].

Так, не все авторы согласны с утверждением, что при услуге результат не имеет овеществленной формы, так как он присутствует не всегда. К примеру, Д.В. Головкина считает, что существуют такие виды услуг, которые приводят к определенному овеществленному результату. В качестве примера автор приводит оказание аудитор-

ских услуг, когда по окончании проверки составляется аудиторское заключение – официальный документ, содержащий выраженное в установленной форме указанное мнение [Головкина 2017, с. 20]. Другим примером может служить договор оказания юридических услуг, где в обязанности исполнителя могут входить не только совершение действий, но также предоставление результата этих действий (письменного правового заключения, проекта гражданско-правового договора, искового заявления и т. п.).

А.Ю. Кабалкин подчеркивает, что

...многие договоры оказания услуг связи заключаются по поводу отправления писем, бандеролей, посылок. Одним из условий договора туристического обслуживания чаще всего является предоставление определенных транспортных средств. Число таких примеров можно увеличивать за счет иных отношений, например таких, как оказание медицинских услуг по различным видам протезирования [Комментарий 2002, с. 452].

Поддерживая данную позицию, Е.А. Пучков считает, что результат услуги может быть как материальный, так и нематериальный [Пучков 2008, с. 25].

Итак, если согласиться с тем, что услуга может иметь овеществленный или неовеществленный результат, то грань между работой и услугой стирается. В данном случае ключевым критерием их разграничения должно быть отсутствие овеществленного (материального) результата при услуге. Этим и характеризуется особенность договора оказания услуг, результатом которого является получение исключительно нематериализованного результата. Предметом же договора возмездного оказания услуг являются действия, которые не имеют целью появление или изменение материального предмета. Их основная цель – оказание помощи, поддержки, создание благоприятных условий для достижения заказчиком определенных нематериальных благ – полезного эффекта. Поэтому точка зрения А.Ю. Кабалкина, что договоры оказания услуг связи по поводу отправления писем, бандеролей, посылок имеют овеществленный результат, справедливо можно подвергнуть критике. В рамках данного договора главным является действия исполнителя по передаче, отправке или перевозке уже существующих материальных объектов – писем, бандеролей и т. п. Эти действия не направлены на изменение или создание новых материальных вещей. Результатом действия в данном случае является, например, сам акт отправки письма.

Исходя из этого, считаем, что бытующее мнение авторов о существовании таких услуг, которые приводят к определенному овеществленному результату, как, например, аудиторские и юридические услуги, результатом которых может быть передача заказчику письменного аудиторского или правового заключения, не имеет под собой никакой почвы. Предоставление исполнителем овеществленного результата заказчику является исключительно прерогативой подрядных работ. В данном контексте четко высказалась Р.А. Абдуллаева, которая считает, что

...консультация аудиторской организации, предоставляемая в устной форме, будет охватываться отношениями по оказанию услуг, а письменное заключение той же аудиторской организации должно регулироваться нормами о договоре подряда, поскольку наличие вещного результата – письменного заключения, определяет предмет обязательства как выполнение работы [Абдуллаева 2010, с. 121–122].

Следует согласиться с М.И. Брагинским и В.В. Витрянским, что в таком случае нужно говорить о смешанных – соединенных договорах. Они контролируются нормами о подряде и об услуге одновременно [Брагинский, Витрянский 2008, с. 336].

При работах заказчик рассчитывает на получение определенного результата, который всегда имеет овеществленную форму, который должен быть передан ему. Примером соотношения услуги и работы может быть следующее: услугой является, например, консультация юриста о том, как лучше составить гражданско-правовой договор; проведение лицом анализа того, почему сайт не понравился посетителям. Но если юрист составит гражданско-правовой договор, а лицо создало сайт, то это будет работа в чистом ее виде.

В отличие от услуг при работах заказчик знает, какой должен быть результат, поэтому и требует достижения именно этого результата. Подрядные правоотношения подчиняются принципу «нет результата, нет и оплаты» [Брагинский, Витрянский 2008, с. 318]. При этом результат работ приобретает вещественную форму, материализуется в созданных и измененных вещах, а потому может быть отделен от самого действия [Атакуева 2012, с. 31], т. е. работа опосредует появление самостоятельного оборотоспособного объекта гражданских прав в качестве результата [Мартиросова 2016, с. 111].

Следовательно, главным является вопрос, какой именно будет результат при оказании услуг? При услугах результат не имеет материальной формы и выражается в виде полезного эффекта от

действий, которые совершает исполнитель. Как правильно подметила М.Т. Атакуева, «услуга характеризуется отсутствием осязаемого реального характера производимого ею результата» [Атакуева 2012, с. 31]. При этом в рамках услуг достижение результата носит вероятный характер и зависит от многих субъективных и объективных факторов, которые невозможно предсказать или решить однозначно. Сторона – заказчик услуг, заключая договор оказания возмездных услуг, рассчитывает на получение определенного результата, в этом его интерес. Однако каков будет этот результат, он не знает. Следовательно, касательно результата услуги, другим важным моментом является ее непредсказуемый, вероятностный характер.

Ю.Х. Калмыков отмечает, что

...в обязательствах по оказанию услуг определяющим фактором является специфика самих действий как услуг, а не результат этих действий [Калмыков 1998, с. 33].

На наш взгляд, именно интерес в достижении результата побуждает заказчика к заключению договора об оказании возмездных услуг. Например, родитель, желая, чтобы сын выучил английский язык, нанимает репетитора. Но выучит ли сын язык, зависит от желания и способности мальчика с учетом того, что исполнитель – репетитор – будет добросовестно выполнять возложенные на него обязанности (своевременно приходить на занятия, заниматься с ребенком и т. п.).

Заключение

Таким образом, мы считаем, что созрела объективная необходимость в пересмотре устоявшейся концепции некоторых ученых о делении услуги с материальным и нематериальным результатом. Поскольку оказание услуги не подразумевает создание вещного по форме материального результата, это препятствует субсидиарному применению к услугам правовых норм о подряде, предметом которого является достижение, получение о вещественного результата. Отсюда делается вывод о том, что работа и услуга – разные по своему юридическому содержанию объекты обязательственных правоотношений, ввиду чего распространение на договор возмездного оказания услуг положений гражданского законодательства о подрядных работах неоправданно и неприменимо.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Учебно-методическое обеспечение деятельности Славянских университетов» (государственное задание, паспорт № 2881-21).

The work was carried out within the framework of the project “Educational and methodological support for the activities of Slavic universities” (state assignment, passport No. 2881-21).

Литература

- Абдуллаева 2010 – *Абдуллаева Р.А.* Проблемы правового регулирования аудиторской деятельности в Республике Таджикистан: Дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2010. С. 121–122.
- Атакуева 2012 – *Атакуева М.Т.* Проблемы соотношения понятий «работы» и «услуги» // Бизнес в законе. 2012. № 4. С. 29–31.
- Борисов 1997 – *Борисов Б.А.* Услуги. Правовой режим реализации. М.: Филинь, 1997. 420 с.
- Брагинский, Витрянский 2008 – *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 2008. 847 с.
- Головкина 2017 – *Головкина Д.В.* К вопросу о разграничении понятий «работа» и «услуга» в договорных отношениях // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 3 (78). С. 36–39.
- Гражданское право 2005 – *Гражданское право: Учеб.: В 3 т. / [Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев и др.]; Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой.* М.: ТК Велби: Проспект, 2005. Т. 1. 848 с.
- Дроздова 2003 – *Дроздова А.В.* Понятие и содержание услуги как объекта гражданских прав // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 39–44.
- Зайцева 2004 – *Зайцева Н.В.* Договор по оказанию медицинских услуг: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 186 с.
- Иншакова, Кагальницкова 2019 – *Иншакова А.О., Кагальницкова Н.В.* Теоретико-прикладные подходы к квалификации гражданских отношений по оказанию услуг // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 2. С. 90–93.
- Калмыков 1998 – *Калмыков Ю.Х.* К понятию обязательств по оказанию услуг в гражданском праве. Избранное: труды. Статьи. Выступления. М.: Статут, 1998. 312 с.
- Комментарий 2002 – Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2002. 704 с.
- Мартырозова 2016 – *Мартырозова Л.Э.* Оказание услуг как объект гражданских прав // Инновационная наука. 2016. № 7–8. С. 109–111.
- Практика применения 2011 – *Практика применения Гражданского кодекса Российской Федерации части второй и третьей / Под общ. ред. В.А. Белова.* М., 2011.
- Пучков 2008 – *Пучков Е.А.* Проблемы правового регулирования договора возмездного оказания услуг // Рос. юстиция. 2008. № 5. С. 10–12.
- Фартхутдинов 1983 – *Фартхутдинов Я.Ф.* Законодательство и судебная практика по некоторым видам бытового обслуживания. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1983. 433 с.

References

- Abdullaeva, R.A. (2010), Issues of legal regulation of the audit activity in the Republic of Tajikistan, Ph.D. (Law) Abstract, Dushanbe, Republic of Tajikistan.
- Abova, T.E. and Kabalkin, A.Yu. (eds.) (2002), *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoi Federatsii, chasti vtoroi* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation], vol. 1, Moscow, Russia.
- Atakueva, M.T. (2012), "Issues of the relationship between the concepts of 'work' and 'services'", *Business in law*, no. 4, pp. 29–31.
- Belov, V.A. (2011), *Praktika primeneniya Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoi Federatsii chasti vtoroi i tret'ei* [The practice of applying the Civil Code of the Russian Federation, parts two and three], Moscow, Russia.
- Borisov, B.A. (1997), *Uslugi. Pravovoi rezhim realizatsii* [Services. Legal regime of implementation], Filin, Moscow, Russia.
- Braginskii, M.I. and Vitryanskii, V.V. (2008), *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* [Contract law. General provisions], Statut, Moscow, Russia.
- Drozдова, A.V. (2003), "The concept and content of a service as an object of civil rights", *Siberian law herald*, no. 1, pp. 39–44.
- Fartkhutdinov, Ya.F. (1983), *Zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika po nekotorym vidam bytovogo obsluzhivaniya* [Legislation and judicial practice on certain types of consumer services], Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, Kazan, Russia.
- Golovkina, D.V. (2017), "On the issue of delimiting the concepts of 'work' and 'service' in contractual relations", *Bulletin of Prikamsky Social Institute*, no. 3 (78), pp. 36–39.
- Inshakova, A.O. and Kagalnitskova, N.V. (2019), "Theoretical and applied approaches to qualification of civil relations on rendering services", *Legal Concept*, vol. 18, no. 2, pp. 90–93.
- Kalmykov, Yu.Kh. (1998), *K ponyatiyu obyazatel'stvo po okazaniyu uslug v grazhdanskoy pravoye: Izbrannye trudy. Stat'i. Vystupleniya* [On the concept of obligations to provide services in civil law. Selected works. Articles. Reports.], Statut, Moscow, Russia.
- Martirosova, L.E. (2016), "Provision of services as an object of civil rights", *International scientific journal INNOVATION SCIENCE*, no. 7–8, pp. 109–111.
- Puchkov, E.A. (2008), "Issues of legal regulation of a paid services agreement", *Rossiiskaya Yustitsiya*, no. 5, pp. 10–12.
- Sergeev, A.P. and Tolstoy Yu.K. (eds.) (2005), *Grazhdanskoe pravo* [Civil law], Text-book in 3 vols., vol. 1, TK Velbi, Prospekt, Moscow, Russia.
- Zaitseva, N.V. (2004), *Contract for the provision of medical services*, Ph.D. (Law) Thesis, Volgograd, Russia.

Информация об авторе

Зайнура И. Исмоилова, кандидат юридических наук, доцент, Российско-Таджикский (славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734000, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, д. 30; ismoilova-2016@mail.ru

Information about the author

Zaimura I. Ismoilova, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, M. Tursunzode Street, Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734000; ismoilova-2016@mail.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
Ж.П. Григорьева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 27.06.2022.
Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 8,9. Усл. печ. л. 9,4.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1537

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru